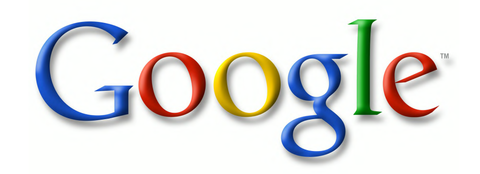
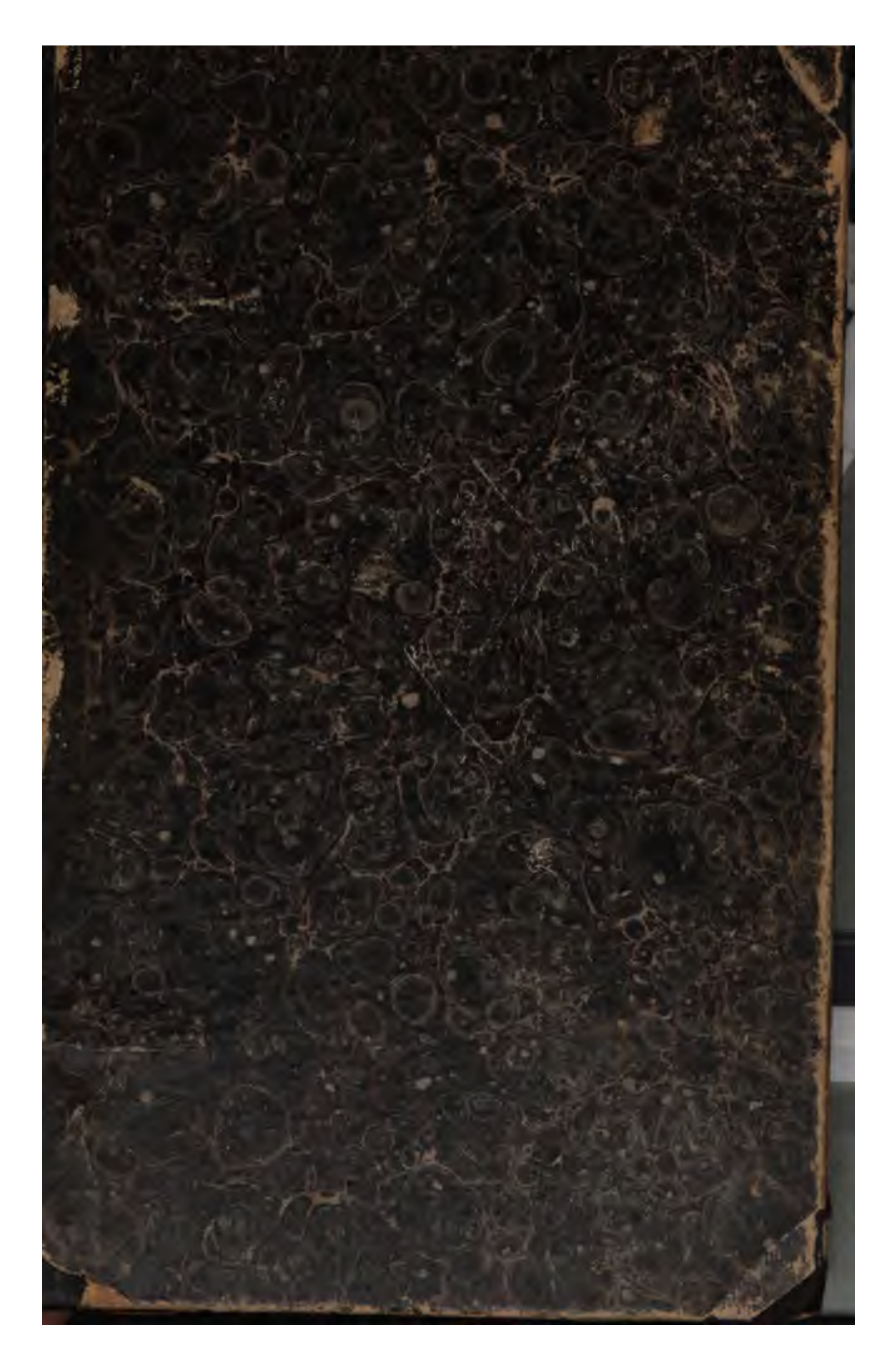

ИДЕАЛЫ
ПУШКИНА

АКТОВАЯ РѢЧЬ

В. В. НИКОЛЬСКАГО

съ приложеніемъ статей того же автора «Жобаръ и Пушкинъ» и «Дантесъ-Гекеренъ»

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ,

ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ ЗАМѢТКОЮ ТОГО ЖЕ АВТОРА

„Къ библіографіи Евгенія Онѣгина"

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., 13
1899

Дозволено цензурою 28 августа 1899 г. С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНІЮ.

Третье изданіе начало поступать въ продажу съ 7-го мая, а къ 1-му іюня у издателя не оставалось уже ни одного свободнаго экземпляра и продолжающійся спросъ на «Идеалы Пушкина» побудилъ къ немедленному выпуску въ свѣтъ настоящаго четвертаго изданія.

Въ виду столь краткаго промежутка времени издателю удалось внести не всѣ тѣ новыя усовершенствованія, которыя оказались необходимыми.

Во всякомъ случаѣ, сравнительно съ третьимъ—четвертое изданіе дополнено замѣткою В. В. Никольскаго «Къ библіографіи Евгенія Онѣгина» (первоначально появилась въ «Россійской Библіографіи» 1881 г., № 95 (19), 15 октября, стр. 409—410).

Въ замѣтку «Жобаръ и Пушкинъ» внесена позабытая въ 3-мъ изданіи поправка къ

стихамъ Жобара, помѣщенная первоначально въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. 28, стр. 816.

Вмѣсто двѣнадцати, рѣчь разбита на четырнадцать частей, изъ которыхъ каждой дано особое заглавіе. Примѣчанія размѣщены въ болѣе цѣлесообразномъ порядкѣ и одно изъ нихъ перенесено въ текстъ настоящаго предисловія. Немногія оставшіяся глухія цитаты снабжены точными ссылками.

Относительно выписокъ и ссылокъ принятъ во вниманіе первый томъ академическаго изданія Пушкина и всѣ появившіяся къ пушкинскому юбилею новыя изданія цитируемыхъ статей и книгъ.

Всѣ выдержки изъ сочиненій Пушкина приводятся по изданію литературнаго фонда, 7 т. т., Спб. 1887, и въ ссылкахъ указывается римскою цифрою томъ, а арабскою— страница. Въ ссылкахъ на академическое изданіе томъ обозначается буквой А и арабскою цифрою.

Б. Никольскій.

10 іюня 1899 г.
С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

Предлагаемая здѣсь въ третьемъ изданіи рѣчь объ идеалахъ Пушкина была первоначально произнесена В. В. Никольскимъ на торжественномъ актѣ въ С.-Петербургской Духовной Академіи въ 1881 году и затѣмъ напечатана въ № 3—4 журнала »Христіанское Чтеніе» за 1882 г., стр. 487—537. Одновременно она вышла въ свѣтъ особою брошюрою, 53 стр. in 8°, Спб. 1882.

Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Пушкина появилось ея второе изданіе, Спб. 1887, 55 стр. in 8°, перепечатанное съ перваго безо всякихъ перемѣнъ.

Въ настоящее время и это изданіе распродано и въ удовлетвореніе не прекращающемуся спросу выпускается настоящее, третье изданіе, по возможности усовершенствованное въ типографскомъ отношеніи и съ тщательно пересмотрѣннымъ правописаніемъ. Для большей наглядности текстъ рѣчи разбитъ на XII главъ. Ко всѣмъ ссылкамъ прибавлены точныя указанія тома и страницы по лучшимъ новымъ изданіямъ, съ которыми согласованъ и текстъ самыхъ выписокъ. Въ остальномъ рѣчь перепечатывается безъ какихъ либо измѣненій и до-

полнительныхъ примѣчаній издателя (кромѣ двухъ только случаевъ, стр. 30 и 111, гдѣ въ интересахъ читателей потребовались объясненія), такъ какъ добытыя за послѣдніе годы новыя свѣдѣнія требуютъ лишь мелкихъ оговорокъ и поправокъ, въ цѣломъ отнюдь не подрывающихъ основныхъ воззрѣній автора.

Въ видѣ приложенія въ концѣ брошюры помѣщены обѣ другія, появившіяся въ печати, замѣтки того же автора, касающіяся Пушкина,—«Жобаръ и Пушкинъ» (первоначально появилась въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. 28, стр. 555—564) и «Дантесъ-Гекеренъ» (первоначально появилась въ «Русской Старинѣ» 1880 г., т. 29, стр. 426—431 и 458). Въ первой изъ нихъ тщательно пересмотрѣны съ цѣлью достиженія возможной близости къ подлинникамъ переводы письма Пушкина и письма Жобара и прибавленъ сдѣланный издателемъ переводъ французскихъ стиховъ Жобара, такъ какъ они являются не столько переводомъ, сколько подражаніемъ Пушкину. Въ приложеніи ко второй замѣткѣ перепечатано и снабжено русскимъ переводомъ издателя стихотвореніе Гюго, относящееся къ Гекерену.

Б. Никольскій.

26 апрѣля 1899 г.
С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Авторъ перепечатываемой здѣсь статьи, покойный профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея, С.-Петербургской Духовной Академіи и Женскихъ Педагогическихъ Курсовъ, В. В. Никольскій, былъ горячимъ поклонникомъ и глубокимъ знатокомъ Пушкина; но многочисленныя занятія позволяли ему лишь изрѣдка дѣлиться съ обществомъ результатами своихъ изслѣдованій.

За годъ со своей смерти († 15-го марта 1883 г.) онъ задумалъ основать Пушкинское общество по образцу заграничныхъ Шекспировскихъ обществъ; но съ тяжкою болѣзнью, постигшею Владиміра Васильевича, которая и свела его въ могилу, распалось образованное было имъ ядро Пушкинскаго общества.

Въ бумагахъ покойнаго профессора найдены различные черновые матеріалы, касающіеся Пушкина и его эпохи. Въ числѣ этихъ матеріаловъ обращаетъ на себя вниманіе набросокъ изслѣдованія о «Мѣдномъ Всадникѣ», устанавливающій совершенно новую точку зрѣнія на это замѣчательное произведеніе великаго поэта.

Смерть застигла Владиміра Васильевича за новою біографическою работой о Пушкинѣ, для которой онъ изучалъ переписку поэта.

Энергичному почину и неутомимой дѣятельности В. В. Никольскаго обязана своимъ существованіемъ прекрасная Пушкинская библіотека, собранная Императорскимъ Александровскимъ Лицеемъ.

ИДЕАЛЫ ПУШКИНА

I.

Состоянiе критической оцѣнки Пушкина въ 1881 году.

Скоро исполнится пятьдесятъ лѣтъ со смерти Пушкина. Слава, такъ шумно встрѣтившая его при самомъ первомъ появленiи на литературномъ поприщѣ, утвердилась и возрасла до небывалыхъ въ Россiи размѣровъ. Московскiя торжества 1880 года, при открытiи памятника Пушкину, показали, какъ глубоко проникли въ общественное сознанiе уваженiе и любовь къ великому народному поэту.

Если о зрѣлости народа можно судить по его уваженiю къ своимъ историческимъ дѣятелямъ, то, конечно, пушкинскiе дни въ Москвѣ свидѣтельствовали о великихъ успѣхахъ нашего самосознанiя. Но если взглянуть на то же самое событiе со спокойной

и безпристрастной точки зрѣнія, то оно представится уже не въ столь радужныхъ краскахъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что, какъ ни много было говорено и писано о Пушкинѣ въ то время, однако же все сказанное и написанное служило гораздо болѣе выраженіемъ чувства, нежели ясной и опредѣленной мысли. Такое настроеніе объясняется отчасти самымъ характеромъ празднества; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно свидѣтельствуетъ и о томъ, что въ обществѣ, очевидно, еще не выработалось и не установилось такого понятія о Пушкинѣ, которое бы само собою высказалось, какъ общесознанное убѣжденіе. И если мы оглянемся назадъ въ исторію нашей литературы, то должны будемъ сознаться, что для изученія Пушкина у насъ сдѣлано слишкомъ мало, если только что̀ нибудь сдѣлано. Конечно, внѣшнія обстоятельства имѣли при этомъ немаловажное значеніе. Хотя въ настоящее время въ печати появилось почти все, что̀ написано Пушкинымъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ произведеній, появленіе которыхъ было бы и нежелательно, но несомнѣнно, что въ черновыхъ рукописяхъ поэта еще таятся матеріалы, важные для его характеристики и оцѣнки. Біографическія свѣдѣнія только въ

послѣднее время достигли такой полноты, при которой сдѣлался возможнымъ послѣдовательный и связный очеркъ его жизни; но и здѣсь еще остаются чувствительные пробѣлы и темныя мѣста[1]). При всемъ томъ мы не видимъ даже и попытокъ уяснить содержаніе поэзіи Пушкина, опредѣлить ея характеръ, направленіе и значеніе.

Одна только сторона разъяснена съ исчерпывающею полнотою: сторона художественная или эстетическая. И это совершенно понятно: художественное достоинство произведеній Пушкина составляетъ такой яркій, выдающійся ихъ признакъ, что, конечно, именно съ этой стороны Пушкинъ прежде всего и могъ, и долженъ былъ быть принятъ и понятъ. Но эстетическое изученіе не можетъ быть полно уже по самой своей односторонности. Если, благодаря «живой

---

[1]) Сочиненія Анненкова, не смотря на запутанность и темноту изложенія, иногда умышленную, составляютъ единственныя книги въ нашей литературѣ, по которымъ можно изучать Пушкина. Матеріалы, публикуемые въ «Русскомъ Архивѣ» г. Бартеневымъ, драгоцѣнны сами по себѣ, но отсутствіе описанія рукописей, изъ которыхъ они заимствуются, и совершенный произволъ въ выборѣ публикуемыхъ безо всякихъ признаковъ плана и системы отрывковъ дѣлаютъ невозможнымъ правильное пользованіе этими матеріалами.

прелести» стиховъ Пушкина[1]), они стали дѣйствительно знакомы каждому грамотному русскому, то нельзя не спросить съ другой стороны, какое же содержаніе, какія понятія, стремленія и чувства вносятъ эти стихи въ общее сознаніе? Ограничивая воспитательное значеніе Пушкина только одною художественною стороною, придемъ неизбѣжно къ отрицанію всякаго другого значенія Пушкина, какъ мы и видѣли тому примѣръ въ нашей литературѣ[2]). Къ тому же самое признаніе Пушкина народнымъ поэтомъ,— а это признаніе уже утвердилось въ общемъ мнѣніи,— не позволитъ ограничиться эстетическимъ опредѣленіемъ, потому что нельзя же художественность счесть отличительнымъ признакомъ нашей народности. Напротивъ, самый этотъ признакъ народности заставляетъ предполагать извѣстную сумму идей, свойственныхъ русскому народу

---

[1]) Выраженіе Жуковскаго въ стихотвореніи Пушкина «Я памятникъ себѣ воздигъ нерукотворный» (II, 189—190 и примѣчаніе).

[2]) Мы разумѣемъ статьи Писарева. При всей несправедливости ихъ по отношенію къ Пушкину онѣ имѣли однако же то значеніе, что обнаружили противорѣчія и несостоятельность эстетическаго воззрѣнія и показали дальнѣйшую невозможность смотрѣть на Пушкина глазами Бѣлинскаго.

и отличающихъ его, какъ историческую личность, отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Намъ кажется, наступило время собрать въ одинъ цѣльный образъ разбросанныя черты пушкинскаго міросозерцанія и сдѣлать попытку, на первый разъ можетъ быть и не вполнѣ счастливую, опредѣлить идеальное содержаніе поэзіи Пушкина.

II.

Біографическое значеніе Пушкинскаго творчества.

Ставя своею задачей уяснить идеалы Пушкина на основаніи его произведеній, мы предварительно должны показать, въ какомъ отношеніи находились созданія Пушкина къ его личности: были ли они только игрой его поэтической фантазіи, произведеніями художественнаго генія, не выражавшими никакихъ личныхъ убѣжденій поэта, какъ полагала эстетическая критика,—или же, напротивъ того, они были выраженіемъ личной жизни автора, чувствъ, дѣйствительно имъ пережитыхъ, мыслей, дѣйствительно имъ передуманныхъ? Въ послѣднемъ случаѣ, который мы, конечно, единственно и прини-

маемъ, прежде, чѣмъ перейти къ изображенію идеаловъ поэта, намъ необходимо предварительно разсмотрѣть, въ чемъ состояла особенность поэтическаго дарованія Пушкина и какимъ образомъ это дарованіе относилось къ событіямъ дѣйствительной его жизни. Драгоцѣнные, хотя все еще далеко не полные, матеріалы Анненкова [1]) даютъ возможность рѣшить этотъ вопросъ безъ особаго затрудненія.

«Поэзія бываетъ исключительно страстію немногихъ, родившихся поэтами: она объемлетъ и поглощаетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія ихъ жизни» (V, 28). Эти слова Пушкина въ высшей мѣрѣ прилагаются къ нему самому. И, чтобы понять всю ихъ силу, надо послушать, что̀ говоритъ самъ Пушкинъ объ источникахъ и дѣйствіяхъ своей поэзіи. «Наперсница волшебной

[1]) «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній». П. В. Анненкова. Спб. 1873. Сначала были помѣщены въ I томѣ сочиненій Пушкина, изд. Анненкова, но безъ раздѣленія на главы. Въ дальнѣйшемъ сокращенно цитируются «Матеріалы» по отдѣльному (второму) изданію. Второе сочиненіе Анненкова—«А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху (1799—1826гг.)» Спб. 1874 — представляетъ опытъ болѣе связнаго изложенія біографіи Пушкина въ указанныхъ предѣлахъ. Наши ссылки приводятся подъ сокращеннымъ заглавіемъ «Пушкинъ».

старины», еще качая его дѣтскую колыбель, «плѣнила» его «юный слухъ» своими напѣвами

И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила (I, 246):

Въ тѣ дни, когда въ садахъ лицея
Я безмятежно расцвѣталъ, —
Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
Весной, при кликахъ лебединыхъ,
Близь водъ сіявшихъ, въ тишинѣ,
Являться Муза стала мнѣ (III, 380).

Съ этихъ поръ она сопровождала его во всю жизнь: шла за нимъ на «безумные пиры юности», скакала съ нимъ на конѣ по скаламъ Кавказа, водила по берегамъ Тавриды слушать шумъ морской,

Глубокій, вѣчный хоръ валовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ (III, 283),

«въ глуши Молдавіи печальной» посѣщала «смиренные шатры племенъ бродящихъ», въ его саду «являлась барышней уѣздной», съ нимъ ходила на «свѣтскій раутъ» (III, 383—384) и, наконецъ, «послушная Божію велѣнію» (II, 190), поддерживала его въ послѣдніе дни его жизни.

Не одни воспоминанія о вѣчно сопутствующей отъ колыбели до могилы Музѣ оста-

вилъ намъ Пушкинъ; онъ описалъ намъ и ея бесѣды съ нимъ. Вотъ онъ въ лицейской «кельѣ» (A1, 15; 149) № 14:

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Онъ въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ.
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья
И тихій, тихій льется гласъ,
Дрожатъ златыя струны, —
Въ глухой, безмолвный мрака часъ
Поетъ мечтатель юный (A1, 159).

Но наконецъ онъ заснулъ. Напрасно, — и во снѣ онъ видитъ стихи:

Пускай Глицерія, красавица младая...

снится ему. Что̀ «пускай»? Нѣтъ ни начала, ни конца... Ничего: на утро онъ найдетъ и то, и другое, и создастъ стихотвореніе «Лицинію» (A1, 115; прим. стр. 123), по силѣ стиха, по важности содержанія, по строгой точности выраженія—почти невѣроятное для пятнадцатилѣтняго юноши. Онъ садится къ своей чернильницѣ:

Перо по книжкѣ бродитъ, —
Безъ всякаго труда

Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То—звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То—ѣдкой шутки соль,
То—странность риѳмы новой,
Неслыханной дотоль (I, 244).

Вотъ какъ изображаетъ онъ свое творчество въ позднѣйшую эпоху:

Все волновало нѣжный умъ:
Цвѣтущій лугъ, луны блистанье,
Въ часовнѣ ветхой—бури шумъ,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демонъ обладалъ
Моими играми, досугомъ,
За мной повсюду онъ леталъ,
Мнѣ звуки дивные шепталъ—
И тяжкимъ, пламеннымъ недугомъ
Была полна моя глава,
Въ ней грезы чудныя раждались,
Въ размѣры стройные стекались
Мои послушныя слова
И звонкой риѳмой замыкались.
Въ гармоніи соперникъ мой
Былъ шумъ лѣсовъ, иль вихорь буйный,
Иль иволги напѣвъ живой,
Иль ночью моря гулъ глухой,
Иль шопотъ рѣчи тихоструйной (I, 310).

А вотъ еще картина изъ другого, болѣе поздняго, времени:

И пробуждается поэзія во мнѣ,
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ, и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться наконецъ свободнымъ проявленьемъ.
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,—
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.
И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута—и стихи свободно потекутъ (II, 104—105).

Понятно, что, при такой силѣ поэтическаго дарованія, каждое событіе, каждое впечатлѣніе, каждое движеніе чувства неминуемо облекалось у Пушкина въ поэтическій образъ. Тщательныя, кропотливыя изысканія показали, что у Пушкина, за исключеніемъ развѣ самыхъ первыхъ его опытовъ, нѣтъ стихотворенія, нѣтъ образа, нѣтъ даже отдѣльной черты въ образѣ, которая бы не имѣла своего основанія въ дѣйствительности. Мы не станемъ приводить длиннаго ряда доказательствъ. Ограничимся однимъ, но самымъ убѣдительнымъ, примѣромъ того, какъ отражались въ поэзіи Пушкина его душевныя движенія. Вотъ что̀ разсказываетъ Анненковъ: «Описаніе красоты Маріи (въ «Полтавѣ» — III, 109) стоило, какъ видно, нѣкоторыхъ усилій Пушкину. Пушкинъ маралъ свои стихи, возвращался

къ нимъ и снова замѣнялъ ихъ другими. Какъ будто удивленный этою досадной остановкою на одномъ лицѣ, онъ вдругъ покидаетъ его и подъ стихами о Маріи начинаетъ писать совсѣмъ другое:

Риѳма, звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?
Твой привычный звучный лепетъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль;
Ты ласкалась, ты манила
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль.
Ты, бывало, мнѣ внимала,
За мечтой моей бѣжала
Какъ послушное дитя;
То — свободна и ревнива,
Своенравна и лѣнива,
Съ нею спорила, шутя (II, 58)...

Такъ-то справедливы были его жалобы на непокорность риѳмы», замѣчаетъ Анненковъ [1]). Да, прибавимъ мы отъ себя, поэтъ имѣлъ право сказать:

Вѣдь риѳмы запросто со мной живутъ:
Двѣ придутъ сами, третью приведутъ (III, 153).

[1]) Анненковъ, «Матеріалы», стр. 195—197.

Послѣ этого, мы считаемъ себя въ правѣ сказать, что поэзія Пушкина имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе, что въ ней онъ выражалъ свои дѣйствительные помыслы, надежды, стремленія и идеалы.

III.

Искренность и скрытность поэта.

Но здѣсь мы должны сдѣлать два существенно важныхъ замѣчанія. Никогда Пушкинъ не оставлялъ своихъ произведеній въ той первоначальной формѣ, въ которой зараждались они подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ впечатлѣнія. Напротивъ, долгое время обработывая, переработывая свои созданія, онъ сглаживалъ съ нихъ, такъ сказать, эту теплоту дѣйствительности до тѣхъ поръ, пока все частное, личное, случайное не растворялось въ той поэтической всеобщности, въ которой оно переставало быть событіемъ чьей либо единоличной жизни и дѣлалось фактомъ общечеловѣческаго бытія. Къ этому мы должны прибавить еще одну черту чрезвычайной важности. Это, такъ сказать, обратно пропорціональное отношеніе между поэтическимъ выраженіемъ впе-

чатлѣнія и нравственнымъ его значеніемъ. Внѣшнее, случайное—легко переносится въ поэтическое произведеніе. Довольно мелькнуть въ умѣ шуточному вопросу о Тарквиніи—и «Графъ Нулинъ» готовъ въ два утра (V, 194). Но чѣмъ глубже дѣло касается внутренней жизни поэта, тѣмъ дольше вынашивается образъ въ его душѣ, тѣмъ больше онъ измѣняется въ обработкѣ, тѣмъ больше удаляется отъ дѣйствительнаго событія.

Изъ множества óбразовъ, которые проходили черезъ воображеніе поэта, изъ множества страстей, волновавшихъ его сердце и такъ или иначе отозвавшихся въ его поэзіи, въ его жизни было одно несомнѣнно глубокое и истинное чувство. Оно вызвало цѣлый рядъ произведеній, которыя неоспоримо должно назвать вѣнцомъ пушкинской лирики. И между тѣмъ только усиленнымъ трудамъ біографовъ и комментаторовъ удалось отыскать ихъ жизненную основу. Достойно замѣчанія, какъ Пушкинъ сглаживалъ со своихъ произведеній эти жизненныя черты. Элегія «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» (II, 2) первоначально начиналась такъ:

Подъ небомъ сладостнымъ Италіи своей;

но географическое имя и указаніе, съ нимъ связанное, слишкомъ прямо указывали на лицо, вызвавшее стихотвореніе,—и Пушкинъ измѣняетъ его редакцію. Еще любопытнѣе передѣлка въ стихотвореніи:

Для береговъ *отчизны* дальной
Ты покидала край *чужой* (II, 119),

которое до поправки читалось:

Для береговъ *чужбины* дальной
Ты покидала край *родной* (II, 119).

Для насъ имѣетъ особенную цѣну одинъ варіантъ. Когда тягость жизни стала особенно чувствительна для Пушкина и въ самый день его рожденія выразилась грустнымъ стихотвореніемъ «Даръ напрасный, даръ случайный» (II, 38), высокопреосвященный Филаретъ, который высоко цѣнилъ и талантъ, и лицо Пушкина, отвѣтилъ ему стихотвореніемъ, которое какъ нельзя болѣе подходило и къ собственному образу мыслей Пушкина. Пораженный этимъ трогательнымъ знакомъ участія и вниманія, Пушкинъ отвѣчалъ въ свою очередь стансами «Въ часы забавъ иль праздной скуки» (II, 58). Послѣдняя строфа этого стихотворенія читалась:

Твоимъ огнемъ душа *согрѣта*,
Отвергла блескъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ *Филарета*
Въ священномъ ужасѣ поэтъ,

но слишкомъ прямое указаніе на дѣйствительность заставило Пушкина укрыть истинное значеніе стихотворенія и дать ему характеръ чисто поэтическаго образа:

Твоимъ огнемъ душа *палима*,
Отвергла блескъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ *серафима*
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

И причина этихъ передѣлокъ заключается вовсе не въ художественныхъ требованіяхъ, а въ глубокомъ нравственномъ чувствѣ поэта. Если бы мы захотѣли опредѣлить самую сокровенную сущность души поэта, мы назвали бы ее цѣломудріемъ. Отсюда замѣшательство, робость, застѣнчивость, неловкость тамъ, гдѣ Пушкинъ долженъ былъ выразить свое истинное чувство: вспомнимъ его бѣгство передъ Державинымъ, его неловкость передъ Гончаровой и множество подобныхъ анекдотовъ. Пушкинъ зналъ это свойство своей природы и не только старался таить въ себѣ свои лучшія свойства, такъ что, чѣмъ святѣе для него было чув-

ство, тѣмъ меньше онъ его высказывалъ, но еще, какъ разъ напротивъ, всячески старался отречься отъ этого чувства, даже осмѣять его, лишь бы не приписали его ему, и наоборотъ охотно и добровольно бралъ на себя всякіе пороки, и попреимуществу тѣ, которые были противоположны затаеннымъ въ немъ добродѣтелямъ. Это добровольное, какъ выразился одинъ изъ біографовъ [1]), «юродство» поэта еще болѣе запутывало сужденія о немъ. «Въ немъ не было ни внѣшней, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ; онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ высшемъ цинизмѣ по этимъ предметамъ», отзывался о Пушкинѣ одинъ изъ его лицейскихъ товарищей. Впрочемъ, самъ суровый судья-товарищъ прибавляетъ къ приведенному отзыву слова: «я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели думалъ и чувствовалъ» [2]).

Драгоцѣнное признаніе заключается въ одномъ анекдотѣ о Байронѣ, который Пушкинъ въ 1830 году напечаталъ въ Литера-

---

[1]) Бартеневъ, «Пушкинъ въ Южной Россіи». «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 1170.
[2]) Анненковъ, «Пушкинъ», стр. 41 прим.

турной газетѣ. Анекдотъ состоитъ въ томъ, что Байронъ чрезвычайно дорожилъ крестомъ, который подарилъ ему одинъ монахъ въ Аѳинахъ, такъ что никогда съ нимъ не разставался. Но дѣло не въ анекдотѣ, а въ тѣхъ размышленіяхъ, которыми Пушкинъ его сопровождаетъ. «Душа человѣка», говоритъ Пушкинъ, «есть недоступное хранилище его помысловъ: если самъ онъ таитъ ихъ, то ни коварный глазъ непріязни, ни предупредительный взоръ дружбы не могутъ проникнуть въ сіе хранилище. И какъ судить о свойствахъ и образѣ мыслей человѣка по наружнымъ его дѣйствіямъ? Онъ можетъ по произволу надѣвать на себя притворную личину порочности, какъ и добродѣтели. Часто, по какому-либо своенравному убѣжденію ума своего, онъ можетъ выставлять на позоръ толпѣ не самую лучшую сторону своего нравственнаго бытія; часто можетъ бросать пыль въ глаза черни однѣми своими странностями».—«Видно изъ этого случая», прибавляетъ Пушкинъ, «что вѣра внутренняя перевѣшивала въ душѣ Байрона скептицизмъ, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Можетъ быть даже, что скептицизмъ сей былъ только временнымъ своенравіемъ ума, иногда идущаго вопреки

убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной»[1]). На эту статью нельзя иначе смотрѣть, какъ на публичное оправданіе самого Пушкина. Искренность его стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, но и желаніе высказаться объ этомъ передъ обществомъ также достойно замѣчанія и говоритъ много.

Зная это свойство, мы безъ большого затрудненія опредѣлимъ, чему вѣрить и чему не вѣрить въ Пушкинѣ. Мы считаемъ себя въ правѣ отбросить все то, что̀ наиболѣе бросается въ глаза въ его жизни, и сколько можно внимательнѣе присматриваться къ тому, что̀, затаенное въ глубинѣ души, только украдкою сказывалось въ его интимныхъ сношеніяхъ.

IV.

Среда, идеалы и творчество.

Руководствуясь этими указаніями, мы можемъ теперь уже съ нѣкоторой увѣренностью приступить къ нашей задачѣ опредѣ-

---

[1]) Въ изданіи литературнаго фонда этотъ анекдотъ исключенъ (V, 263, прим.) въ виду того, что его принадлежность Пушкину не доказана. Въ изданіи Ефремова, М. 1880—1881, этотъ анекдотъ перепечатанъ т. V, стр. 118—120.

Примѣчаніе издателя.

ленія идеаловъ Пушкина. Разсматривая на основаніи всѣхъ извѣстныхъ данныхъ развитіе Пушкина, мы видимъ въ немъ два ясно разграниченныхъ періода, которые внѣшнимъ образомъ совпадаютъ съ границею двухъ царствованій. Различіе между этими двумя эпохами такъ существенно, что его можно бы объяснить какими-нибудь внѣшними обстоятельствами, произведшими рѣшительный переломъ въ настроеніи поэта, если бы несомнѣнные факты не говорили убѣдительнѣйшимъ образомъ, что перемѣна въ Пушкинѣ совершалась постепенно, самостоятельнымъ и свободнымъ движеніемъ его мысли, и если бы извѣстные взгляды не предшествовали тѣмъ событіямъ, которыхъ вліянію ихъ можно бы приписать. Событія только пополняли и уясняли то, что̀ уже проникло въ убѣжденія Пушкина, но еще не вполнѣ опредѣлилось въ его сознаніи.

Правда, въ хронологіи событій мы не найдемъ той строгой послѣдовательности, какая представляется въ отвлеченіи, такъ что весьма нерѣдко мы встрѣтимся съ фактами, рѣзко другъ другу противорѣчащими и повидимому опровергающими наше построеніе. Это явленіе уже останавливало на себѣ вниманіе біографовъ Пушкина и приводило

ихъ къ мысли о двойственности его натуры, разрозненности, разорванности его личности [1]). Но причина всѣхъ недоразумѣній заключается въ самыхъ свойствахъ пушкинскаго развитія. Оно шло чрезвычайно быстро и притомъ, если можно такъ выразиться, разомъ во всѣ стороны. Пушкинъ нерѣдко обгонялъ самого себя и, тогда какъ перо заносило на бумагу одинъ рядъ идей, дѣйствительныя мысли Пушкина были уже далеко впереди и вовсе не похожи на тѣ, которыя читались въ его произведеніяхъ. И наше изложеніе, слѣдя за прихотливыми изгибами широкаго и многовѣтвистаго русла, въ которомъ текла мысль Пушкина, по необходимости будетъ уклоняться отъ строгой хронологической послѣдовательности; но тѣмъ не менѣе мы постараемся сохранить во всей ясности основныя черты отдѣльныхъ періодовъ.

Мы видѣли, какою могущественною, «демоническою», по выраженію самого Пушкина (I, 310), силою творчества былъ онъ одаренъ: какая же была потребна нравствен-

---

[1]) Анненковъ, «Матеріалы», стр. 395: «Не надо забывать, что изъ смѣшенія противоположностей состоитъ весь поэтическій обликъ Пушкина». Бартеневъ, «Русскій Архивъ» 1866 г., стр. 1169.

ная сила, чтобы обуздать и направить къ истиннымъ и высокимъ цѣлямъ это бурное дарованіе! Гдѣ же могъ Пушкинъ почерпнуть эту нравственную силу?

Прежде всего — не въ семьѣ. Напротивъ, семья дала Пушкину все, что̀ только могло развратить въ корень и сгубить молодую душу. Поступая въ лицей одиннадцати лѣтъ, Пушкинъ уже зналъ наизусть всю французскую литературу, со всѣми вольнодумными, матеріалистическими и соблазнительными произведеніями, которыми было такъ богато восемнадцатое столѣтіе [1]). Неудивительно, что воспитатели Пушкина отзывались о немъ, какъ о юношѣ, въ сердцѣ котораго нѣтъ ни любви, ни религіи [2]); неудивительно, что онъ долго носилъ на себѣ отпечатокъ семейнаго вліянія; но удивительно, что онъ сумѣлъ отъ него освободиться.

Школа, въ которую затѣмъ поступилъ Пушкинъ, по своему устройству, по выбору профессоровъ, представляла самое блестящее явленіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ воспитательная сторона далеко не отвѣчала педагогическимъ требованіямъ. Первый директоръ лицея, Малиновскій, умеръ вскорѣ и

[1]) Анненковъ, «Матеріалы», стр. 12.
[2]) Анненковъ, «Пушкинъ», стр. 41 прим.

до вступленія въ эту должность Энгельгардта лицей въ теченіе двухъ лѣтъ оставался безъ директора. Это время Пушкинъ назвалъ временемъ безначалія (V, 2). Распущенность проникла въ нравы заведенія и Энгельгардту не сразу удалось водворить порядокъ.

Семнадцати-лѣтнимъ юношею Пушкинъ уже окончилъ курсъ, числился на государственной службѣ и неудержимо ринулся во всѣ удовольствія и увлеченія свѣтской жизни. Первая глава «Евгенія Онѣгина» рисуетъ несомнѣнно и портретъ, и образъ жизни самого Пушкина. Что̀ же, кромѣ удовольствій, нашелъ Пушкинъ въ томъ обществѣ, въ которое теперь вступилъ?

Время Александра I-го было временемъ высшаго господства европеизма въ русской жизни. Восторженный поклонникъ запада, ученикъ республиканца Лагарпа, окруженный министрами, иногда неумѣвшими говорить по-русски, императоръ Александръ I въ самомъ началѣ своего царствованія сталъ во главѣ такъ называемаго либеральнаго движенія, стремившагося къ пересадкѣ на русскую почву западныхъ идей и учрежденій, несомнѣнно изящныхъ, благородныхъ и гуманныхъ, но не связанныхъ ни съ исторіей, ни съ устройствомъ, ни съ бытомъ, ни съ

задачами Россіи. Не трудно представить себѣ, какой безграничный просторъ получило распространеніе этихъ идей въ нашемъ обществѣ. Ихъ несогласіе съ русскою жизнью уже давало себя чувствовать довольно рѣзкими и жесткими противорѣчіями. Самъ императоръ Александръ вынужденъ былъ наконецъ остановиться передъ этими противорѣчіями. Но общество, и особенно молодежь, не могло остановиться такъ скоро и броженіе шло далѣе и далѣе, пока наконецъ не разразилось роковымъ кризисомъ 14-го декабря. Конечно, этотъ либеральный духъ, проносившійся надъ моремъ русской жизни, волновалъ и пѣнилъ только ея поверхность, но именно въ ней то и плавалъ Пушкинъ -- и была ли какая-нибудь возможность для его чуткой и отзывчивой натуры не увлечься этимъ вихремъ и не повторить его отголосковъ въ своей поэзіи? И мы видимъ дѣйствительно, что Пушкинъ въ первыя десять лѣтъ своей дѣятельности (1814—1824) является отголоскомъ всѣхъ вѣяній, которыя проносятся надъ русскою жизнью. Мы разумѣемъ не то либеральное настроеніе, которое вызвало эти историческія строки:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство, падшее на манію царя,
И надъ отечествомъ — свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря? (I, 206);

увлеченіе либеральными идеями было сильнѣй и глубже и оставило рѣзкій слѣдъ въ его произведеніяхъ. Пушкинъ даже мечталъ, что его имя напишутъ «на обломкахъ самовластья» (I, 190).

Но важнѣе, чѣмъ увлеченіе либеральными идеями, было другое направленіе мысли, съ которымъ дважды повстрѣчался Пушкинъ: это было чистое невѣріе. Сначала оно явилось предъ нимъ въ поэтическомъ образѣ Демона (I, 292—293). Быть можетъ, въ немъ есть черты какого-нибудь дѣйствительнаго лица, но, какъ бы то ни было, этотъ образъ на нѣкоторое время овладѣлъ душою Пушкина и, хотя поэту «было грустно, тяжко, больно»,

Но, одолѣвъ мой умъ въ борьбѣ,
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ:
Я сталъ взирать его очами,
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ (III, 252)...

А между тѣмъ впереди его ждало другое искушеніе. Въ Одессѣ Пушкинъ встрѣтился

съ однимъ англичаниномъ (Гунчисонъ), «глухимъ философомъ», какъ выражается Пушкинъ (VII, 74), у котораго онъ бралъ уроки чистаго аѳеизма. «Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, всего болѣе правдоподобная», говорилъ Пушкинъ въ одномъ частномъ письмѣ (VII, 74). Извѣстно, что эти самыя слова послужили поводомъ къ весьма тяжкому обвиненію Пушкина въ безбожіи, обвиненію, которое, какъ замѣчаетъ академикъ Я. К. Гротъ, къ удивленію и теперь еще нерѣдко повторяется людьми, серьезно не изучавшими Пушкина [1]). Но, вглядываясь внимательно въ отношенія Пушкина къ Гунчисону, который, замѣтимъ въ скобкахъ, пять лѣтъ спустя былъ уже ревностнымъ пасторомъ англійской церкви въ Лондонѣ [2]), мы не можемъ думать, чтобы онъ произвелъ на Пушкина серьезное вліяніе. Въ письмѣ къ Казначееву, правителю канцеляріи графа Воронцова, письмѣ оффиціальномъ, но въ то же время крайне откровенномъ и рѣзкомъ, Пушкинъ прямо называетъ своего учителя прощалыгой (galopin), а его уроки пло-

[1]) Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Второе изданіе, Спб. 1899, стр. 108—109.
[2]) Анненковъ, «Пушкинъ», стр. 261.

скою болтовнею (sa platitude et son baragoin) (II, 78). Вѣрнѣе всего эти отношенія можно опредѣлить пушкинскими же стихами къ князю Юсупову:

> и скромно ты внималъ
> За чашей медленной аѳею иль деисту,
> Какъ любопытный скиѳъ аѳинскому софисту (II, 92).

Такова была среда въ семьѣ, въ школѣ и въ обществѣ, въ которой пришлось вращаться и развиваться Пушкину. Чтò-жъ удивительнаго, что волны жизни обдавали его своими брызгами и что слѣды ихъ пѣны остались и на его произведеніяхъ? Гораздо важнѣе то, что, пройдя черезъ всѣ эти искушенія, отразивши на себѣ всѣ вѣянія вѣка, переболѣвши всѣми его недугами, переживши всѣ его пороки, Пушкинъ однако же сумѣлъ отъ нихъ освободиться и взлетѣть на такую нравственную высоту, на которую едва могли поднять свои взоры многіе изъ тѣхъ, слабости которыхъ раздѣлялъ Пушкинъ. Здѣсь умѣстно привести отзывъ о Пушкинѣ человѣка, который близко его зналъ и, хотя не всегда былъ ровенъ въ своихъ сужденіяхъ подъ вліяніемъ политическихъ страстей, но, на этотъ разъ, могъ говорить только истину: «Недостатки Пуш-

кина повидимому зависѣли отъ обстоятельствъ и общества, въ которомъ онъ вращался, но, что̀ въ немъ было добраго, то проистекало изъ его собственнаго сердца»[1]).

Вотъ какъ изображаетъ Пушкинъ свою дѣятельность въ эту эпоху:

И я, въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ,
Съ толпою чувства раздѣляя,
Я музу рѣзвую привелъ
На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ,
Грозы полуночныхъ дозоровъ,—
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась,
И я гордился межъ друзей
Подругой вѣтреной моей (III, 382).

Но уже въ 1825 году Пушкинъ совершенно иначе относился къ этому произволу страстей.

---

[1]) Dzieła Adama Mickiewicza. Tom V, 279. Paryž, 1880. Къ сожалѣнію мы имѣемъ польскій переводъ этого некролога, написаннаго по-французски и появившагося въ газетѣ «Le Clobe» № 1, 21 mai 1837, за подписью: Un ami de Puszkin. Вотъ польскій текстъ: Wady jego zdawali się zależec od okoliczności i od społeczeństwa w jakiem żyl, ale co było dobrego w nim, z własnego jego pochodziło serca.

V.

Иде:лы свободной страсти.

Пересмотримъ теперь художественные образы, созданные Пушкинымъ, начиная съ этой эпохи. Что между ними есть общія черты, генетическая связь, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и доказательствъ это не требуетъ. Но вотъ что̀ достойно замѣчанія. Въ преемственности чертъ, принадлежащихъ этимъ о́бразамъ, есть два неодинаковыхъ теченія; которыя сначала идутъ разрозненно, потомъ сближаются и наконецъ рѣшительно перемѣщаются, такъ что черты, первоначально стоявшія на дальнемъ планѣ, становятся первостепенными и господствующими. Несомнѣнно, что эти послѣднія черты и составляютъ истинную сущность его поэзіи, потому что составляютъ истинную сущность его собственной человѣческой личности. Слѣдя за ихъ развитіемъ, мы по необходимости переступимъ хронологическія границы періодовъ; но мы уже говорили, что избѣжать этого нѣтъ возможности.

Наша критика до пресыщенія натолковалась о байронизмѣ Пушкина. Нѣкогда она

даже чуть не видѣла въ этомъ его достоинства, потомъ съ особенною любовію разоблачала всю слабость байронизма на русской почвѣ. Но, привыкши смотрѣть даже на русскую литературу западными или западническими глазами, она проглядѣла то обстоятельство, что въ этой слабости байронизма сказывалась наша сила, на этотъ разъ воплощенная въ Пушкинѣ. Что Байронъ имѣлъ вліяніе на Пушкина, это несомнѣнно, но если это вліяніе началось въ 1821 году, то уже въ 1824 году Пушкинъ торжественно съ нимъ распрощался. Прибавимъ къ этому, что это вліяніе было исключительно литературное и нисколько не коснулось образа мыслей, а тѣмъ болѣе убѣжденій Пушкина. Итакъ, критика все свое вниманіе устремляла на байроническіе образы. Кавказскій плѣнникъ, Разбойникъ, Гирей, Алеко, Евгеній Онѣгинъ первыхъ главъ,— вотъ образы, надъ которыми она истощала свои силы, то возвышая ихъ поэтическое достоинство, то разоблачая ихъ нравственное ничтожество. Но она проглядѣла, что рядомъ съ этимъ у Пушкина идетъ другой рядъ фигуръ, въ которыхъ сказываются черты уже не совсѣмъ байроническія.

Оставимъ въ покоѣ Кавказскаго плѣнника, съ его знаніемъ «свѣта и людей», съ его вѣрою въ «идолъ свободы», съ его «бурною жизнью», съ его «грознымъ страданьемъ», съ его «увядшимъ сердцемъ». Наша критика не оставила мѣста для новыхъ замѣчаній о несостоятельности этого характера. Но вотъ черкешенка узнаетъ его грубый обманъ. Онъ любитъ другую...

О чемъ же я еще тоскую?
О чемъ уныніе мое? (II, 295),

спрашиваетъ она — и рѣшаетъ вопросъ съ поразительною правдою сердца, съ высокимъ нравственнымъ чувствомъ:

Ты любилъ другую?
Найди ее, люби ее!
Прости,—любви благословенья
Съ тобой будутъ каждый часъ (II, 295).

«Струистый кругъ» «въ водахъ плеснувшихъ» одинъ скажетъ намъ, чѣмъ разрѣшилось самоотверженіе черкешенки, не устоявшей передъ бурею страсти; но съ какимъ возвышеннымъ благородствомъ является эта страсть и какъ низокъ передъ ея нравственностью чувственный эгоизмъ Плѣнника, который спокойно удаляется подъ охрану казачьихъ пикетовъ, принося имъ въ драго-

цѣнный подарокъ свое ничтожество! Невольно является вопросъ: развѣ это черкешенка? Не сказать ли скорѣе, что это настоящая русская женщина, для которой права другого сердца дороже ея собственнаго счастья?

Не менѣе излюбленъ нашею критикой образъ Алеко въ «Цыганахъ». Говорить о немъ мы избавлены отъ необходимости. Но не можемъ не обратить вниманія на другой величавый образъ, который въ нашихъ глазахъ заслоняетъ и Алеко, и Земфиру, какъ ни много потрачено силъ на ихъ изображеніе и объясненіе,—образъ старика цыгана. Алеко—герой. Онъ уже не мечтатель, какъ Плѣнникъ, онъ дѣятель: не даромъ «его преслѣдуетъ законъ» (II, 348). Но онъ не простой преступникъ: онъ вступилъ въ борьбу съ закономъ, протестуя во имя свободы. Изъ этого же протеста онъ хочетъ быть цыганомъ, пользоваться ихъ вольностью. Но что̀ такое свобода безъ закона? Или та нравственная высота, на которой уже дѣйствительно человѣку законъ не лежитъ, или необузданный эгоизмъ страстей. Алеко представитель послѣдняго. Онъ забылъ, что отрицаніе закона необходимо есть отрицаніе правъ, обязанности,—и заговорилъ о своихъ правахъ, о мщеніи, о казни...

Тогда старикъ, приближась, рекъ:
«Оставь насъ, гордый человѣкъ!
Ты не рожденъ для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли» (II, 363).

Допустимъ, что Алеко созданъ подъ вліяніемъ Байрона; но подъ какимъ же вліяніемъ созданъ старикъ цыганъ? Ужъ конечно не въ бессарабскихъ степяхъ и не въ таборахъ встрѣтилъ его Пушкинъ. Очевидно, такого цыгана въ дѣйствительности не существуетъ, — да и идеалъ-то это не цыганскій. Но въ томъ-то и дѣло, что это идеалъ пушкинскій и что онъ, какъ черкешенка, есть созданіе нравственной природы самого Пушкина, есть выраженіе его собственнаго понятія о свободѣ, и что этимъ созданіемъ Пушкинъ еще рѣзче осудилъ байроническій идеалъ.

Между «Плѣнникомъ» и «Цыганами» были созданы «Братья Разбойники» и «Бахчисарайскій Фонтанъ». «Братья Разбойники» — отрывокъ. Какая идея руководила здѣсь Пушкинымъ, было бы трудно опредѣлить, если бы посмертное изданіе не дало ея заключительной строфы. Къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ, когда написано это заключеніе; но должно думать, что оно современно поэмѣ и ни въ какомъ случаѣ не позже

24 года. Въ высшей степени поучительно, что въ немъ есть два стиха, такъ сказать, параллельныхъ съ «Цыганами». Изображая душевное состоянія своего героя въ цыганской жизни, Пушкинъ говоритъ о его прежнихъ страстяхъ:

Давно-ль, на долго-ль усмирѣли?
Онѣ проснутся: погоди! (II, 351),

а «Братьевъ Разбойниковъ» онъ заключаетъ стихами:

Въ ихъ сердцѣ дремлетъ совѣсть:
Она проснется въ черный день (II, 308).

Итакъ, кто же долженъ проснуться? Страсти или совѣсть? За кѣмъ обязательно нравственное торжество? За произволомъ ли страстей, за закономъ ли нравственности? Очевидно, Пушкинъ дошелъ до той минуты, когда этотъ вопросъ, уже назрѣвавшій въ образѣ черкешенки и старика-цыгана, сталъ передъ нимъ во всей прямотѣ и ясности. Если отвѣтъ не виденъ уже и теперь, то послѣдующія произведенія намъ дадутъ отвѣтъ.

Рядомъ идетъ «Бахчисарайскій Фонтанъ». Доселѣ, мы видѣли, Пушкинъ оставался на почвѣ страсти: онъ только противопоставлялъ страсти эгоистической страсть идеаль-

ную, которую хотѣлъ представить и нравственною. Но въ страсти ли, какъ бы ни была она возвышенна и благородна, лежитъ задатокъ нравственности? Нѣтъ ли какого другого основанія, которое бы могло ее таковою сдѣлать, могло ее обуздывать, сдерживать? Въ «Братьяхъ Разбойникахъ» указана совѣсть. Но достаточна ли она? И вотъ передъ нами гаремъ крымскаго владыки, гдѣ уже нѣтъ никакого закона, кромѣ закона чувственныхъ страстей, передъ нами Зарема, которая только «для страсти рождена» (II, 332)... И что̀ же? Все бѣшенство страстей останавливается, разбивается и никнетъ передъ однимъ уединеннымъ уголкомъ.

Тамъ день и ночь горитъ лампада
Предъ ликомъ Дѣвы Пресвятой;
Души тоскующей отрада,
Тамъ упованье въ тишинѣ
Съ смиренной вѣрой обитаетъ (II, 328)
И, между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной нѣгѣ утопаетъ,
Святыню строгую скрываетъ
Спасенный чудомъ уголокъ (II, 329).

И что именно этотъ мотивъ, а не мечтательность Гирея, не бѣшеное изступленіе Заремы, составляетъ душевную правду Пушкина, доказываетъ непосредственно за симъ

слѣдующее лирическое и очевидно личное отступленіе:

Такъ сердце, жертва заблужденій,
Среди порочныхъ упоеній
Хранитъ одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство (II, 329).

Послѣ «Цыганъ» никто уже не говоритъ о байронизмѣ Пушкина. Онъ вышелъ на новую дорогу. Но отголоски по временамъ еще слышатся, хотя уже въ такой обстановкѣ, которая не оставляетъ сомнѣнія въ образѣ мыслей Пушкина и которая придаетъ особенный интересъ и значеніе и этимъ отзвукамъ, и тому настроенію отъ котораго они уцѣлѣли. Минуя до времени и «Бориса Годунова», и «Онѣгина», и слѣдя исключительно за байроническими образами, мы прямо перешагнемъ къ «Полтавѣ». Передъ нами цѣлая буря страстей: Мазепа, Марія, Орликъ, Кочубей, его жена, молодой казакъ, Карлъ XII,— все это крутится въ ихъ круговоротѣ.

Прошло сто лѣтъ—и что̀-жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Усилій, бѣдствій и побѣдъ (III, 150).

Здѣсь уже идея Пушкина ясна безъ доказательствъ и объясненій. О шведскомъ королѣ гласятъ только

Три углубленныя въ землѣ
И мхомъ поросшія ступени (II, 150)

въ Бендерахъ; Мазепа забытъ давно и тщетно

пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы (III, 150);
Но дочь-преступница... преданья
Объ ней молчатъ (III, 151).

Торжествующимъ остался одинъ Петръ.— Образъ Мазепы слабъ и въ художественномъ, и въ психологическомъ отношеніи. Задумавъ изобразить человѣка съ сильными страстями, Пушкинъ столько нагромоздилъ ихъ на душу Мазепы, что, не говоря ужъ о противорѣчіяхъ, вмѣсто образа передъ нами явилась только какая-то реторическая фигура, въ которой, какъ говорятъ нѣмцы, изъ-за деревьевъ лѣсу не видать. Чѣмъ же объяснимъ мы эту относительную слабость созданія? Да именно тѣмъ, что теперь мысль Пушкина занята другими идеалами и онъ усталъ рисовать ту игру страстей, которая нѣкогда такъ его занимала,—усталъ потому, что пересталъ въ ней видѣть зиждительную общественную силу.

Оттого-то такъ вяло, натянуто и неестественно и вышло изображеніе Мазепы, точно Пушкинъ торопился отдѣлаться отъ этого безмѣрно надоѣвшаго ему образа человѣка со страстями.

VI.

Евгеній Онѣгинъ.

Однако прежде, чѣмъ перейдемъ къ этимъ новымъ идеаламъ Пушкина, остановимся надъ однимъ образомъ, который зародился еще въ байроническую эпоху (мы знаемъ теперь, насколько вѣрно это выраженіе), «страннымъ спутникомъ» (III, 404) прошелъ съ Пушкинымъ всѣ стадіи его развитія и былъ имъ оставленъ въ ту минуту, когда ужъ изъ этого образа нельзя было выработать ничего, соотвѣтствующаго новому настроенію самого Пушкина. Онѣгинъ гордо, безъ заботъ, начинаетъ свою пламенную молодость, отдаваясь всѣмъ теченіямъ житейскихъ волнъ, всѣмъ вѣяніямъ модныхъ вихрей. Одинъ изъ этихъ вихрей онъ ловитъ подъ свой парусъ и слѣдуетъ его направленію. Это демонизмъ, разочарованіе. Конечно, на реальной почвѣ, на которой про-

исходитъ дѣйствіе романа, демонизмъ принимаетъ крайне мелкіе размѣры и отношеніе къ нему Пушкина по необходимости становится ироническимъ; но именно въ этомъ и заключается тотъ величайшій интересъ, который связывается съ развитіемъ Онѣгина.

Онъ — Демонъ, но, такъ сказать, въ свѣтскомъ, прозаическомъ переводѣ. Онъ не «зоветъ прекрасное мечтою» (I, 292), но во имя политической экономіи бранитъ Гомера, Ѳеокрита, которыхъ, конечно, въ глаза не видалъ, и никакъ не можетъ отличить ямба отъ хорея (III, 237). Онъ не «презираетъ вдохновенья» (I, 292), но просто не понимаетъ сѣверныхъ поэмъ, которыя восторженно декламируетъ ему Ленскій (III, 268). «Язвительныя рѣчи» Демона (I, 292) стали у него просто салонными эпиграммами.

Онъ, какъ Плѣнникъ, разочарованъ и въ любви, и въ дружбѣ; но для него это вовсе не «грозное страданье», а весьма прозаическое явленіе:

Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова (III, 249).

Такъ осмѣяны фальшивыя страданія Плѣнника.

Не легче приходится и Алеко. Помните, какъ онъ проклиналъ «неволю душныхъ городовъ» (II, 351)?

Вотъ нашъ Онѣгинъ сельскій житель (III, 257).

Но что́ же?

Увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ (III, 257).

Но есть еще черта въ Онѣгинѣ, которая всего болѣе роднитъ его съ байроническими о́бразами.

Не долго женскую любовь
Печалитъ хладная разлука:
Пройдетъ любовь, настанетъ скука,—
Красавица полюбитъ вновь (II, 291),

проповѣдовалъ плѣнникъ черкешенкѣ. Неудивительно, что та, «раскрывъ уста», слушала такія удивительныя рѣчи.

Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское—шутя (II, 357),

утѣшаетъ старикъ цыганъ Алеко въ измѣнѣ Земфиры. Эти умныя рѣчи повторяетъ и Онѣгинъ:

«Смѣнитъ не разъ младая дѣва
Мечтами легкія мечты;
Такъ деревцо свои листы

(Онъ же кстати говорилъ въ саду, матеріалъ для сравненія являлся самъ собою)

Мѣняетъ съ каждою весною:
Такъ видно небомъ суждено.
Полюбите вы снова»... (III, 308)
Едва дыша, безъ возраженій,
Татьяна слушала его (III, 308).

Но Пушкинъ возразилъ за нее. Похваливъ Онѣгина за его милый поступокъ, за «прямое благородство» его души, онъ открылъ намъ истинный смыслъ этого благородства, когда ироническую діатрибу, слѣдующую за симъ, заключилъ словами:

Любите самого себя,
Достопочтенный мой читатель (III, 310).

Эгоизмъ высокомѣрнаго самомнѣнія, демонической гордости, разоблаченъ и изобличенъ. Въ будущемъ ждетъ его еще бо́льшая кара. Оттолкнувъ Татьяну, убивъ Ленскаго, Онѣгинъ скрывается изъ деревни. Татьяна попадаетъ въ его кабинетъ, находитъ его книги,—

И ей открылся міръ иной (III, 366):
Хранили многія страницы
Отмѣтку рѣзкую ногтей;
На ихъ поляхъ она встрѣчаетъ
Черты его карандаша;
Вездѣ Онѣгина душа
Себя невольно выражаетъ (III, 367)—

и Татьяна начинаетъ понимать яснѣй это созданье ада, этого надменнаго Демона. Что̀-жъ онъ? Увы!

Подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ?
Ужъ не пародія ли онъ? (III, 367).

Не дешево обошлось Татьянѣ это открытіе; разочарованіе, доставшееся ей на долю, было подѣйствительнѣй онѣгинскаго. Но отсюда и раскрывается воплощенная въ Татьянѣ идея Пушкина. Схоронивъ идеалъ Онѣгина, Татьяна сознала правду своего чувства и эту святыню унесла съ собою на всю свою жизнь. Да, для нея любовь была не шутка. Онѣгинъ оказался ея недостойнымъ — и этого напускного Онѣгина она отвергла навсегда, безповоротно; но тотъ идеалъ, который въ образѣ Онѣгина предательски похитилъ ея чувство, остается навсегда предметомъ ея любви.

Я васъ люблю,— къ чему лукавить? (III, 403)

говорила она не тому Онѣгину, который

Въ тоскѣ безумныхъ сожалѣній (III, 401)

стоялъ на колѣняхъ передъ нею, но тому, который нѣкогда являлся ей въ сумракѣ ли-

повыхъ аллей. Оттого-то онъ и не имѣетъ болѣе никакой власти надъ нею. Но не въ этомъ убійственномъ приговорѣ:

Вы должны меня оставить (III, 403),

заключается кара Онѣгина: она заключается въ его чувствѣ. Было время, когда онъ «не посмѣлъ повѣрить» нѣжности Татьяны, когда любовь для него была только «милой привычкой», которой онъ «не далъ ходу», «не желая потерять свободу» (III, 396), но теперь... Въ высшей степени замѣчателенъ приговоръ, который Пушкинъ произноситъ надъ любовью Онѣгина. Въ «Полтавѣ» онъ оправдываетъ любовь Мазепы: чувства въ немъ кипятъ, «не мгновенными страстями пылаетъ сердце старика, окаменѣлое годами»:

Въ немъ поздній жаръ ужъ не остынетъ
И съ жизнью лишь его покинетъ (III, 110).

Это было написано въ 1828 году, это — последнее байроническое воспоминаніе. Но вотъ какъ судитъ объ этомъ Пушкинъ въ 1831 году:

въ возрастъ поздній и безплодный,
На поворотѣ нашихъ лѣтъ,
Печаленъ страсти мертвый слѣдъ.
Такъ бури осени холодной
Въ болото обращаютъ лугъ
И обнажаютъ лѣсъ вокругъ (III, 394).

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во время созрѣлъ (III, 385),

заключаетъ поэтъ.

Такъ разстался Пушкинъ съ идеалами свободной страсти.

VII.

Татьяна.

Какой же идеалъ созрѣлъ теперь въ его душѣ? Опять обратимся къ прежнимъ образамъ—черкешенкѣ, старику цыгану, братьямъ разбойникамъ. Мы видѣли, какъ Пушкинъ, еще

въ законъ себѣ вмѣняя
Страстей единый произволъ (III, 382),

старался возвести страсть къ возвышенному нравственному характеру. Но страсть и облагороженная оставалась страстью. И вотъ Пушкинъ переноситъ свой взоръ въ другую сторону: страсти съ ея буйнымъ произволомъ онъ противопоставляетъ чувство законнаго долга. Что̀ ставитъ Татьяну неизмѣримо выше всего окружающаго міра, что̀ даетъ ей эту власть надъ нимъ? Ея спокойное достоинство, основанное именно на этомъ

непоколебимомъ чувствѣ долга, ея свобода отъ всякой тревоги и мелочныхъ страстей.

Я другому отдана:
Я буду вѣкъ ему вѣрна (III, 403).

Эти слова Татьяны подавали поводъ къ безчисленнымъ и разнообразнымъ комментаріямъ. Но надо взглянуть на нихъ просто и смыслъ самъ собою станетъ понятенъ. Да, сердце Татьяны не участвовало въ выборѣ супруга: ей были всѣ жребіи равны. Ее отдали замужъ. Но, разъ принявши на себя обязательство, Татьяна свято его сбережетъ. Она ничьей, ни даже собственныхъ страстей, игрушкою не станетъ. Личное счастье было когда-то возможно, но оно не возвратится,— и не все же быть ребенкомъ: надо взглянуть на жизнь открытыми глазами и найти въ ней другое содержаніе, поважнѣй онѣгинской запоздалой страсти. Татьяна научилась уважать свое нравственное достоинство и въ немъ нашла замѣну утраченнаго счастья. Но за то какое же вліяніе пріобрѣла она на окружающее общество!

Къ ней дамы подвигались ближе,
Старушки улыбались ей,
Мущины кланялися ниже,
Ловили взоръ ея очей,

Дѣвицы проходили тише
Предъ ней по залѣ — и всѣхъ выше
И носъ, и плечи подымалъ
Вошедшій съ нею генералъ (III, 387—388).

Вотъ почему она и называетъ страсть Онѣгина «обидною», видитъ въ ней одно только неуваженіе къ себѣ, одно мелкое рабское чувство (III, 402). Татьяна развилась до той свободы, гдѣ человѣкъ становится господиномъ своихъ душевныхъ движеній и гдѣ невозможно паденіе, потому что невозможно рабство страстямъ.

Въ чемъ же тайна этой силы и этого величія Татьяны? Одинъ Достоевскій подошелъ къ рѣшенію этого вопроса, но и онъ предпочелъ пройти въ другую сторону [1]). Татьяна просто уважала святость брачнаго союза, какъ уважалъ его самъ Пушкинъ и какъ онъ это неоднократно выразилъ въ своихъ произведеніяхъ, — чего или не замѣчали, или не хотятъ замѣтить наши критики. Мы приведемъ два убѣдительныхъ доказательства. Марья Кириловна Троекурова противъ воли повѣнчана со старымъ кня-

[1]) «О, я ни слова не скажу про ея религіозныя убѣжденія, про взглядъ на таинство брака — нѣтъ, этого я не коснусь». Сочиненія Достоевекаго, изд. Маркса, XI, 461.

земъ Верейскимъ. Дубровскій, котораго она любила и который обѣщалъ освободить ее отъ этого брака, но, по сцѣпленію обстоятельствъ, не успѣлъ этого сдѣлать, на обратномъ пути изъ церкви останавливаетъ карету молодыхъ.

— «Вы свободны», сказалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.

— «Нѣтъ», отвѣчала она: «поздно! Я обвѣнчана, я жена князя Верейскаго».

— «Что̀ вы говорите!» закричалъ съ отчаяніемъ Дубровскій: «нѣтъ, вы не жена его! Вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...»

— «Я согласилась, я дала клятву», возразила она съ твердостью: «князь мой мужъ, прикажите освободить его и оставьте меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минуты... Но теперь, говорю вамъ, теперь поздно. Пустите насъ» (IV, 177).

Еще убѣдительнѣй, если только предъидущій примѣръ можетъ показаться неубѣдительнымъ, мотивъ, на которомъ построена повѣсть «Метель» (IV, 46 сл.). Марья Гавриловна любитъ сосѣда Владиміра, но родители не согласны на ихъ бракъ. Тогда молодые люди рѣшаются обвѣнчаться тайно, безъ согласія родителей. Поднявшаяся ме-

тель сбиваетъ съ дороги жениха, а между тѣмъ проѣзжій проказникъ офицеръ, въ темнотѣ и суматохѣ принятый за жениха, вѣнчается съ Марьей Гавриловной. При брачномъ поцѣлуѣ недоразумѣніе обнаруживается, проказникъ женихъ исчезаетъ, Владиміръ отправляется на войну и, раненый въ бородинскомъ сраженіи, умираетъ. Тайна Марьи Гавриловны никому не извѣстна, тѣмъ болѣе, что родители ея переселяются въ другую губернію. Тѣмъ не менѣе Марья Гавриловна отказываетъ всѣмъ женихамъ, пока наконецъ не привлекаетъ къ себѣ ея сочувствія молодой гусарскій полковникъ Бурминъ. Но Бурминъ, который тоже чувствуетъ привязанность къ Марьѣ Гавриловнѣ, упорно избѣгаетъ предложенія. Наконецъ, настаетъ минута рѣшительнаго объясненія. Оказывается, что Бурминъ — женатъ, или, вѣрнѣе, что онъ то именно и женатъ на Марьѣ Гавриловнѣ. Допустимъ, что повѣсть имѣетъ характеръ анекдотическій; но могла ли бы она и появиться, если бы ей не предшествовала мысль, что бракъ, даже такой странный и случайный, все-таки святъ и обязателенъ?

VIII.

Идеалъ нравственнаго долга.

Увлекаемые теченіемъ пушкинскаго творчества, мы зашли чрезвычайно далеко впередъ. Но мы не чувствовали за собою ни права, ни возможности разорвать то, что̀ такъ цѣлостно воплощалось въ произведеніяхъ Пушкина. Теперь, когда мы достигли, такъ сказать, другого полюса въ міросозерцаніи Пушкина, когда, вмѣсто легкомысленнаго произвола страстей, передъ нами встала величественная идея нравственнаго долга, мы можемъ возвратиться къ тому поворотному пункту, который исчезалъ отъ насъ въ живыхъ переливахъ поэтическихъ о́бразовъ, но который мы уловимъ и опредѣлимъ при помощи другихъ данныхъ.

Прежде всего мы, конечно, останавливаемъ свое вниманіе на перемѣнѣ въ нравственныхъ воззрѣніяхъ поэта. Что она не была безсознательною, но, напротивъ, вырабатывалась путемъ долгой и серьезной работы надъ своимъ нравственнымъ состояніемъ, на это мы имѣемъ длинный рядъ доказательствъ.

Что его юношескія произведенія были дѣй-

ствительно чужды душѣ Пушкина, противорѣчили ея истинной сущности, Пушкинъ выразилъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ стихотвореніи:

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконный
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей;
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней (I, 208).

Пушкинъ строго слѣдилъ за своими поступками и горькія слезы раскаянія были знакомы ему не по слухамъ только.

Когда на память мнѣ невольно
Придетъ внушенный ими стихъ,
Я содрогаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Передъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?
Ахъ, лира, лира! Что̀ же ты
Мое безумство разгласила?
Ахъ, еслибъ Лета поглотила
Мои летучія мечты!.. (I, 312—313).

Пустыми звуками, словами,
Вы сѣете развратно зло:
Пѣвцы любви, скажите сами,
Какое ваше ремесло?
Передъ судилищемъ Паллады
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды (III, 264).

Обращаясь къ одному изъ своихъ товарищей, другу и поэту, Пушкинъ говоритъ:

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ
И дивное волненье мы познали,
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ;
Но я любилъ уже рукоплесканья,—
Ты, гордый, пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ какъ жизнь я тратилъ безъ вниманья,—
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.
Служенье музъ не терпитъ суеты:
Прекрасное должно быть величаво;
Но юность намъ совѣтуетъ лукаво
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнимся, но поздно (I, 359)...

Еще рѣзче вспоминаетъ онъ объ этихъ грѣхахъ юности въ 1828 году.

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья.

Мечты кипятъ. Въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ.
Воспоминанiе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ—
И, съ отвращенiемъ читая жизнь мою,
Я трепещу, и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

* * *

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
Въ безумствѣ гибельной свободы,
Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ степяхъ
Мои утраченные годы.
Я слышу вновь друзей предательскiй привѣтъ
На играхъ Вакха и Киприды (II, 37).

Теперь поэту нужно, такъ сказать, установиться, отвлечься отъ этихъ страстей, уйти въ самого себя, чтобъ изъ глубины своего духа вынести тѣ идеалы, которые уже давно просятся наружу и только, такъ сказать, ждутъ минуты, когда за ними будутъ признаны правда и право. Вотъ какъ совершилось это перерожденiе.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился
И шестикрылый Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился...
И онъ къ устамъ моимъ приникъ
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,

И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой;
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ (II, 2).

Съ этихъ поръ поэтъ уже не пойдетъ за толпой, онъ будетъ слѣдовать только «гласу Бога» (II, 3), онъ будетъ идти «дорогою свободной», «куда влечетъ его свободный умъ»,

Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный (II, 95).

Онъ скажетъ своей Музѣ:

Велѣнью Божію, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца (II, 190).

Теперь поэтъ явится дѣйствительнымъ воспитателемъ и руководителемъ общества.

IX.

Источники нравственнаго перелома.

Такимъ-то путемъ очищался Пушкинъ отъ всего чуждаго, наноснаго, и являлся тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ своемъ суще-

ствѣ,—прямымъ русскимъ человѣкомъ, проникнутымъ всѣми русскими идеалами. Это рѣшительное и такъ быстро созрѣвшее отрицаніе прежняго образа мыслей приводитъ снова къ вопросу, рѣшеніе котораго до сихъ поръ представлялось намъ только со стороны отрицательной и котораго положительную сторону мы теперь постараемся опредѣлить,—вопросу: какимъ образомъ воспитались въ Пушкинѣ эти понятія? Пушкинъ признавалъ только одно воспитаніе,— «которое дается человѣку обстоятельствами его жизни и имъ самимъ. Другого воспитанія», говорилъ онъ, «нѣтъ для существа, одареннаго душою» (VII, 16). Пушкинъ очевидно судилъ по себѣ, но къ нему эти слова могутъ быть примѣнены по всей справедливости. Воспитаніе, которое давалъ Пушкинъ самому себѣ, состояло въ упорномъ и неустанномъ трудѣ.

Здѣсь мы разумѣемъ прежде всего его работу надъ произведеніями, которая, не смотря на кажущуюся легкость и свободу формы, была тѣмъ не менѣе весьма упорна. Черновыя рукописи Пушкина достаточно о ней свидѣтельствуютъ. Пушкинъ даже по своему понималъ вдохновеніе. Вдохновеніе по его идеѣ было неразрывно соединено съ

трудомъ. Возражая одному критику, вотъ какъ различаетъ онъ вдохновеніе отъ восторга: «Критикъ смѣшиваетъ вдохновеніе съ восторгомъ. Вдохновеніе есть расположеніе души къ живѣйшему принятію впечатлѣній и соображенію понятій, слѣдственно— и объясненію оныхъ. Вдохновеніе нужно въ геометріи, какъ и въ поэзіи. Восторгъ исключаетъ спокойствіе—необходимое условіе прекраснаго. Восторгъ не предполагаетъ силы ума, располагающаго частями въ отношеніи къ цѣлому. Восторгъ непродолжителенъ, непостояненъ, слѣдовательно, не въ силахъ произвесть истинное, великое совершенство.— Ода исключаетъ постоянный трудъ, безъ коего нѣтъ истинно великаго» (V, 21). Оттого-то Пушкинъ и могъ надъ незасохшею рукописью своего произведенія произносить такой ясный и вѣрный судъ, какой не удавался даже и записнымъ критикамъ. Силой этого труда Пушкинъ могъ обуздать свое своенравное дарованіе и подчинить его своимъ идеаламъ.

Не менѣе важенъ тотъ, идущій черезъ всю жизнь поэта, трудъ самообразованія, которымъ Пушкинъ старался вознаградить недостатки своего, какъ онъ выражался, «проклятаго» (VII, 88) воспитанія. Письма Пуш-

кина постоянно заключаютъ въ себѣ требованія книгъ, книгъ и книгъ. На книги уходила большая часть его средствъ; въ теченіе жизни онъ составилъ весьма значительную библіотеку. И чтеніе его постоянно сопровождалось выписками, сличеніями, критическими замѣчаніями, такъ что и чтеніе было у него трудомъ въ собственномъ и серьезномъ смыслѣ слова. Такъ же неустанно Пушкинъ вдумывался во всѣ явленія и собственной, и окружающей его жизни, уразумѣвалъ ихъ смыслъ и выводилъ изъ нихъ поученія. Оттого событія жизни имѣли для него дѣйствительно воспитывающее значеніе.

X.

Историческія основы общественныхъ идеаловъ.

Конечно, не легко было Пушкину переносить свою двукратную ссылку, тѣмъ болѣе, что онъ считалъ ее незаслуженной и несправедливою; не мало горечи, раздраженія, даже озлобленія вносила она въ душу поэта; но, если взглянуть на нее со спокойной исторической точки зрѣнія, нельзя не признать, что она, особенно въ михайлов-

скомъ уединеніи, была истиннымъ для него благодѣяніемъ, дѣломъ особеннаго попеченія о немъ промысла Божія, хранившаго поэта для его будущихъ великихъ созданій. Отъ сколькихъ опасностей она его сберегла, сколько дала полезныхъ уроковъ, какое открыла поприще для размышленія и самоуглубленія! Самъ Пушкинъ дивился въ послѣдствіи времени своей судьбѣ, въ стихотвореніи 30 года «Аріонъ»:

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны веслы. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньи правилъ грузный челнъ,
А я—безпечной вѣры полнъ—
Пловцамъ я пѣлъ. Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный.
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ,—
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою.
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою (II, 15).

Всѣ біографы и критики единогласно признаютъ, что съ 25 года Пушкинъ окончательно проникается русскою народностью, становится русскимъ народнымъ поэтомъ. Но если мы не захотимъ повторять старыя, изно-

шенныя слова, то не должны ли мы себя спросить, что́ же значило для Пушкина сдѣлаться народнымъ? Ужели только наслушаться сказокъ своей няни, заняться собираніемъ народныхъ пѣсенъ, прислушиваться къ народному говору и къ народной рѣчи? Мы думаемъ—нѣчто иное. По нашему мнѣнію, это значитъ прежде всего угадать «предназначеніе» своей «страны родной», понять, что это предназначеніе она можетъ выполнить только оставаясь сама собою, только слѣдуя тѣмъ путемъ, который предначертанъ ея предъидущей исторіею, развивая тѣ начала, которыя заложены въ духѣ народа и выразились въ его бытѣ, воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ. И, что именно такое проникновеніе бытовыми и историческими началами совершилось въ Пушкинѣ въ 1825 году, доказательствомъ служатъ его послѣдующія произведенія и тѣ идеалы, которые въ нихъ выразились.

Мы знаемъ, что только дважды въ жизни творчество Пушкина принимало такіе величественные размѣры, какъ въ 1825 году. Колоссальнымъ его памятникомъ остается «Борисъ Годуновъ». Согласно разъ принятому правилу, мы оставляемъ въ покоѣ истощенную эстетическую критику. Она права, утверждая, что Пушкинъ въ «Борисѣ Году-

новѣ» слѣдовалъ Карамзину; но она не замѣчаетъ, что въ то же время Пушкинъ вносилъ въ свое созданіе идею, которой не было въ оригиналѣ, и вводилъ въ свое произведеніе лицо, которое, будучи совершенно неизвѣстно Карамзину, пріобрѣло у поэта рѣшающее и господствующее значеніе.

И Борисъ, и Самозванецъ у Пушкина сознательные преступники .Но одинъ кается въ своемъ преступленіи, кровавою тѣнью оно преслѣдуетъ его во всю жизнь, отравляетъ минуты спокойствія и наслажденія, разъѣдаетъ семейное счастіе. Черные дни, предсказанные въ «Братьяхъ Разбойникахъ», приходятъ и—совѣсть просыпается.

И радъ бѣжать—да некуда! Ужасно!
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечиста (III. 18).

Но рядомъ съ этимъ судомъ Божіимъ идетъ и судъ человѣческій. Напрасно Борисъ тщится быть добрымъ царемъ въ государствѣ, добрымъ отцомъ въ семействѣ:

Богъ насылалъ на нашу землю гладъ;
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ житницы, я злато
Разсыпалъ имъ, я имъ сыскалъ работы,—
Они-жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огнь ихъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища,—
Они-жъ меня пожаромъ упрекали!

Вотъ черни судъ: ищи-жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найти отраду:
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря смерть уноситъ жениха—
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Виновникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня,—несчастнаго отца!..
Кто ни умретъ,—я всѣхъ убійца тайный:
Я ускорилъ Ѳеодора кончину,
Я отравилъ свою сестру-царицу,
Монахиню смиренную,—все я! (III, 17).

Вотъ гдѣ сказался грозный судья Бориса. Но еще грознѣе сказывается онъ въ приговорѣ надъ Самозванцемъ (III, 76):

Мосальскій.
Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!
Народъ безмолвствуетъ.

Сначала у Пушкина народъ повторялъ это восклицаніе, но потомъ (когда?) онъ передѣлалъ это окончаніе. Въ драматическомъ эффектѣ сцена конечно потеряла, но Пушкинъ не о театрѣ думалъ. За то въ художественномъ отношеніи вся драма безконечно выиграла. Мы позволяемъ себѣ, однако же, думать, что не одни художественныя соображенія привели Пушкина къ этой перемѣнѣ.

Въ то время, когда въ михайловской глуши онъ перерабатывалъ въ новые идеалы свои

прежнія понятія, воспроизводя образъ Бориса Годунова, углубляясь въ тайны нашего историческаго бытія, вдали отъ него жизнь шла своимъ чередомъ по намѣченной колеѣ и пришла прямо къ 14 декабря. Пушкинъ не видѣлъ этого событія своими глазами, но онъ зналъ, что въ этотъ пробный день, въ который наносныя западныя идеи вздумали прикоснуться къ основамъ нашего историческаго бытія, въ этотъ день народъ безмолвствовалъ. Пушкинъ понялъ смыслъ этого событія, понялъ, что безъ народа его судебъ рѣшать нельзя. Позднѣй онъ написалъ: «Молодой человѣкъ! Если записки мои попадутъ въ твои руки, вспомни, что лучшія и прочнѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя происходятъ отъ улучшенія нравовъ, безъ всякихъ насильственныхъ потрясеній» (IV, 221). Съ этой минуты Пушкинъ уже не будетъ признавать другихъ условій для успѣховъ народнаго благосостоянія, кромѣ основаній историческихъ.

XI.

Идеалъ гражданскаго долга.

Но отсюда же опредѣляется и идея гражданскаго долга. Долгъ налагается не служебными обязанностями, онъ настигаетъ человѣка, имъ вовсе непричастнаго, потому что никто не стоитъ внѣ общества, внѣ народа. Тамъ, гдѣ человѣкъ не подчиненъ внѣшнимъ обязанностямъ, онѣ проистекаютъ изъ самаго факта его рожденія, его принадлежности къ своему народу. Вотъ почему для Пушкина имѣло такой высокій и важный интересъ опредѣленіе значенія дворянства въ Россіи. Не на крѣпостномъ правѣ, не на служебныхъ отличіяхъ, но на искреннемъ, свободномъ, преданномъ, неподкупномъ служеніи основывалъ онъ это значеніе. Онъ не въ шутку гордился своимъ шестисотлѣтнимъ дворянствомъ. Въ своей родословной онъ видѣлъ, такъ сказать, тѣ корни, которыми онъ врасталъ въ самую глубь народной жизни. Онъ не хотѣлъ быть ничтожнымъ потомкомъ славныхъ предковъ, но изъ ихъ примѣра выводилъ себѣ образецъ и урокъ честнаго служенія отечеству.

Дворянство онъ понималъ не какъ право, а какъ обязанность; и онъ служилъ своимъ талантомъ, своимъ трудомъ, всею своею жизнью. Но какъ гражданинъ онъ считалъ себя обязаннымъ принимать участіе въ политической жизни своего отечества. Мысль о политическомъ журналѣ занимала его постоянно и не мало трудовъ и усилій потратилъ онъ на ея осуществленіе. Когда же ему не удалось это задушевное желаніе, онъ въ своихъ величественныхъ одахъ «Клеветникамъ Россіи» (II, 129—130) и «Бородинская годовщина» (II, 130—133) далъ поэтическій образчикъ своихъ политическихъ взглядовъ. Но поэтическая форма, отвѣчающая высокимъ движеніямъ души, вызваннымъ важными событіями, не пригодна для выраженія всѣхъ оттѣнковъ политической мысли, требующей и точности, и спокойствія выраженія. И вотъ Пушкинъ снова погружался въ исторію, чтобы, по крайней мѣрѣ, тамъ, на почвѣ остывшихъ событій, высказать свое гражданское убѣжденіе.

Не можемъ здѣсь не возвратиться къ «Полтавѣ»: ея отрицательную сторону мы уже разсмотрѣли, но съ умысломъ берегли доселѣ сторону идеальную. Она выражается въ Петрѣ.

И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его (III 146),

но не потому, что «непобѣдимые господа шведы скоро хребетъ свой показали и отъ нашихъ войскъ вся непріятельская армія весьма опрокинута», но потому, что здѣсь Петръ завоевалъ «гражданство своей державы»:

Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ (III, 150).

Всегда ли и во всемъ Петръ былъ вѣренъ этому историческому долгу? Досадная помѣха препятствуетъ намъ высказать окончательное сужденіе о взглядѣ Пушкина на Петра, но мы увѣрены, что, когда оно сдѣлается возможнымъ, наше положеніе получить только новое подтвержденіе [1]).

Теперь мысль Пушкина для насъ опредѣлилась. Долгъ, понятый въ связи съ историческими основами народного бытія,—вотъ что̀ составитъ идеалъ, которому отнынѣ Пушкинъ будетъ служить.

---

[1]) Оно невозможно, пока не будутъ обнародованы выпущенныя строки въ «Мѣдномъ Всадникѣ», о которомъ по этой именно причинѣ мы и не упоминаемъ.

*

XII.

Идеалъ царской власти.

Но это же приводитъ насъ къ опредѣленію другого идеала, тѣсно связаннаго съ идеей о народѣ,—идеала царской власти.

Пушкинъ находился не въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ императорамъ Александру и Николаю. Мы уже говорили о тѣхъ противорѣчіяхъ, къ которымъ былъ приведенъ императоръ Александръ обстоятельствами и которыя дѣлаютъ изъ него, можетъ быть, самую трагическую личность XIX столѣтія. Эти противорѣчія Пушкинъ приписывалъ личности императора Александра и во всю жизнь не могъ съ нимъ примириться. Мы не станемъ поднимать намековъ на эти чувства, которые Пушкинъ не разъ проронилъ изъ-подъ своего пера, но обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что личныя чувства Пушкина смолкали каждый разъ, когда передъ нимъ императоръ Александръ являлся какъ лицо историческое. Пушкинъ былъ свидѣтелемъ того великаго и чуднаго момента въ нашей исторіи, когда на минуту исчезло средостѣніе преграды между царемъ и народомъ

и они снова стали вмѣстѣ въ общемъ дѣлѣ защиты отечества. Онъ никогда не могъ его забыть и воспоминаніе о немъ всегда вызывало въ Пушкинѣ лирическій восторгъ. При мысли о томъ, что онъ (императоръ Александръ) взялъ Парижъ, Пушкинъ прощалъ неправое гоненіе (I, 360).

Свершилось! Русскій Царь, достигъ ты славной цѣли! (А 1, 163),

восклицалъ онъ пятнадцатилѣтнимъ отрокомъ. Это воспоминаніе посѣтило его въ предсмертную лицейскую годовщину и на немъ оборвалась его лебединая пѣснь.

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.
Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался:
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы! (II, 192).

Въ повѣсти «Метель», подобно всемъ повѣстямъ Бѣлкина отличающейся высочайшимъ эпическимъ спокойствіемъ, сжатое, чуть не

сухое изложеніе вдругъ прерывается при воспоминаніи о 12-мъ годѣ. «Время незабвенное! Время славы и восторга! Какъ сильно билось русское сердце при словѣ отечество! Какъ сладки были слезы свиданія! *Съ какимъ единодушіемъ соединяли мы чувства народной гордости и любви къ государю!*» (IV, 52).

Совсѣмъ въ другія отношенія становится Пушкинъ съ перваго же раза къ императору Николаю. Никто не знаетъ, о чемъ бесѣдовали они въ кремлевскомъ дворцѣ, но мы знаемъ тѣ историческія основы, на которыхъ строились теперь воззрѣнія Пушкина, знаемъ, что возвращеніе къ народнымъ и историческимъ началамъ составляетъ лучшую и важнѣйшую сторону Николаевскаго царствованія, знаемъ твердый, прямой и благородный характеръ императора и понимаемъ, что Пушкинъ не могъ его не любить.

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.
Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами...
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою —

И я-ль въ сердечномъ умиленьи
Ему хвалы не воспою?
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу (II, 29—30).

Въ императорѣ Николаѣ онъ видѣлъ осуществленіе того идеала царя, который былъ выработанъ его сознаніемъ, и это сознаніе онъ считалъ не своимъ только личнымъ, но, какъ оно и на самомъ дѣлѣ было, общенароднымъ, только въ немъ находившимъ своего представителя и выразителя. Бывали недоразумѣнія и размолвки. Императоръ Николай имѣлъ одинъ недостатокъ—это тотъ избытокъ благородства, который даже у заклятыхъ враговъ исторгнулъ ему наименованіе рыцаря. Находились люди, которые злоупотребляли этою чертою характера, и Пушкину было больно, когда между нимъ и царемъ становились люди, которые всего меньше отвѣчали его идеаламъ. Но Пушкинъ никогда не измѣнилъ своему чувству любви и вѣра его была оправдана, когда онъ зналъ, что въ поздній полуночный часъ царь не спитъ, ожидая извѣстій о его болѣзни, когда онъ держалъ въ рукахъ собственноручную записку царя, начинающуюся словами: лю-

безный другъ, Александръ Сергѣевичъ. Въ эту минуту онъ могъ пожалѣть, что умираетъ, но онъ умеръ все-таки утѣшенный.

Этими личными отношеніями однако же не исчерпывается вся полнота пушкинской идеи. Комментаторомъ ея является Гоголь. Извѣстно, какая духовная связь соединяла его съ Пушкинымъ. И вотъ Гоголь приводитъ намъ сужденіе Пушкина о самодержавной власти. «Зачѣмъ нужно»,— говорилъ онъ,— «чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже самаго закона? Затѣмъ, что законъ — дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что̀-то жесткое и небратское. Съ однимъ буквальнымъ исполненіемъ закона далеко не уйдешь; нарушить же или не исполнить его никто изъ насъ не долженъ: для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая законъ, которая можетъ явиться людямъ только въ одной полномощной власти»[1]).

Если слова Гоголя требуютъ оправданія, то мы надѣемся найти его въ произведеніяхъ Пушкина. Эстетическіе критики истратили все свое остроуміе, рѣшая вопросъ: почему Пушкину вздумалось переложить въ эпиче-

---

[1]) Сочиненія Гоголя, 10-е изданіе, подъ редакціею Тихонравова, М. 1889, т. IV, стр. 43.

скую форму шекспировскую драму «Мѣра за мѣру». Но—что не эстетическіе вопросы руководили Пушкинымъ, въ этомъ достаточно убѣждаетъ самое содержаніе разсказа. Лицемѣрный, но безпощадный блюститель закона, Анджело противопоставляется снисходительному, но великодушному Дуку. И въ заключительныхъ словахъ повѣсти:

И Дукъ его простилъ (III, 593)

и заключается весь смыслъ этого произведенія. Можетъ быть даже онъ имѣлъ у Пушкина какое-нибудь дѣйствительное примѣненіе,—пока мы этого еще не знаемъ, но здѣсь кстати вспомнить слѣдующія слова Гоголя: «Какъ Пушкинъ весь оживлялся и вспыхивалъ, когда дѣло шло къ тому, чтобы облегчить участь какого-либо изгнанника или подать руку падшему! Какъ выжидалъ онъ первой минуты царскаго благоволенія къ нему, чтобы заикнуться не о себѣ, а о другомъ, несчастномъ, упадшемъ»[1]).

И что такое воззрѣніе Пушкинъ считалъ не своимъ только личнымъ, но и народнымъ, Пушкинъ выразилъ въ слѣдующемъ характ-

[1]) Тамъ же, стр. 51.

теристическомъ письмѣ. Богатый и сильный помѣщикъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ, насиліемъ и неправдой отнялъ имѣніе у своего сосѣда, Дубровскаго. Сынъ Дубровскаго, Владиміръ, служитъ въ гвардіи. И вотъ, вѣрная раба, нянька Арина Егоровна Бузырева, пишетъ ему въ Петербургъ: «Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдать насъ подъ началъ Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы, дескать, ихніе, а мы искони ваши, и отъ роду того не слыхивано. Ты бы могъ, живя въ Петербургѣ, доложить о томъ Царю-Батюшкѣ, а онъ бы не далъ насъ въ обиду» (IV, 129). Но полнаго своего выраженія эта идея достигаетъ въ изумительной, какъ бы изъ мрамора изваянной, сценѣ между Маріей Ивановной и императрицей Екатериною въ Капитанской Дочкѣ (IV, 271—272).

Оглядываясь съ этой точки на поэзію Пушкина, мы поймемъ тотъ живой нервъ, который черезъ нее проходитъ:

Душой будь пращуру подобенъ
И памятью, какъ онъ, незлобенъ (II, 8),

писалъ онъ въ первыхъ стансахъ императору Николаю.

Я льстецъ? Нѣтъ, братья! Льстецъ лукавъ,
Онъ горе на царя накличетъ;

Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ (II, 29 сл.).

Вспомнимъ изумительно глубокое стихотвореніе «Истина» и случай, его вызвавшій:

Оставь герою сердце! Что̀ же
Онъ будетъ безъ него? Тиранъ! (II, 123),

вспомнимъ стихотвореніе «Къ Н***» («Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ»—II, 168), «Тучу» (II, 178), «Пиръ Петра Великаго» (II, 178—179) и наконецъ эти слова въ «Памятникѣ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ
И милость къ падшимъ призывалъ (II, 190).

Такъ дорисовывается передъ нами пушкинскій идеалъ политическаго устройства: свободная преданность долгу внизу, правосудное, но милосердное могущество наверху.

XIII.

Религіозныя убѣжденія.

Обращаемся теперь къ важнѣйшей сторонѣ Пушкинскихъ воззрѣній—къ его религіознымъ убѣжденіямъ. Анненковъ говоритъ, что религіозное направленіе начина-

етъ проявляться у Пушкина особенно съ 1833 года[1]). Но мы скажемъ, что съ этого времени пришла очередь этому настроенію проявиться въ литературной дѣятельности Пушкина, а не въ немъ самомъ. Что̀ глубже лежало, то позже и всплыло. Напротивъ, слѣды религіозныхъ интересовъ мы найдемъ неизмѣримо раньше. Что Пушкинъ ихъ долго вынашивалъ, это неудивительно: если для обработки лирическаго стихотворенія десять лѣтъ не казались ему долгимъ срокомъ, то для проявленія столь важнаго направленія и еще болѣе отдаленные сроки не покажутся долгими. Мы положительно знаемъ, что еще въ Одессѣ и Кишиневѣ Пушкинъ читалъ Библію и что это чтеніе бывало ему «по сердцу» (VII, 74). Но мы знаемъ, какая буря страстей тогда еще имъ владѣла; быть можетъ, онъ искалъ въ Библіи защиты и отъ Демона, и отъ Гунчисона,—но пока они были сильнѣй его. Воспользуемся еще разъ свидѣтельствомъ Мицкевича, относящимся къ эпохѣ вслѣдъ за созданіемъ «Бориса Годунова»: «Въ его разговорахъ, которые становились все болѣе и болѣе серьезными, нерѣдко слышались за-

---

[1]) Анненковъ, «Матеріалы», стр. 378.

чатки его будущихъ твореній. Онъ любилъ разсуждать о высокихъ религіозныхъ и общественныхъ вопросахъ, о которыхъ и не снилось его соотечественникамъ»[1]). Въ Михайловскомъ у Пушкина были Четьи-Минеи, къ которымъ онъ и возвратился впослѣдствіи. Вліяніе дѣйствительно церковнославянскаго, а не лѣтописнаго, языка замѣтно во многихъ мѣстахъ «Бориса Годунова», а стихотвореніе «Пророкъ» (II, 2) до того проникнуто библейскими образами и выраженіями, что его можно назвать столько же славянскимъ, сколько и русскимъ. Въ 1829 году Пушкинъ возвратился съ Кавказа—и вотъ какія мысли привозитъ онъ оттуда. Что дѣлать съ черкесами? — спрашиваетъ Пушкинъ. «Есть... средство болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія донынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несовмѣстно? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы

---

[1]) W rozmovach jego, które bywały coraz považniejsze, dawały się spostrzegać zarazem zarody przyszłych jego utworów. Lubiał rozbierać wysokie kwestie religijne i społeczne, o których się jego ziomkom i nie sniło.

скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто еще изъ насъ и не думалъ препоясаться и идти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ донынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ? Какая награда ихъ ожидаетъ? — Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ. Мы умѣемъ спокойно въ великолѣпныхъ храмахъ блестѣть велерѣчіемъ. Мы читаемъ свѣтскія книги и важно находимъ въ суетныхъ произведеніяхъ выраженія предосудительныя. Предвижу улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи сти-

ховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается... Кавказъ ожидаетъ христіанскихъ миссіонеровъ» (IV, 418—419). Эги мысли не замедлили найти и поэтическій отголосокъ: ихъ плодомъ осталась недоконченная поэма «Галубъ», вѣрнѣе, «Тазитъ» (III, 539 слл.). Сама по себѣ поэма еще не говоритъ о той мысли, которой она должна была служить выраженіемъ. Но сохранились двѣ программы: въ первой останавливаетъ вниманіе два раза встрѣчающееся и оба раза подчеркнутое слово *монахъ*. Вторая, по которой и написано начало поэмы, уже яснѣй опредѣляетъ значеніе монаха. Вотъ она: «1) Похороны. 2) Черкесъ-христіанинъ. 3) Купецъ. 4) Рабъ. 5) Убійца. 6) Изгнаніе. 7) Любовь. 8) Сватовство. 9) Отказъ. 10) Миссіонеръ. 11) Война. 12) Сраженіе. 13) Смерть. 14) Эпилогъ» (III, 447). Очевидно, Пушкинъ хотѣлъ въ ней развить мысль, выраженную раньше: «Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или *мальчика*, а затѣмъ нужда, голодъ, *мученическая смерть*»... По-

эма осталась недоконченною, потому что дѣйствительность не давала потребныхъ матеріаловъ, а фантазировать Пушкинъ не любилъ, да и не умѣлъ. Идея поэмы, однако же, ясна: гибель перваго послѣдователя новыхъ идей.

Будемъ слѣдить по стихотвореніямъ Пушкина за óбразами, которые господствуютъ въ его воображеніи. Пушкинъ видитъ монастырь на Казбекѣ:

Туда бъ, въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога скрыться мнѣ!.. (II, 69).

Онъ приходитъ въ царскосельскіе сады:

Воспоминаньями смущенный,
Исполненъ сладкою тоской,
Сады прекрасные, подъ сумракъ вашъ священный
Вхожу съ поникшею главой:
Такъ отрокъ Библіи, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ наконецъ родимую обитель,
Главой поникъ—и зарыдалъ! (II, 75).

Въ 30 году онъ пишетъ митрополиту Филарету:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрялъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей;

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.
Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ
И ранамъ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отраденъ чистый былъ елей.
И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.
Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла блескъ земныхъ суетъ
И внемлетъ арфѣ серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ (II, 88—89).

32-й годъ полонъ о́бразами изъ западныхъ религіозныхъ преданій; таковы: «Начало повѣсти» (II, 137), «Юдиѳь» (II, 138), «Подражаніе Данту» (II, 140—141), «Романсъ» («Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный»—IV, 328 сл.; ср. 333—334). Здѣсь Пушкинъ ищетъ исхода своему настроенію еще внѣ себя, въ о́бразахъ чуждыхъ, заимствованныхъ. Но настроеніе охватываетъ его глубже и сильнѣй. Этотъ переходъ мы видимъ въ 33 году. Вслѣдъ за «Родригомъ» (II, 155) и переводомъ изъ Буньяна («Странникъ», II, 165 слл.) идетъ стихотвореніе оригинальное (?) и, очевидно, выражающее личную мысль поэта:

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ:
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая (лапой) пыль и гриву потрясая
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій (II, 162).

Изъ двухъ стихотвореній 34 года одно — «Къ Н***» (II, 168) — полно библейскихъ образовъ, другое — «Мицкевичъ» (II, 166—167) — запечатлѣно библейскимъ характеромъ. Наконецъ, 36 годъ даетъ намъ стихотворенія:

Когда великое свершалось торжество
И въ мукахъ на крестѣ кончалось Божество (II, 166),

«Подражаніе итальянскому» («Какъ съ древа сорвался предатель ученикъ» — II, 187) — и наконецъ этотъ рядъ заключается 22-го іюля, ровно за полгода до смерти, стихотвореніемъ:

Молитва.

Отцы-пустынники и жены непорочны,
Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ,
Сложили множество божественныхъ молитвъ.
Но ни одна изъ нихъ меня не умиляетъ,
Какъ та, которую священникъ повторяетъ
Во дни печальные великаго поста:
Всѣхъ чаще мнѣ она приходитъ на уста
И падшаго свѣжитъ невѣдомою силой

«Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
Любоначалія, змѣи сокрытой сей,
И празднословія не дай душѣ моей;
Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
И духъ смиренія, терпѣнія, любви
И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи (II, 188).

Но все это, такъ сказать, только пробы пера въ сравненіи съ тѣми широкими замыслами, которые питалъ поэтъ. Католичество, реформація, изобрѣтеніе пороха, книгопечатанія, должны были переплестись въ какую-то загадочную драму и послужить основою для рѣшенія какого-то неизвѣстнаго, важнаго, но несомнѣнно церковно-религіознаго вопроса. Только неясные осколки подъ произвольнымъ названіемъ «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» (IV, 316 сл.) остались отъ этого глубокаго замысла.

Для насъ достаточно и этого, чтобы знать, чѣмъ была занята, куда стремилась мысль поэта въ послѣдніе годы его дѣятельности. Но мы знаемъ, что каждое литературное намѣреніе Пушкина имѣло долгую подготовительную работу въ жизни и въ черновыхъ его бумагахъ. И на этотъ разъ онъ не обманываетъ нашихъ ожиданій. Друзья поэта свидѣтельствуютъ, что въ послѣднее время онъ находилъ неистощимое наслажденіе въ чте-

ніи Евангелія и многія молитвы, казавшіяся ему наиболѣе исполненными высокой поэзіи, заучивалъ наизусть. Что касается молитвъ, мы уже видѣли плоды этого заучиванья. Но вотъ печатный отзывъ Пушкина о Евангеліи: «Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповѣдано во всѣхъ концахъ земли, примѣнено ко всевозможнымъ обстоятельствамъ жизни и происшествіямъ міра; изъ коей нельзя повторить ни единаго выраженія, котораго не знали бы всѣ наизусть, которое не было бы уже пословицею народовъ; она не заключаетъ уже для насъ ничего неизвѣстнаго; но книга сія называется Евангеліемъ — и такова ея вѣчно новая прелесть, что, если мы, пресыщенные міромъ или удрученные уныніемъ, случайно откроемъ ее, то уже не въ силахъ противиться ея сладостному увлеченію и погружаемся духомъ въ ея божественное краснорѣчіе!» (V, 340—341). Черновыя тетради его наполнены выписками изъ Четьихъ-Миней и Пролога. Въ 35 году онъ помогаетъ и совѣтомъ, и дѣломъ своему товарищу князю Эристову въ составленіи историческаго словаря о святыхъ, прославленныхъ въ россійской церкви, дѣлаетъ о немъ, по выходѣ въ свѣтъ, печатный отзывъ (V, 342—344),

наконецъ самъ перелагаетъ на простой языкъ, понятный всякому человѣку, даже мало искушенному въ грамотѣ, повѣствованіе Пролога о житіи преподобнаго Саввы игумена. Записка эта сохраняется въ его бумагахъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Декабря 3-го, преставленіе преподобнаго отца нашего Саввы, игумена святыя обители Пресвятой Богородицы, что̀ на Сторожехъ, новаго чудотворца (изъ Пролога)». Мы приводимъ слова Анненкова, потому что самое сказаніе, къ сожалѣнію и удивленію, до сихъ поръ не напечатано.

Но если только въ послѣдніе годы жизни Пушкинъ сталъ проникаться церковностію, то вопросъ о значеніи церкви въ Россіи занималъ его неизмѣримо раньше. Вотъ что̀ писалъ онъ въ 1822 году: «Екатерина явно гнала духовенство, жертвуя тѣмъ своему неограниченному властолюбію и угождая духу времени. Но, лишивъ его независимаго состоянія и ограничивъ монастырскіе доходы, она нанесла сильный ударъ просвѣщенію народному. Семинаріи пришли въ совершенный упадокъ. Многія деревни нуждаются въ священникахъ. Бѣдность и невѣжество этихъ людей, необходимыхъ въ государствѣ, ихъ унижаетъ и отнимаетъ у нихъ самую воз-

можность заниматься важною своею должностью. Отъ сего и происходитъ въ нашемъ народѣ презрѣніе къ попамъ и равнодушіе къ отечественной религіи, ибо напрасно почитаютъ русскихъ суевѣрными: можетъ быть, нигдѣ болѣе, какъ между нашимъ простымъ народомъ, не слышно насмѣшекъ на счетъ всего церковнаго. Жаль,— ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ. Въ Россіи вліяніе духовенства столь же было благотворно, сколько пагубно въ земляхъ римско-католическихъ. Тамъ оно, признавая главою своею папу, составляло особое общество, независимое отъ гражданскихъ законовъ, и вѣчно полагало суевѣрныя преграды просвѣщенію. У насъ, напротивъ, завися, какъ и всѣ прочія сословія, отъ единой власти, но огражденное святыней религіи, оно всегда было посредникомъ между народомъ и государемъ, какъ между человѣкомъ и Божествомъ. Мы обязаны монахамъ нашею исторіею, слѣдственно и просвѣщеніемъ. Екатерина знала все это и—имѣла свои виды» (V, 13 — 14). Мы не остановимъ вниманія на рѣзкости сужденія: это были черновыя домашнія замѣтки про себя. Не коснемся

и политической стороны дѣла. Но сужденіе о значеніи церкви для нашего просвѣщенія и особенно мысль о томъ, что православіе есть основа нашего національнаго характера, нашей народности, достойны особеннаго замѣчанія. Правда, Анненковъ говоритъ, что члены литературнаго общества Арзамасъ, къ которому принадлежалъ и Пушкинъ, отличались непоколебимою «вѣрою въ возможность соединенія коренныхъ основъ русской жизни и русскаго законодательства—монархизма и православія—съ свободой лицъ, сословій и учрежденій» [1]), и приведенное мнѣніе Пушкина считаетъ отголоскомъ этихъ арзамасскихъ ученій. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, на чемъ основано это показаніе. Но, какъ бы то ни было, мысли были заронены и въ свое время принесли бы плодъ.

XIV.

Заключеніе.

Намъ остается подвести итогъ ко всему сказанному.

Пушкинъ умеръ не только во цвѣтѣ лѣтъ, не только въ полной силѣ таланта, но, можно

[1]) Анненковъ, «Пушкинъ», стр. 114.

смѣло сказать, какъ ни велики оставшіяся намъ отъ него произведенія, онъ умеръ, только приготовляясь къ еще высшимъ созданіямъ, въ которыхъ въ величественныхъ размѣрахъ, во всей полнотѣ и ясности выразились бы его идеалы. Этимъ произведеніямъ не суждено было осуществиться, но и то, что̀ осталось намъ отъ великаго поэта, достаточно ясно показываетъ, какъ понималъ онъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа. Семья, общество, жизнь наложили на его свѣтлую, чистую душу «свой рисунокъ беззаконный», но силой упорнаго труда, могучею дѣятельностью своего духа онъ сбросилъ «ветхую чешую» «чуждыхъ красокъ» и блеснулъ красотою «первоначальныхъ, чистыхъ» видѣній въ созданіяхъ своего генія. Цѣною глубокаго раскаянія и горькихъ слезъ искупилъ онъ заблужденія своей юности и, выйдя на царскій путь, куда звало его «Божіе велѣнье», онъ въ дивныхъ поэтическихъ глаголахъ высказалъ завѣтныя вѣрованія русскаго народа, его глубокую привязанность къ своимъ вѣковымъ учрежденіямъ, его высокую вѣру въ идеалъ царя, отмстителя неправдамъ, защитника угнетенныхъ, милосердаго къ падшимъ. Онъ вѣрилъ въ высокое историческое предназна-

ченіе страны своей родной, онъ честно и нелицемѣрно принесъ ей на служеніе свой талантъ, свои силы, свой трудъ. Онъ «призывалъ милость къ падшимъ», онъ «пробуждалъ добрыя чувства»; всегда правдивый, независимый, онъ имѣлъ право сказать о своихъ стихахъ:

И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо русскаго народа (I, 208).

Вотъ почему и русскій народъ найдетъ и всегда будетъ находить въ поэзіи Пушкина свободное выраженіе своихъ думъ, чаяній, упованій, и на ней воспитываемый, ею вдохновляемый, будетъ въ надеждѣ славы и добра безъ боязни глядѣть впередъ и идти навстрѣчу будущему во исполненіе своего историческаго призванія.

ЖОБАРЪ И ПУШКИНЪ

М. А. Веневитиновъ предоставилъ въ мое литературное распоряженіе цѣлую пачку документовъ по дѣлу профессора Жобара. Съ благодарностью пользуясь даннымъ мнѣ правомъ, спѣшу сообщить изъ этого дѣла нѣсколько документовъ, открывающихъ еще одну печальную страницу въ исторіи послѣднихъ дней Пушкина, когда испытанія и потрясенія падали на измученную душу поэта даже съ такихъ сторонъ, откуда не только нельзя было ихъ ожидать, но и существованія которыхъ невозможно было подозрѣвать. Одинъ изъ такихъ «камней на голову» упалъ изъ рукъ Жобара.

Имя Жобара едва ли кому изъ читателей извѣстно. А между тѣмъ ему суждено было прибавить не малую каплю горечи къ той чашѣ страданій, которую испивалъ поэтъ, и, можетъ быть, косвенно, безъ знанія и

намѣренія, повліять и на самый трагическій исходъ его жизни. Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности. Не будемъ передавать всей его исторіи, которая современемъ представитъ любопытный эпизодъ для характеристики администраціи 1830-хъ годовъ въ области просвѣщенія и правосудія,—частію потому, что она не вся и не вполнѣ намъ извѣстна, частію потому, что и въ этихъ отрывкахъ она представляется безконечно длинной и чрезвычайно сложной. Ограничимся только краткимъ перечнемъ главнѣйшихъ фактовъ его біографіи, пользуясь послужнымъ спискомъ, который онъ самъ издалъ въ 1854 году въ Вѣнѣ подъ громкимъ заглавіемъ «Extrait de mes mémoires sur la Russie».

Альфонсъ Жобаръ (Jobard) родился въ 1793 году во Франціи, воспитывался сначала въ Лангрѣ (Langres), потомъ въ Митавской гимназіи, по окончаніи курса въ которой въ 1817 году сдѣлался учителемъ французскаго языка въ Рижской гимназіи. Затѣмъ, въ 1820 году онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Смольный институтъ, состоявшій подъ покровительствомъ императрицы Маріи Θеодоровны, отъ кото-

рой за свою службу удостоился получить золотою табакерку. Здѣсь же познакомился онъ съ Магницкимъ, который въ 1822 году назначилъ его въ Казанскій университетъ профессоромъ словесности греческой, латинской и французской, съ удвоеннымъ окладомъ жалованья.

Извѣстно, что̀ такое былъ Казанскій университетъ подъ управленіемъ Магницкаго. Въ это то гнѣздо произвола, интригъ, ссоръ, зависти и вражды попалъ Жобаръ. Трудно было найти человѣка, способнаго еще сильнѣе разжечь страсти и усилить волненія. Жобаръ принадлежалъ къ числу людей, страдающихъ, если можно такъ выразиться, нравственнымъ дальтонизмомъ. Такіе люди не только не замѣчаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ въ нравственномъ мірѣ, но иногда всѣ явленія его видятъ только въ одномъ какомъ нибудь цвѣтѣ. Они бываютъ сухи душою, черствы сердцемъ. Это однако же не исключаетъ въ нихъ возможности самой пылкой, горячей страсти. Только эта страсть, направленная не на предметы чувства, а на отвлеченныя теоретическія идеи, создаетъ изъ нихъ фанатиковъ. Люди для нихъ не существуютъ: это только символы преслѣ-

дующей ихъ идеи. Они не знаютъ ни прощенія, ни пощады, ни снисхожденія. Они не способны ни понять другого человѣка, объяснивъ себѣ его побужденія, ни принять во вниманіе его интересы, когда съ нимъ сталкиваются, ни, тѣмъ болѣе, подумать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ для другихъ людей. Для нихъ нѣтъ ни оцѣнки, ни выбора средствъ: всякое средство хорошо, коль скоро оно логически ведетъ къ цѣли. Не будучи нисколько лицемѣрами, напротивъ, искренніе въ своемъ убѣжденіи (правомъ или неправомъ—этого они не разбираютъ), они безсознательно слѣдуютъ іезуитскому принципу. Безпощадные, какъ логики, упрямые, какъ теоретики, эти люди не имѣютъ никакихъ интересовъ внѣ своей идеи и бываютъ готовы выдержать за нее самую упорную борьбу, вытерпѣть всевозможныя страданія. За то въ защитѣ своей идеи они обнаруживаютъ изумительную силу ума, самую изворотливую діалектику, несокрушимую послѣдовательность, неистощимую изобрѣтательность.

Для Жобара такою властвующей идеею была идея формальной справедливости. Онъ не зналъ, что справедливость есть только

внѣшнее выраженіе другого, болѣе широкаго и внутренняго, требованія человѣческой природы,—нравственной правды. Жобаръ зналъ только законъ, и при томъ законъ писанный, и внѣ его не признавалъ ничего. Еще въ 1854 году онъ не переставалъ требовать отъ русскаго правительства 200.000 франковъ жалованья за тѣ годы, когда онъ не только не читалъ лекцій въ университетѣ, но даже и не жилъ въ Казани, основываясь на томъ, что онъ не былъ формально уволенъ въ отставку и, слѣдовательно, имѣлъ право и на званіе дѣйствительнаго профессора, и на соединенное съ этимъ званіемъ жалованье.

Неудивительно, что жизнь такого человѣка полна противорѣчій. Многіе его поступки носятъ безспорно отпечатокъ высокой честности, но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ дѣйствія до того низкія и недостойныя, что затрудняемся приписать ихъ одному и тому же лицу. Строгій въ жизни, или, лучше сказать, совершенно ей чуждый («Tout moine que Vous êtes», писалъ къ нему Магницкій), и обладая въ то же время избыткомъ здоровья и физической силы, Жобаръ доходилъ до неистовства въ защитѣ своей

идеи («Votre grande santé qui Vous échauffant Vous fait agir avec une violence» — Магницкій въ томъ же письмѣ). Директоръ университета, Никольскій, такъ описываетъ одну изъ совѣтскихъ сценъ: «Лицо Жобара, и въ спокойномъ положеніи всегда красное, горѣло, глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ, какъ у оратора въ народномъ собраніи».— «У меня самого», наивно (или коварно?) прибавляетъ Никольскій, «трепетало сердце при этомъ страшномъ зрѣлищѣ»[1]).

Принятый сначала съ величайшимъ почетомъ, какъ лицо, близкое къ попечителю, Жобаръ скоро разошелся и съ товарищами по университету, и даже со своимъ покровителемъ. Послѣ ревизіи Астраханской гимназіи, гдѣ Жобаръ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія, началась его ожесточенная и безконечная борьба, сначала съ Магницкимъ, а потомъ послѣдовательно со всѣми министрами народнаго просвѣщенія: княземъ Ливеномъ, Уваровымъ. Мы не знаемъ, какія

[1]) Е. М. Ѳеоктистовъ, «Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи. I. Магницкій». — О Жобарѣ стр. 109—123.

особенныя причины предубѣждали Уварова противъ Жобара, но именно Уварова последній считалъ своимъ величайшимъ врагомъ. Еще Магницкій пустилъ въ ходъ мысль о «разстройствѣ идей» Жобара. Этою мыслью воспользовался и Уваровъ, когда Жобаръ 2-го мая 1835 года успѣлъ гдѣ-то на улицѣ Петербурга подать императору Николаю Павловичу слѣдующую записку:

Sire,

Daignez m'entendre.

Jobard.

Но Жобаръ добился освидѣтельствованія въ московскомъ губернскомъ правленіи, присутствіе котораго 20 іюля 1835 года нашло его «совершенно въ здравомъ состояніи разсудка». Послѣ этого ожесточеніе Жобара не знало предѣловъ. Къ пасхѣ 1836 года онъ послалъ Уварову и распространилъ въ публикѣ письмо подъ заглавіемъ «Mon oeuf de Pâques», въ которомъ пытался доказать, что ученые труды Уварова, какъ-то: «Изслѣдованіе объ Элевзинскихъ таинствахъ» и др., принадлежали не ему, а профессору Грефе. Не трудно видѣть, какъ долженъ

былъ отравлять жизнь министру такой ожесточенный и неотвязчивый врагъ.

Въ самый разгаръ этого ожесточенія появилась извѣстная ода Пушкина «На выздоровленіе Лукулла» (II, 180 сл.), направленная, какъ того не отрицаетъ и самъ Пушкинъ, на Уварова. Опять таки, мы не знаемъ, чѣмъ было вызвано появленіе и напечатаніе этой оды; во всякомъ случаѣ она имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія для поэта, такъ какъ окончательно возстановила противъ него Уварова, который давно уже питалъ къ нему явное нерасположеніе. Эта ода навлекла на Пушкина тотъ серіозный и холодный выговоръ, который онъ долженъ былъ съ покорностью принять отъ князя Репнина [1]). Наконецъ, какъ можно заключить изъ нижеслѣдующаго письма Пушкина, она вызвала даже неудовольствіе Государя. Среди тревогъ своей жизни Пушкинъ, конечно, желалъ, чтобы эта вспышка была, какъ можно скорѣе, забыта. Но тутъ то его злымъ геніемъ и явился Жобаръ. Въ своемъ

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 г., т. XXVIII, іюнь, стр. 318—320. Изъ этой переписки оба письма Пушкина вошли въ его сочиненія (VII, 393—394).

неразборчивомъ бѣшенствѣ онъ ухватился за оду Пушкина, какъ за средство, чтобы еще разъ уколоть своего врага. Онъ перевелъ эту оду на французскій языкъ и послалъ къ Уварову (раньше или позже «Пасхальнаго яйца»—трудно понять, но по всей вѣроятности раньше), испрашивая его разрѣшенія напечатать въ Бельгіи свой переводъ «съ объяснительными примѣчаніями». Излишне прибавлять, насколько этотъ случай содѣйствовалъ улучшенію отношеній между Уваровымъ и Пушкинымъ.

Послѣ этого объясненія приводимъ самые документы.

I.

Epître à M-r Ouvaroff,

Ministre de l'instruction publique, Président de l'Académie des Sciences, auteur des commentaires savants sur les classiques anciens, traducteur de la «Querelle des Slaves» etc. etc.

Protecteur des beaux arts, grand Mécène du Nord,
Ma Muse, en ton honneur, vient de faire un effort.
In tenui labor, at tenuis non gloria: du Sage
Je chante les hauts faits,—accepte cet hommage,
Grand Ministre, et bientôt l'Europe et ses savants
Sauront apprécier tes vertus, tes talents.

Oui, Monsieur, à la lécture de la poésie ci-jointe dont Pouchkine, Votre poète de prédilection, vient d'enrichir la littérature russe, l'enthousiasme s'est emparé de mon âme, et quoique j'aie depuis longtemps perdu l'usage de mesurer mes discours, je n'ai pu m'empêcher de mettre en vers français cette ode admirable, que lui a sans doute inspirée la protection spéciale dont Votre Excellence daigne honorer les fils d'Apollon.

Désirant attirer aussi sur ma Muse inconnue un regard favorable du Mécène du Nord, je prends la liberté de déposer au pied de l'Hélicon, sa demeure inaccessible [1]), la traduction française du dernier chant du Pindare russe, de cet enfant chéri des Muses.

---

[1]) Жобаръ неоднократно добивался свиданія съ Уваровымъ, но его просьбы объ этомъ оставались со стороны Уварова безо всякаго отвѣта.

[Переводъ].

I.

Посланіе г-ну Уварову,

Министру народнаго просвѣщенія, Президенту Академіи Наукъ, автору ученыхъ толкованій на древнихъ классиковъ, переводчику «Спора славянъ», и пр., и пр.

Покровитель искусствъ, Великій Меценатъ Сѣвера,
Вотъ, моя Муза дѣлаетъ усиліе въ твою честь.
In tenui labor, at tenuis non gloria: мудреца
Пою я высокія дѣянія,—прими эту дань почтенія,
Великій министръ, и скоро Европа и ея ученые
Оцѣнятъ твои доблести, твои дарованія.

Да, Милостивый Государь, при чтеніи прилагаемаго стихотворенія, которымъ Пушкинъ, Вашъ излюбленный поэтъ, только что обогатилъ русскую словесность, восторгъ овладѣлъ моею душой и, хоть я уже давно утратилъ привычку соблюдать мѣру въ моихъ рѣчахъ [1]), я не могъ удержаться, чтобы не переложить на французскіе стихи эту изумительную оду, которую ему безъ сомнѣнія внушило особое покровительство, которымъ Ваше Превосходительство удостоиваетъ чтить сыновъ Аполлона.

Желая привлечь и на мою невѣдомую Музу благосклонный взоръ Мецената Сѣвера, я осмѣливаюсь повергнуть къ подножію Геликона, его недоступной обители, француз-

[1]) Игра словъ: mesurer mes discours можетъ значить и «говорить мѣрною рѣчью», т. е. стихами, и «умѣрять свои выраженія». *Примѣчаніе издателя.*

Votre Excellence ayant daigné naguère Elle-même mettre en vers français la Querelle des Slaves [1]), j'ose espérer qu'Elle voudra bien agréer cet hommage de la part du plus respectueux, du plus dévoué de ses subordonnés.

Étant bien résolu de faire connaître à l'Europe cette pièce extraordinaire, je me propose de l'adresser à mon frère, lithographe, imprimeur, libraire et rédacteur de l'«Industriel» à Bruxelles, avec tous les commentaires que peut réclamer l'intelligence du texte: mais avant de faire cette démarche, j'ai cru devoir soumettre ma traduction au jugement de Votre Excellence et lui demander son autorisation à ce sujet. J'ose espérer que Votre Excellence saura apprécier la pureté de mes intentions, daignera m'honorer d'une réponse favorable et accorder peut-être même une audience au plus sincère admirateur de ses vertus et de ses talents, au plus respectueux, au plus dévoué de ses subordonnés,

Moscou, le 13 Janvier 1836

A. Jobard, Professeur ordinaire actuel de littérature grecque, latine et française près l'Université de Kasan, de la 7-ième classe, et Chevalier de l'Ordre de St. Vladimir de la 4-ième classe.

---

[1]) Вѣроятно, «Клеветникамъ Россіи». Объ этомъ *переводѣ* гр. Уварова ничего не извѣстно.

скій переводъ послѣдней пѣсни русскаго Пиндара, этого любимаго сына Музъ.

Такъ какъ Ваше Превосходительство недавно сами удостоили переложить на французскіе стихи «Споръ славянъ», я смѣю надѣяться, что Вамъ благоугодно будетъ принять эту дань уваженія отъ почтительнѣйшаго, отъ преданнѣйшаго изъ Вашихъ подчиненныхъ.

Твердо рѣшившись ознакомить Европу съ этимъ необыкновеннымъ сочиненіемъ, я предполагаю направить его къ моему брату, литографу, типографу, книжному торговцу и редактору «Промышленника» въ Брюсселлѣ, со всѣми толкованіями, какихъ можетъ потребовать пониманіе текста; но прежде, чѣмъ сдѣлать этотъ шагъ, я счелъ долгомъ повергнуть мой переводъ на сужденіе Вашего Превосходительства и испросить Ваше уполномоченіе на этотъ предметъ. Смѣю надѣяться, что Ваше Превосходительство оцѣнитъ чистоту моихъ намѣреній, удостоитъ почтить меня благопріятнымъ отвѣтомъ и даже, можетъ быть, дастъ аудіенцію искреннѣйшему почитателю Вашихъ доблестей и дарованій, почтительнѣйшему, преданнѣйшему изъ Вашихъ подчиненныхъ,

Москва,
13 января 1836.

А. Жобару, Дѣйствительному ординарному профессору словесности греческой, латинской и французской въ Казанскомъ университетѣ, чиновнику 7-го класса и кавалеру ордена Св. Владиміра 4-й степ.

II.

O d e.

Sur la guérison de Luculle.

IMITÉ D'HORACE PAR A. P.

I.

Tu te mourais, jeune richard,
Et malgré les secours de l'art
La mort au teint pâle et livide
Sur la trame de tes beaux jours
Etendait une main avide
Et, sourde aux cris de tes entours,
Sur toi d'un bras impitoyable
Brandissait sa faulx redoutable.

II.

Atterrés et sans espérance,
Les fils d'Hippocrate, en silence
De l'art consultant les secrets,
T'ouvraient les secours de la vie,
De la mort bravaient les décrets.
Tes amis, tes serfs, ta patrie
Pour toi de leurs pleurs, de leurs voeux
Sans cesse importunaient les cieux.

III.

Déjà ton héritier, ainsi qu'un vil corbeau
Qui dévore sa proie enlevée au tombeau,
Livide et frémissant d'une soif criminelle,
Convoitait en son coeur ta dépouille mortelle;
Et son seing odieux, empreint sur tes lambris,
Trahissait de l'honneur sa haine et son mépris.

II.

Ода.

На выздоровленіе Лукулла.

ПОДРАЖАНІЕ ГОРАЦІЮ А. П.

I.

Ты умиралъ, молодой богачъ,
И вопреки пособіямъ искусства
Смерть съ блѣднымъ и посинѣлымъ лицомъ
На нить твоихъ прекрасныхъ дней
Простирала жадную руку
И, глухая къ крикамъ твоихъ приближенныхъ,
Надъ тобою безпощадною рукою
Заносила свою грозную косу.

II.

Сраженные и безнадежные,
Сыны Гиппократа, въ молчаніи
Соображая тайны искусства,
Оказывали тебѣ пособія къ жизни,
Перечили велѣніямъ смерти.
Твои друзья, твои рабы, твое отечество
За тебя своими слезами, своими мольбами
Безпрестанно докучали небесамъ.

III.

Уже твой наслѣдникъ, какъ гнусный воронъ,
Пожирающій свою добычу, извлеченную изъ могилы
Блѣдный и трепещущій отъ преступной жажды,
Зарился въ своемъ сердцѣ на твои смертные останки
И его ненавистная печать, оттиснутая на твоемъ убранствѣ,
Выдавала его ненависть и его презрѣніе къ честности.
Въ лихорадочномъ жару мучительнаго ожиданія
Онъ считалъ твои сокровища дрожащею рукою.

*

Délirant dans les feux d'une cruelle attente,
Il comptait tes trésors d'une main palpitante.

IV.

«Désormais», pensait-il en son étroit cerveau,
«Je n'irai plus, des grands flattant les vils caprices,
«De leurs enfants criards balancer le berceau;
«D'autres, plus vils encor, m'offriront leus services.
«Me voilà donc enfin haut et puissant seigneur
«Et n'ai plus maintenant que faire de l'honneur.
«Pourtant je cesserai d'escroquer ma pouponne
«Et ne volerai plus le bois de la couronne».

V.

Tu revis. Tes amis accourant pleins de joie
Te pressent dans leurs bars, et les vassaux heureux
S'embrassent d'allegresse et rendent grâce aux cieux
Au transport le plus vif ton Esculape en proie
Triomphe de la mort, s'applaudit de son art;
Le fossoyeur, déçu, baisse un triste regard;
Celui qui convoitait ton immense héritage,
Chassé par les valets, a la honte en partage.

VI.

Enfin la vie, ainsi que tous ses charmes,
Te sont rendus: c'est un don précieux;
Sache en jouir, mets fin à nos alarmes,
De tes amis écoute aussi les voeux:
Elle s'écoule, aride, infructueuse;
Rends la fertile, et sans autre examen
Prends une épouse et belle et vertueuse;
Le ciel, crois-moi, bénira ton Hymen.

IV.

«Впредь», думалъ онъ своими узкими мозгами,
«Ужъ я не стану, льстя презрѣннымъ прихотямъ вельможъ,
«Качать колыбель ихъ крикливыхъ дѣтей;
«Другіе, еще болѣе презрѣнные, предоставятъ мнѣ свои услуги;
«Вотъ я наконецъ знатный и могущественный вельможа
«И теперь не знаю, что̀ мнѣ и дѣлать съ честностью.
«Впрочемъ, я перестану обсчитывать мою тетёшку
«И не буду больше красть казенныхъ дровъ».

V.

Ты оживаешь. Твои друзья, прибѣгая, полные радости,
Сжимаютъ тебя въ объятіяхъ и счастливые вассалы
Обнимаются отъ счастья и благодарятъ небеса;
Твой Эскулапъ, восхищенный самымъ живѣйшимъ восторгомъ,
Торжествуетъ надъ смертью, восхваляетъ свое искусство;
Могильщикъ, обманувшись, опускаетъ печально взоръ;
Тому, кто зарился на твое несмѣтное наслѣдство,
Выгнанному слугами, достался на долю—срамъ.

VI.

Наконецъ жизнь, какъ и всѣ ея очарованія,
Возвращены тебѣ: это драгоцѣнный даръ.
Умѣй ею пользоваться, положи конецъ нашимъ тревогамъ,
Выслушай пожеланія и друзей твоихъ:
Она утекаетъ, безотрадная, безплодная,—
Сдѣлай ее плодотворной и безъ дальнихъ размышленій
Возьми себѣ супругу, и прекрасную, и добродѣтельную;
Небеса, повѣрь мнѣ, благословятъ твой бракъ.

III.

На выздоровленіе Лукулла.

(ПОДРАЖАНІЕ ЛАТИНСКОМУ).

Ты угасалъ, богачъ младой,
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ;
Ужъ смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ:
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.

Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались,
Твоихъ наслѣдниковъ, цирцей,
Смущеньемъ лица омрачались,
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что̀ сулили
Имъ тайныя судьбы,

А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ, къ мертвечинѣ падкій,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.

Онъ мнилъ: «Теперь ужъ у вельможъ
Не стану няньчить ребятишекъ:
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ!

Теперь мнѣ честность — трынъ-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»

Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки,
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ приказчикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она, —
Умѣй же пользоваться ею.
Укрась ее: года летятъ, —
Пора, введи въ свои чертоги
Жену-красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ [1]).

А. Пушкинъ.

Посылая свое письмо къ Уварову, Жобаръ въ то же время сообщилъ копію съ него и Пушкину. Письмо Жобара къ Пушкину не сохранилось, но вотъ отвѣтъ на него А. С. Пушкина:

---

[1]) Эта ода (II, 180 — 181) была впервые напечатана во 2-й сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 г. и затѣмъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., № 12 откуда и перепечатана въ настоящей замѣткѣ.

Monsieur,

J'ai reçu avec un véritable plaisir Votre charmante traduction de l'Ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme Vous le dites dans Votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater, que Vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis Vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que Vous paraissez me porter et dont je suis fier m'autorise à Vous parler en pleine confiance. Dans Votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique vous semblez disposé à imprimer Votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, nécessaires, dites V ous, pour l'intelligence du texte: j'ose Vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. J e suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication à encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de Votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli,

[Переводъ].

Милостивый Государь,

Я съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ Вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и письмо, — столь лестное, — которое его сопровождаетъ. Ваши стихи настолько же милы, насколько злы, а это много значитъ. Если дѣйствительно, какъ Вы говорите въ Вашемъ письмѣ, на законномъ основаніи хотѣли удостовѣрить, что Вы лишились разсудка, то надо согласиться, что съ тѣхъ поръ Вы его чертовски воротили!

Расположеніе, которое Вы повидимому ко мнѣ питаете и которыхъ я горжусь, дозволяетъ мнѣ обратиться въ Вамъ съ полнымъ довѣріемъ. По Вашему письму къ г-ну министру народнаго просвѣщенія кажется, что Вы расположены напечатать Вашъ переводъ въ Бельгіи, присоединивъ къ нему нѣсколько примѣчаній, необходимыхъ, какъ Вы говорите, для пониманія текста: осмѣливаюсь умолять васъ, Милостивый Государь, ничего этого не дѣлать. Мнѣ досадно, что я напечаталъ пьесу, написанную въ минуту дурного расположенія духа. Ея опубликованіе вызвало неудовольствіе лица, мнѣніе котораго мнѣ дорого и которымъ пренебрегать

qu'elle mérite. J'ose espérer que Vous ne me refuserez par la grâce que je Vous demande et Vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très humble et très obéissant serviteur.

A. Pouchkine.

24 Mars 1836.
St.-Petersbourg.

Разумѣется, письмо Пушкина могло остановить печатаніе оды [1]), но оно уже было безсильно устранить дѣйствіе, произведен-

[1]) Жобаръ дѣйствительно не напечаталъ своего перевода, да едвали и имѣлъ серьезное намѣреніе это дѣлать. Иначе онъ могъ бы поднести Уварову печатный экземпляръ. Для него было достаточно уязвить врага хотя бы пустой угрозою.

Примѣчаніе автора.

«По настоянію Уварова Жобаръ былъ высланъ «изъ Россіи немедленно, что̀ онъ и обозначилъ на

я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безразсуднымъ. Будьте настолько добры, чтобы удовольствіемъ отъ гласности пожертвовать мысли одолжить собрата. Не оживляйте при помощи Вашего таланта произденія, которое безъ того впадетъ въ забвеніе, коего оно заслуживаетъ. Смѣю надѣяться, что Вы не откажете мнѣ въ любезности, съ просьбой о которой я къ Вамъ обращаюсь, и прошу Васъ благоволить принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашимъ нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугой.

А. Пушкинъ.

24 марта 1836.
С.-Петербургъ.

ное Жобаромъ на Уварова; да къ тому же и года не прошло послѣ этой переписки, какъ для Пушкина стали безразличны и открытые враги, и услужливые друзья вродѣ Жобара.

«своихъ визитныхъ карточкахъ. Таковую карточку «высланнаго изъ Россіи» Жобаръ оставилъ у кн. «П. А. Вяземскаго».

Примѣчаніе П. А. Ефремова.

*

ДАНТЕСЪ-ГЕКЕРЕНЪ

I.

Исторія послѣднихъ дней жизни Пушкина представляетъ до сихъ поръ много неяснаго и запутаннаго. Не говоря о сторонѣ дѣла общественной и психологической, даже простой пересказъ событій затрудняется отсутствіемъ точныхъ данныхъ. Авторъ біографіи Пушкина въ «Русской Старинѣ» нынѣшняго (1880-го) года неоднократно (напр. стр. 320, 322, 328, 335, 336, 511, 512) наталкивался на хронологическія недоумѣнія именно вслѣдствіе недостатка этихъ данныхъ. Сообщаю для будущихъ біографовъ Пушкина тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось найти въ архивахъ Главнаго Штаба, бывшаго Аудиторіатскаго Департамента и Кавалергардскаго полка. Они касаются главнымъ образомъ барона Егора Осиповича Дантеса (въ документахъ онъ пишется: Дантесъ, д'Антесъ и, даже, одинъ разъ, въ печатномъ патентѣ, Донтесъ).

II.

Баронъ Георгъ Дантесъ, «изъ воспитанниковъ французско-королевскаго военнаго училища Сенъ-Сиръ», по Высочайшему повелѣнію 27-го января 1834 года, былъ допущенъ къ офицерскому экзамену въ Императорской Военной Академіи по программѣ Школы гвардейскихъ юнкеровъ и подпрапорщиковъ, причемъ былъ освобожденъ отъ испытанія въ русской словесности, военномъ уставѣ и военномъ судопроизводствѣ. Экзаменъ, не особенно блестящій [1]), былъ однако признанъ удовлетворительнымъ и Дантесъ, Высочайшимъ приказомъ отъ 13-го января, опредѣленъ въ Кавалергардскій полкъ (приказъ по полку отъ 8-го февраля) корнетомъ.

1836 года, января 28-го, произведенъ въ поручики.

Въ томъ же году, іюня 4-го (16-го), ему разрѣшено принять фамилію барона Гекерена.

Въ формулярномъ спискѣ того же года (декабрь) ему показано 25 лѣтъ и онъ отмѣченъ холостымъ.

---

[1]) Разсказываютъ, что на экзаменѣ изъ географіи онъ не могъ сказать, на какой рѣкѣ стоитъ Мадридъ, и при этомъ воскликнулъ: «Et cependant j'y ai abreuvé mon cheval!» (И однако-жъ, я въ ней поилъ *свою лошадь*!)

III.

1837 года, января 1-го, въ приказѣ № 1-мъ по Кавалергардскому Ея Величества полку, значится между прочимъ:

«...Съ разрѣшенія Г. Командующаго Корпусомъ, объявленнаго въ предписаніи Его Высокопревосходительства отъ 28-го минувшаго декабря за № 1358-мъ, послѣдовавшаго по командѣ съ № 2178-мъ, просящему позволеніе вступить въ законный бракъ г. поручику барону де-Гекерену съ фрейлиною двора Ея Императорскаго Величества Екатериною Гончаровой—дозволяется. О чемъ и дѣлаю извѣстнымъ по полку».

Въ приказѣ № 3-й отъ 3-го января объявлено:

«Выздоровѣвшаго [1]) г. поручика барона де-Гекерена числить на лицо, котораго, по случаю женитьбы его, не наряжать ни въ какую должность до 18-го сего января, т. е. въ продолженіе 15-ти дней».

[1]) Осенью и зимой 1836 года Дантесъ былъ боленъ дважды: въ первый разъ 19—27 октября, во второй отъ 15-го декабря по 3-е января 1837 года. Стало быть, предложеніе Е. Н. Гончаровой онъ долженъ былъ сдѣлать до второй болѣзни, а слова Пушкина въ письмѣ къ Гекерену-отцу о болѣзни Дантеса (VII, 416) должны относиться къ первой болѣзни.

22-го января 1837 г. Гекеренъ былъ уже назначенъ дежурнымъ по первому дивизіону.

Свадьба Гекерена съ Екатериною Николаевною Гончаровою состоялась 10-го января 1837 года въ Исаакіевской церкви.

IV.

Наша замѣтка о Дантесѣ была уже напечатана, когда мы получили отъ секретаря С.-Петербургской Консисторіи Ивана Тимофѣевича Камчаткина слѣдующую выписку изъ консисторскаго архива, которую съ благодарностью здѣсь и помѣщаемъ.

Въ метрической книгѣ С.-Петербургскаго Исаакіевскаго Собора за 1837 годъ, часть II, въ ст. 1, значится:

> «Пребывающаго здѣсь Нидерланд-«скаго Посланника, барона Гекерена, «усыновленный имъ баронъ Георгъ «Карлъ Гекеренъ, служащій поручи-«комъ въ Кавалергардскомъ Ея Импе-«раторскаго Величества полку и прина-«длежащій къ римско-католическому «исповѣданію, 25 лѣтъ, 10-го января «1837 года, повѣнчанъ съ фрейлиною Ея «Императорскаго Величества дѣвицею «Екатериною Николаевною Гончаро-«вою, 26 лѣтъ, оба первымъ бракомъ.

«Поручителями были: по женихѣ—
«Кавалергардскаго Ея Величества полка
«ротмистръ Бетанкуръ и виконтъ д'Ар-
«шіакъ; по невѣстѣ — Оберъ-шенкъ
«графъ Григорій Александровичъ Стро-
«гановъ, лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка
«поручикъ Иванъ Гончаровъ, Кавалер-
«гардскаго Ея Величества полка пол-
«ковникъ Александръ Полетика и Ни-
«дерландскій Посланникъ баронъ Ге-
«керенъ.

«Бракъ вѣнчалъ священникъ Николай Райковскій».

V.

Затѣмъ, по рапорту командира Кавалергардскаго полка, генерала Гринвальда, возникаетъ дѣло о дуэли.

При назначеніи суда надъ Гекереномъ Государю Императору угодно было повелѣть, чтобы судъ представилъ заключеніе и о томъ, «какому наказанію подлежалъ бы камеръ-юнкеръ Пушкинъ (нынѣ умершій), если бы остался живъ».

Въ составъ суда вошли: генералы: кн. Шаховской, Игнатьевъ, Крыжановскій, Полуектовъ, Княжнинъ, Коцебу; полковники:

Бѣлоградскій и Берхманъ, — при аудиторѣ Ноинскомъ.

Самаго дѣла я не видалъ, но во всеподданнѣйшемъ докладѣ [1]) я отмѣтилъ слѣдующія, не лишенныя интереса, свѣдѣнія.

Мѣсто дуэли обозначается довольно неопредѣленно: «по Выборгскому тракту, за комендантскою дачею, въ рощѣ»; «за Выборгскою заставою, близъ Новой деревни, въ рощѣ за комендантскою дачею»; «Данзасъ съ д'Аршіакомъ посадили Пушкина въ сани и довезли до комендантской дачи разстояніемъ съ полверсты отъ мѣста дуэли».

Въ докладѣ упоминаетея о письмахъ, «находящихся у Его Императорскаго Величества» [2]).

---

[1]) А. Любавскій, «Русскіе уголовные процессы», Спб. 1866, стр. 560 — 569. Здѣсь изложенъ сокращенно только всеподданнѣйшій докладъ.

[2]) Отсюда видно, что Государю дѣйствительно были представлены еще во время судопроизводства какія-то письма, имѣющія отношеніе къ дѣлу о дуэли Пушкина. Но, какъ видно изъ дальнѣйшаго, ничѣмъ не подтверждается разсказъ Гекерена графу В. А. Соллогубу («Воспоминанія графа В. А. Соллогуба», М. 1866, стр. 62), будто «фельдъегерь на границѣ вручилъ ему (Гекерену) отъ государя запечатанный пакетъ съ документами его печальной исторіи». Еще менѣе правдоподобно утвержденіе Гекерена, что «онъ (?!) не имѣлъ духа распечатать этотъ пакетъ». Стало быть, и мечты графа Сологуба о томъ, что

Рана Дантеса описана отъ 5-го февраля слѣдующимъ образомъ:

«Гекеренъ имѣетъ пулевую проница-«ющую рану на правой рукѣ ниже «локтеваго состава на четыре попереч-«ныхъ перста. Входъ и выходъ пули «въ небольшомъ одинъ отъ другого «разстояніи. Обѣ раны находятся въ «сгибающихъ перемышицахъ, окружа-«ющихъ лучевую кость, болѣе къ наруж-«ной сторонѣ. Раны простыя, чистыя, «безъ поврежденія костей и большихъ «кровеносныхъ сосудовъ» [1]).

8-го февраля онъ уже признанъ здоровымъ.

Въ своихъ показаніяхъ подсудимый Гекеренъ между прочимъ отозвался, «что, посылая довольно часто къ г-жѣ Пушкиной книги и театральные билеты при короткихъ запискахъ, полагаетъ, что въ числѣ ихъ находились нѣкоторыя, коихъ выраженія могли возбудить его (Пушкина) щекотливость, какъ мужа, что̀ и дало поводъ Пуш-

---

на основаніи этихъ документовъ можно узнать имя настоящаго убійцы Пушкина — совершенно напрасны.

[1]) Напрасно же Дантесъ во время дуэли вообразилъ, что, будто, пуля у него въ груди!!

кину упомянуть о нихъ въ своемъ письмѣ отъ 26-го января къ барону де-Гекерену, какъ дурачества, имъ (подсудимымъ) писанныя» [1]). Гекеренъ прибавилъ, что записки эти были писаны «до того, какъ онъ былъ женихомъ». Объясняя свои отношенія къ Пушкину, Гекеренъ сказалъ, «что Пушкинъ прислалъ свою жену къ нему въ домъ на его свадьбу» [2]).

Подсудимые были приговорены къ смертной казни [3]), но какъ судъ, такъ и генералы: Гринвальдъ, баронъ Мейендорфъ, графъ Апраксинъ, Кноррингъ и Бистромъ, подававшіе свои отзывы, предлагали различныя формы замѣны и смягченія этого наказанія.

Приговоръ суда былъ Высочайше конфирмованъ 18-го марта. Гекеренъ разжалованъ въ рядовые съ высылкою за границу.

---

[1]) Показанія Дантеса на судѣ переводили сами судьи, противъ чего и протестовалъ аудиторъ Ноинскій, жалуясь какъ на формальную сторону (отсутствіе переводчика), такъ и на дурной переводъ.

[2]) То есть, говоря по-русски, Пушкинъ позволилъ женѣ пріѣхать на свадьбу ея сестры.

[3]) На основаніи ст. 139-й Воинскихъ артикуловъ 1716 года живыхъ — просто повѣсить, а убитыхъ — «и по смерти за ноги повѣсить». Любавскій, «Русскіе уголовные процессы», стр. 568.

VI.

19-го марта къ 9 ч. утра къ Гекерену явился жандармскаго дивизіона унтеръ-офицеръ Яковъ Новиковъ, долженствовавшій сопровождать его до границы.

Въ 11 ч. ему было дозволено свиданіе съ отцомъ и женой. Объ этомъ свиданіи есть слѣдующее донесеніе (безъ титула).

«По приказанію Вашего Превосходительства дозволено было рядовому «Гекерену свиданіе съ женою его въ «квартирѣ посланника барона Гекерена; при семъ свиданіи находились: «жена рядового Гекерена, отецъ его— «посланникъ и нѣкто графиня Строганова. При свиданіи я, вмѣстѣ съ «адъютантомъ Вашего Превосходительства, гвардіи ротмистромъ Арцыбушевымъ, былъ безотлучно.

«Свиданіе продолжалось всего одинъ «часъ.

«Разговоровъ, заслуживающихъ особаго вниманія, не было. Вообще въ «разжалованномъ Гекеренѣ не замѣтно «никакого неудовольствія; напротивъ, «онъ изъявлялъ благодарность къ Го-

«сударю Императору за милости къ «нему и за дозволеніе, данное его женѣ, «бывать у него ежедневно во время «его содержанія подъ арестомъ. Между «прочимъ, говорилъ онъ, что, по пріѣздѣ его въ Баденъ, онъ тотчасъ «явится къ Его Высочеству Великому «Князю Михаилу Павловичу [1]).

«Во все время свиданія рядовой Гекеренъ, жена его и посланникъ Гекеренъ были совершенно покойны; «при прощаніи ихъ не замѣчено никакихъ особыхъ чувствъ.

«Рядовой Гекеренъ отправленъ мною «въ путь съ нараженнымъ жандарм«скимъ унтеръ-офицеромъ въ 1¾ по «полудни.

«Исправляющій должность Вице-Ди«ректора»...

(фамилія не разобрана).

23-го марта Гекеренъ былъ уже въ Таурогенѣ [2]).

---

[1]) Дѣйствительно, Дантесъ, по пріѣздѣ въ Баденъ, при встрѣчѣ съ Великимъ Княземъ привѣтствовалъ его по военному; но Великій Князь отъ него отвернулся.

[2]) Восемьсотъ верстъ въ четверо сутокъ!

Унтеръ-офицеръ Новиковъ по возвращеніи донесъ, «что Гекеренъ во все время пути велъ себя смирно и весьма мало съ нимъ говорилъ, а при отъѣздѣ за границу далъ ему 25 рублей» [1]).

Секундантъ Пушкина Данзасъ просидѣлъ подъ арестомъ на гауптвахтѣ въ крѣпости съ 19-го марта по 19-ое мая 1837 г.

VII.

Заимствуемъ изъ парижской корреспонденціи «Русскаго Курьера», № 172, 1880 года, послѣднія извѣстія о Гекеренѣ.

«Дантесъ-Гекеренъ живъ до сихъ поръ и живетъ постоянно въ Парижѣ на Елисейскихъ поляхъ. И не только онъ живъ, но даже его отецъ, бывшій министръ при Луи-Филиппѣ, благополучно здравствуетъ, хотя ему теперь не меньше, вѣроятно, девяноста шести лѣтъ. По возвращеніи изъ Россіи Дантесъ-Гекеренъ оставался въ неизвѣстности до 2-го декабря 1851 года, когда онъ поступилъ на службу къ Наполеону III. Признательный авантюристъ наградилъ его за это чиномъ сенатора съ

[1]) И ни полслова о пакетѣ, отъ имени Государя переданномъ на границѣ Гекерену!

60.000 франковъ жалованья въ годъ. Онъ тотъ самый Гекеренъ, о которомъ такъ не хорошо говоритъ Викторъ Гюго въ своихъ Châtiments[1]). У него три дочери и одинъ сынъ. Одна изъ этихъ дочерей вышла замужъ за Вандаля, директора почтъ при имперіи и, главнымъ образомъ, директора такъ называемаго «чернаго кабинета», чѣмъ онъ и пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность во всей Франціи. Другая дочь замужемъ за бонапартовскимъ же генераломъ Метманомъ, а третья—душевно больная уже въ теченіе десяти лѣтъ».

---

[1]) Имени Гекерена въ текстѣ Châtiments не встрѣчается, но къ нему, вмѣстѣ съ другими, относится стихотвореніе «Ecrit le 17 juillet 1851, en descendant de la tribune» (см. приложеніе), какъ это видно изъ примѣчанія къ этому стихотворенію, гдѣ приведены насмѣшливыя и грубыя выходки Гекерена, уже тогда бывшаго сенаторомъ, во время рѣчи Виктора Гюго. Разсказываютъ, что въ 1852 году Наполеонъ отправилъ съ какимъ-то порученіемъ къ Императору Николаю Гекерена, но Государь отказался его принять.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Écrit le 17 juillet 1851

EN DESCENDANT DE LA TRIBUNE.

Ces hommes qui mourront, foule abjecte et grossière,
Sont de la boue avant d'être de la poussière.
Oui certe, ils passeront et mourront. Aujourd'hui
Leur vue à l'honnête homme inspire un mâle ennui.
Envieux, consumés de rages puériles,
D'autant plus furieux qu'ils se sentent stériles,
Ils mordent les talons de qui marche en avant.
Ils sont humiliés d'aboyer, ne pouvant
Jusqu'au rugissement hausser leur petitesse.
Ils courent,—c'est à qui gagnera de vittesse,
La proie est là! Hurlant et tappant à la fois,
Lancés dans le sénat ainsi que dans un bois,
Tous confondus, traitant, magistrat, soldat, prêtre,
Meute autour du lion, chenil au pied du maître,
Ils sont à qui les veut, du premier au dernier,
Aujourd'hui Bonaparte et demain Changarnier!
Ils couvrent de leur bave honneur, droit, république,
La charte populaire et l'oeuvre évangélique,
Le progrès, ferme espoir des peuples désolés.

Ils sont odieux.—Bien. Continuez, allez!
Quand l'austère penseur qui, loin des multitudes,
Rêvait hier encore au fond des solitudes,
Apparaissant soudain dans sa tranquillité,
Vient au milieu de vous dire la verité,
Défendre les vaincus, rassurer la patrie,—
Éclatez, répandez cris, injures, furie,
Ruez vous sur son nom comme sur un butin!
Vous n'obtiendrez de lui qu'un sourire hautain
Et pas même un regard!—Car cette âme sereine
Méprisant votre estime, estime votre haine.

VICTOR HUGO.

[Переводъ].

Написано 17 іюля 1851 года,

сходя съ трибуны.

Эти люди, которые умрутъ, гнусная и грубая толпа,
Бываютъ грязью передъ тѣмъ, чтобы стать пылью.
Да, такъ: они пройдутъ и умрутъ. Нынче
Ихъ видъ внушаетъ честному человѣку мужественную печаль.
Завистливые, снѣдаемые мальчишеской яростью,
Тѣмъ болѣе изступленные, чѣмъ болѣе сознаютъ себя безсильными,
Они кусаютъ пяты тѣхъ, кто идетъ впереди.
Они до того унижены, что лаютъ, такъ какъ не могутъ
Возвысить свое ничтожество до рычанія.

Они бѣгутъ,—для того, кто окажется проворнѣе,
Добыча здѣсь! Заразъ и ворча, и тявкая,
Спущенные въ сенатъ, точно въ какой нибудь лѣсъ,
Въ суматохѣ толкуя, чиновникъ, воинъ, священникъ,
Свора вокругъ льва, псарня у ногъ хозяина,
Они къ услугамъ всякаго, кто захочетъ, отъ перваго до послѣдняго,
Сегодня Бонапарта, а завтра—Шангарнье.
Своею пѣной они заливаютъ честь, право, республику,
Народную хартію и евангельское твореніе,
Прогрессъ, твердую надежду отчаявшихся народовъ.
Они гнусны.—Хорошо! Продолжайте, впередъ!
Когда строгій мыслитель, который, вдали отъ сонмищъ,
Еще вчера грезилъ въ глуши уединенія,
Появляясь внезапно со своимъ спокойствіемъ,
Посреди васъ пытается высказать правду,
Защитить побѣжденныхъ, успокоить отечество,
Разразитесь, испускайте крики, ругательства, неистовства,
Обрушьтесь на его имя, какъ на добычу!
Вы ничего не добьетесь отъ него, кромѣ надменной усмѣшки
И—даже ни взгляда! — Такъ какъ его возвышенная душа,
Презирая ваше уваженіе, уважаетъ вашу ненависть.

Викторъ Гюго.

КЪ БИБЛІОГРАФІИ

„ЕВГЕНІЯ ОНѢГИНА“

При основаніи пушкинской библіотеки Императорскаго Александровскаго Лицея было постановлено правиломъ принимать всѣ приношенія, предоставляя будущему опредѣлить ихъ относительное достоинство. Практическая польза этого правила сказалась очень скоро: изъ нѣсколькихъ дефектовъ уже удалось составить полные и хорошіе экземпляры. Въ библіотеку былъ пожертванъ изъ первыхъ рукъ превосходный, въ современномъ переплетѣ, экземпляръ «Исторіи Пугачевскаго бунта», но безъ портрета, составляющаго, какъ извѣстно, библіографическую рѣдкость; вслѣдъ за тѣмъ поступилъ другой, довольно плохой экземпляръ, за то съ прекрасно сохраненнымъ портретомъ. Изъ двухъ дефектовъ получился отличный полный номеръ. Но кромѣ этой непосредственной пользы собираніе дублетовъ повело къ нѣкоторымъ любопытнымъ замѣчаніямъ. Представляемъ къ свѣдѣнію библіографовъ два, касающихся собственно «Евгенія Онѣгина».

I.

Романъ этотъ выходилъ отдѣльными книжками или «тетрадями», какъ называлъ ихъ Пушкинъ:

> Въ началѣ моего романа—
> Смотрите первую тетрадь (III, 339).

Въ свое время мы представимъ обстоятельное ихъ описаніе; теперь замѣтимъ только, что книжки эти, выходившія въ разное время и изъ разныхъ типографій, имѣли совершенно одинаковый внѣшній видъ. Это давало возможность переплетать вмѣстѣ отдѣльныя главы.

Въ лицейской библіотекѣ есть пять такихъ сборниковъ: два въ двѣ главы (1-я и 2-я), два въ шесть и одинъ въ семь главъ. Сличеніе ихъ показываетъ, что они составлялись самими читателями, такъ что, можетъ быть, найдутся сборники въ три, пять и восемь главъ. Но въ концѣ шестой главы мы читаемъ слова: «конецъ первой части». Является вопросъ, не были ли эти шесть главъ подъ именемъ первой части соединены въ одну общую обертку съ общимъ заглавіемъ, подобно тому, какъ «Графъ Нулинъ» былъ изданъ во второй разъ въ

одной оберткѣ съ повѣстью Баратынскаго «Балъ» подъ общимъ заглавіемъ «Двѣ повѣсти въ стихахъ»? Не случалось ли кому встрѣтить подобный сборникъ?

II.

Главы четвертая и пятая вышли вмѣстѣ въ одной оберткѣ и съ общимъ счетомъ страницъ. Кромѣ упомянутыхъ сборниковъ въ пушкинской библіотекѣ есть еще два отдѣльныхъ экземпляра этихъ главъ. При разсмотрѣніи этихъ экземпляровъ открыли слѣдующій любопытный фактъ. Къ шестой главѣ Пушкинъ приложилъ списокъ исправленій къ предъидущимъ главамъ. Всѣ пять экземпляровъ Пушкинской библіотеки представляютъ текстъ неисправленный. Такъ на стр. 66-й (гл. V, строфа XV) во всѣхъ экземплярахъ читаемъ:

И въ шалашѣ ужасный шумъ

вмѣсто исправленнаго:

И въ шалашѣ и крикъ и шумъ (III, 328).

Но на стр. 65-й (строфа XIV) въ трехъ экземплярахъ текстъ неисправленный:

И силъ бѣжать ей нѣтъ,

*

а въ двухъ—исправленный:

И силъ уже бѣжать ей нѣтъ (III, 328).

Какъ произошла эта разница, объяснять не беремся, но, во всякомъ случаѣ, библіофилы должны знать, что отдѣльное изданіе пятой главы «Евгенія Онѣгина» существуетъ въ двухъ изданіяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

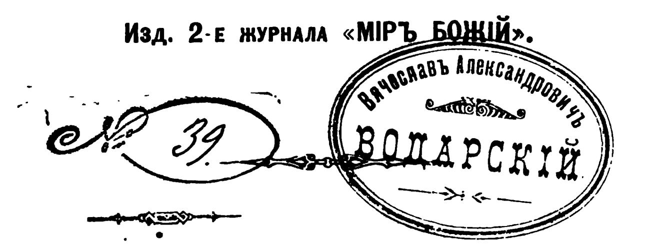
ВИКТОРЪ ОСТРОГОРСКІЙ.

ЭТЮДЫ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ.

V.

ОЧЕРКИ ПУШКИНСКОЙ РУСИ.

Изд. 2-е журнала «МІРЪ БОЖІЙ».

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1897.

Дозволено цензурою, 29 апрѣля 1896 г. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Первое изданіе этой книжки вышло въ 1880 г., къ открытію, въ Москвѣ, 6-го іюня того же года, памятника величайшему нашему поэту А. С. Пушкину. Считаемъ не лишнимъ привести отрывокъ изъ предисловія къ этому первому изданію.

При всемъ довольно значительномъ числѣ статей о Пушкинѣ, мы не имѣемъ ни одного вполнѣ обстоятельнаго, безпристрастнаго разбора его сочиненій, и едва-ли ошибемся, сказавъ, что этого, величайшаго своего, поэта знаемъ пока еще далеко не вполнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при крайне ложномъ положеніи у насъ печатнаго слова, до сихъ поръ еще очень робкаго и нерѣдко долженствующаго прибѣгать ко всякимъ компромиссамъ, чтобы сказать что-нибудь путное, Пушкинъ, какъ нерѣдко и вообще художественная литература, долго служилъ у насъ критику не столько матеріаломъ для спокойной оцѣнки явленій въ художествен-

номъ мірѣ, сколько наиболѣе удобнымъ средствомъ высказаться со стороны тѣхъ или другихъ этическихъ воззрѣній. Едва-ли не половина лучшихъ о Пушкинѣ статей Бѣлинскаго занята вовсе не разборомъ сочиненій Пушкина, а трактатами о законахъ искусства вообще, о женщинахъ, любви, ревности, сентиментальности и многомъ другомъ, что, конечно, имѣло, и даже имѣетъ до сихъ поръ, свое особое значеніе, но мало относится собственно къ критикѣ самого поэта. Здѣсь сдѣлана оцѣнка его болѣе, такъ сказать, вообще; разобраны только нѣкоторыя, важнѣйшія, стороны его поэзіи, но по полнотѣ и безпристрастію статьи Бѣлинскаго и до сихъ поръ остаются единственными. Мы позволимъ себѣ упомянуть еще статью Писарева «Пушкинъ и Бѣлинскій», хотя, конечно, не имѣющую никакого значенія въ смыслѣ сколько-нибудь безпристрастной оцѣнки поэта, но все-таки даже и до сихъ поръ остающуюся примѣромъ очень легкомысленныхъ сужденій о Пушкинѣ. Въ этой статьѣ тотъ самый поэтъ, котораго Бѣлинскій называетъ величайшимъ русскимъ художникомъ, по генію достойнымъ стать съ величайшими геніями вѣка,—поэтомъ, особенное свойство поэзіи котораго—«развивать чувство гуманности, чувство безконечнаго уваженія къ человѣческому достоинству»,—поэтомъ, по твореніямъ котораго со вре-

менемъ будутъ развивать нравственное чувство,—поэтомъ, «которому, придетъ время, само потомство воздвигнетъ вѣковѣчный памятникъ», — тотъ же самый поэтъ, колоссъ и величіе Россіи, по словамъ Бѣлинскаго, для Писарева только «маленькій миленькій Пушкинъ» (соч. Писарева, т. III, стр. 197), имѣющій развѣ только одно стилистическое значеніе, но уже никакъ не воспитательное, въ смыслѣ пробужденія добрыхъ чувствъ, или со стороны *народности* поэта, т.-е. изображенія именно *русской жизни*.

А между тѣмъ, не мѣшало бы взглянуть на дѣло болѣе просто и спокойно, отнестись къ Пушкину, какъ къ явленію историческому, которое, обнаружившись въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, не могло не нести въ себѣ всего того, что̀ это мѣсто и время должны были внести своего, и что̀ для насъ, потомковъ, особенно столько переживших за послѣднія лѣтъ сорокъ, само по себѣ не должно казаться ни дурнымъ, ни хорошимъ, но только вполнѣ исторически законнымъ. И эта спокойная, безпристрастная оцѣнка именно Пушкина тѣмъ для *насъ* необходимѣе, что по обстоятельствамъ своей жизни онъ былъ поставленъ совершенно исключительно. Еще и до сихъ поръ въ его біографіи много неразъясненнаго; часть его произведеній была уничтожена имъ самимъ изъ опасенія пре-

слѣдованія; кое-что издано только за границей и по цензурнымъ условіямъ не можетъ быть допущено въ Россію; надъ Пушкинымъ отъ ранней его юности до самой смерти былъ такой страшный и разнообразный контроль. какому не подвергался ни прежде, ни послѣ еще ни одинъ изъ русскихъ писателей; въ обществѣ, среди котораго Пушкинъ жилъ, надъ поэтомъ было множество добровольныхъ шпіоновъ, ловившихъ каждое его слово; строгость тогдашней цензуры была ужаснѣйшая, анекдотическая;—все это необходимо принимать въ разсчетъ при требованіяхъ, съ которыми обращается къ поэту потомство. Русская литература, собственно говоря, вѣдь съ Пушкина только и началась. Эта литература въ то время была еще робкимъ дитятею; но и у нея была задача, хотя какъ-нибудь, намекомъ, натолкнуть человѣка на добрую мысль, обратить вниманіе хотя на нѣкоторыя явленія современной жизни. Конечно, Пушкинъ ни по своему воспитанію, которое самъ называетъ *проклятымъ*, ни по происхожденію изъ семьи, не отличавшейся особенно высокимъ умственнымъ развитіемъ и серьезными интересами, не могъ быть *мыслителемъ*, въ смыслѣ Байрона или Гейне, а былъ только, по выраженію Бѣлинскаго, *поэтомъ-художникомъ,* т.-е. довольно объективнымъ *поэтомъ;* дѣятельность его, являясь иногда результа-

эмъ минутнаго впечатлѣнія, носила въ себѣ иногда и ротиворѣчія. Но не надобно забывать, что тогда менно только такой художникъ и могъ имѣть мѣсто ь печати и написать столько, сколько написалъ Пушинъ. Въ самой этой объективности наивной его поэи, на что̀ у насъ нападали, заключается для потомовъ своего рода достоинство. Пушкинъ, подобно свому безсмертному Пимену,—вѣрный лѣтописецъ своего ремени со всѣмъ, что̀ было въ немъ хорошаго и дурэго; его сочиненія, по крайней мѣрѣ, бо̀льшая часть, *ля насъ*, *русскихъ*, суть именно тѣ книги, въ которыхъ, о собственному выраженію поэта,

Отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданный безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.
(«Евг. Он.», гл. VII, стр. XXII).

И если историкъ считаетъ лѣтопись самымъ важымъ источникомъ для изученія вѣка, то подъ часъ аивная лѣтопись Пушкина представляетъ великолѣпый матеріалъ для знакомства съ жизнью нашей невней старины.

Вотъ какія соображенія заставляютъ насъ, отнюдь,

конечно, не имѣя претензіи въ скромныхъ очеркахъ сказать что-нибудь новое о такомъ поэтѣ, какъ Пушкинъ, попробовать *только по однимъ художественнымъ* произведеніямъ поэта представитъ въ *самыхъ общихъ* чертахъ *наиболѣе крупныя явленія* именно только *русской* жизни, на сколько они замѣчены Пушкинымъ. Другими словами, мы просто хотимъ попробовать въ общихъ чертахъ напомнить читателямъ, какою представлялась поэту Русь двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, ея *природа*, *положеніе крестьянъ*, *господа* вообще и въ частности и *русская женщина*; а изъ этой общей картины читатель уже самъ увидитъ, насколько Пушкинъ имѣетъ право называться поэтомъ, къ памятнику котораго «не заростетъ народная тропа», и насколько «пробуждалъ онъ въ людяхъ лирой добрыя чувства» и «возбуждалъ милость къ падшимъ».

I.

ПРИРОДА.

Проведя большую часть своего дѣтства въ деревнѣ, среди природы, живя нерѣдко подолгу въ своихъ имѣніяхъ, куда поэтъ уѣзжалъ отдохнуть отъ шума и пустоты свѣтской жизни, гдѣ написаны имъ лучшія его произведенія, и гдѣ, какъ въ Михайловскомъ, провелъ онъ невольнымъ отшельникомъ цѣлыхъ два года; изъѣздивъ чуть не всю Русь въ свои вольныя и невольныя поѣздки по Россіи, Пушкинъ въ своихъ сочиненіяхъ даетъ цѣлый рядъ картинъ «чисто русской природы». Эти картины, написанныя мастерской рукой художника, проникнуты той любовью къ родинѣ, которою любитъ мать своего бѣднаго, больного, непригляднаго сына, потому что онъ, этотъ бѣднякъ,—ея кровное, родное дитя. Въ то время, когда въ литературѣ нашей съ особенной охотой живописались великолѣпные пейзажи изъ итальянской, напримѣръ, и иной роскошной, но чужеземной, природы, нашему поэту «нужны иныя

картины». Онъ любитъ «печальный косогоръ, передъ избушкой двѣ рябины, калитку, сломанный заборъ, на небѣ сѣренькія тучи, передъ гумномъ соломы кучи, да прудъ подъ сѣнью ивъ густыхъ, раздолье утокъ молодыхъ». Поэту, какъ и Лермонтову, въ своемъ стихотвореніи «Родина» явно ему подражавшему, «мила» даже «родная балалайка, да пьяный топотъ трепака, передъ дверями кабака». «Критикъ» подтруниваетъ надъ пристрастіемъ Пушкина къ изображенію «печальныхъ деревень», и поэтъ, въ отвѣтъ на насмѣшки, отвѣчаетъ изображеніемъ такого вида, отъ котораго нетрудно забыть о прелестныхъ пейзажахъ; «Избушекъ рядъ убогій, за ними черноземъ, равнины скатъ отлогій, надъ ними сѣрыхъ тучъ густая полоса. На дворѣ, у низкаго забора, два бѣдныхъ деревца стоятъ въ угоду взора,— два только деревца, и то изъ нихъ одно дождливой осенью совсѣмъ обнажено, а листья на другомъ размокли, и, желтѣя, чтобъ лужу засорить, ждутъ перваго Борея. И только». (*Капризъ*). Кому изъ насъ, бывавшихъ въ деревнѣ, не щемили души подобные веселенькіе пейзажи, и кто до Пушкина рѣшался писать о такихъ низкихъ предметахъ? И такія картины у Пушкина не рѣдкость, не исключеніе. Перелистуйте его лирику, «Онѣгина», «Нулина», — вездѣ тѣ же пустыри, поля безъ конца, точно нарочно приспособленныя для охоты, бѣдныя деревни, убогія деревенскія кладбища, которыя милѣе поэту разукрашенныхъ памятниками городскихъ кладбищъ. Что-то дикое, нетронутое еще ни малѣйшей цивилизаціей, заводящей селенія, удобства жизни, про-

мышленность, видится у Пушкина въ этой широкой картинѣ нашей бѣдной родины, которая въ Пушкинскую эпоху была еще бѣднѣе, еще глуше, чѣмъ теперь. Сердце сжимается, когда читаешь эти страшные, если въ нихъ вдуматься, стихи, ученные нами наизусть еще въ дѣтствѣ: «По дорогѣ зимней, скучной, тройка борзая бѣжитъ... Ни огня, ни черной хаты, глушь и снѣгъ... Навстрѣчу попадаются однѣ полосатыя версты...» А тутъ еще эта томящая, тянущая душу, однообразная, долгая пѣсня ямщика, то дико разгульная, то полная сердечной тоски... этотъ пугающій волковъ однозвучный колокольчикъ... Ѣдешь, ѣдешь безъ конца, и поневолѣ дѣлается страшно средь этихъ невѣдомыхъ равнинъ въ ясную ночь. Но ужасомъ охватываетъ душу въ этомъ безбрежномъ снѣговомъ морѣ, когда помчатся и завьются тучи, когда помутнѣетъ небо, и закрутитъ, зазлится, заплачетъ вьюга, надрывая жалобнымъ визгомъ и воемъ сердце. Невесело сидѣть зимнимъ бурнымъ вечеромъ и въ ветхой, печальной, темной лачужкѣ; и сюда доносятся этотъ звѣриный вой и дѣтскій плачъ бури; страшно отзывается въ душѣ буря стукомъ въ окно, этотъ зловѣщій шумъ родной, обычной у насъ, нищенской соломенной кровли... Счастливъ тотъ, кто сидитъ въ этой избенкѣ не одинъ, кому можно хоть съ дремлющей старухой перекинуться ласковымъ словомъ... И не даромъ Пушкинъ не любитъ рисовать наше лѣто, эту «каррикатуру южныхъ зимъ»—лѣто, по выраженію Бѣлинскаго, похожее столько же на лѣто, сколько декораціонныя деревья въ театрѣ похожи на настоящія деревья

въ саду; поэтъ знаетъ, что характерныя времена года у насъ: «могучая зима, ведущая на насъ косматыя дружины своихъ метелей и снѣговъ», да грязная осень. Онъ первый это понялъ, и первый выразилъ. Вотъ почему вы встрѣтите у него много такихъ роскошныхъ картинъ этихъ временъ года со всѣми ихъ непріятностями, ужасами, прелестями, незатѣйливыми удовольствіями, въ видѣ охоты, поѣздокъ къ сосѣдямъ, интимныхъ бесѣдъ съ забравшимся въ деревенскую глушь пріятелемъ; съ этой, опять все той же, скукой, тоской одиночества, безлюдья, когда не съ кѣмъ промолвить живого слова, когда радъ даже болтовнѣ со старухой няней, пустому разговору съ сосѣдомъ; когда прогоняешь эту тоску охотой, одинокой прогулкой до усталости, до одуренія... Эта захолустная деревенская скука среди печальной природы и безлюдья описана у Пушкина во многихъ произведеніяхъ; и становится понятна эта мертвящая вѣковая спячка и нашего народа, и насъ самихъ, образованныхъ Обломовыхъ. Точно рѣдкіе оазисы въ громадной пустынѣ, разбросаны по Россіи одинокія колоніи, въ видѣ рѣдкихъ деревень и городовъ; и съ горькой иронией поэтъ замѣчаетъ, что пути сообщенія, наводящіе ужасъ на всякаго путешественника, измѣнятся у насъ развѣ «лѣтъ чрезъ пятьсотъ», современемъ, «когда мы отдвинемъ болѣе границъ благому просвѣщенію» (Евг. Он.). А «пока», т.-е. въ двадцатыхъ годахъ, когда у насъ еще и помину не было о желѣзныхъ дорогахъ и порядочныхъ шоссе, поэтъ говоритъ что «у насъ дороги плохи, мосты забытые гніютъ, на

станціяхъ клопы и блохи заснуть минуты не даютъ: трактировъ нѣтъ». «Въ избѣ холодной, высокопарный, но голодный, для виду прейсъ-курантъ виситъ, и тщетный дразнитъ аппетитъ». Кому изъ ѣзжавшихъ по Россіи не знакомы эти, даже и теперь далеко не вездѣ поправившіеся, пути сообщенія со всѣми дорожными удобствами, такъ ярко нарисованные поэтомъ, не разъ останавливавшимся на изображеніи нашихъ русскихъ дорогъ? Это-ли не наша Русь, по которой и до сихъ поръ путешествовать и дорого, и неудобно, и скучно, и гдѣ самые города, не говоря уже о маленькихъ, но даже такихъ, какъ Нижній или Одесса, даже старушка Москва и оффиціальный Петербургъ (всѣ эти города очень мѣтко охарактеризованы поэтомъ въ «Онѣгинѣ» и мелкихъ стихотвореніяхъ) проникнуты той же мертвящей скукой безсодержательной и пустой жизни, какой эта жизнь и дѣйствительно была проникнута въ двадцатыхъ годахъ въ Россіи, кромѣ жизни незначительнаго меньшинства мыслящихъ людей, и теперь не особенно многочисленныхъ, но которые тогда считались единицами. Безотрадна эта страна метелей и снѣговъ, страна осенней невылазной грязи, тоже не забытой поэтомъ,— страна съ жалкимъ крошечнымъ лѣтомъ—«каррикатурой южныхъ зимъ», съ пустырями и печальными селеніями, съ самыми первобытными путями сообщенія...

II.

КРЕСТЬЯНЕ.

Отъ изображенія Пушкинымъ русской природы, деревень, селеній и городовъ съ ихъ, такъ-сказать, внѣшней стороны, перейдемъ къ изображенію того народа, той массы крестьянскаго люда, которая составляетъ и до сихъ поръ громадное большинство населенія Россіи. Пушкина въ нашей литературѣ нерѣдко называли «бариномъ», помѣщикомъ до мозга костей, поэтомъ разныхъ барскихъ затѣй, вкусовъ, барскихъ чувствъ, пѣвцомъ вина и Эрота,—словомъ, пѣвцомъ, чуть не исключительно господскимъ. Въ доказательство этого, совершенно неосновательнаго, мнѣнія, приводилось множество пьесъ, большею частью произведеній ранней юности поэта, и такъ какъ при этомъ бралась только одна, извѣстная, часть многочисленныхъ его произведеній, а о многомъ умалчивалось совершенно, или упоминалось вскользь, то большинство нашей публики, не любящей не только серьезно вдумываться въ своихъ поэтовъ, но

даже и перечитывать ихъ, принимало это мнѣніе на вѣру. Безспорно, Пушкинъ, аристократъ и помѣщикъ по своему происхожденію, воспитанію и знакомствамъ, не могъ быть чуждъ интересовъ и недостатковъ своего сословія; но, внимательно прочитавъ все, что было до сихъ поръ писано о его жизни, и самыя его сочиненія, нельзя не придти къ тому убѣжденію, что въ своей жизни, своихъ отношеніяхъ къ низшей братіи, къ людямъ, по своему положенію поставленнымъ неизмѣримо ниже его, онъ оставался всегда простымъ, гуманнымъ человѣкомъ, возбуждалъ къ себѣ самую теплую симпатію, и, по смерти своей, оставилъ о себѣ воспоминаніе, какъ о величайшей утратѣ. Довольно вспомнить отношенія Пушкина къ Кольцову, всѣмъ достаточно хорошо извѣстныя, къ этому простому, сравнительно съ «бариномъ» Пушкинымъ, почти мужику, Кольцову, который находилъ его гуманнѣе и проще всѣхъ другихъ литераторовъ Петербурга и Москвы, съ коими встрѣчался, и который оплакалъ рановременную утрату поэта въ трогательнѣйшей элегіи «Лѣсъ». Довольно вспомнить любовь Пушкина къ своей нянѣ, къ своимъ крестьянамъ, «застѣнчивымъ мольбамъ» которыхъ онъ, по своему собственному выраженію, «любилъ отвѣчать участіемъ»... Когда Пушкинъ умеръ, къ его гробу приходили не одни «господа». «Люди всѣхъ сословій,—говоритъ Анненковъ,—приходили поклониться гробу этого человѣка... Домъ его съ утра до вечера наполненъ былъ народомъ, а, при стеченіи многочисленнаго народа при отпѣваніи тѣла въ придворной конюшенной церкви, площадь пе-

редъ нею была покрыта толпами, которыхъ не могла вмѣстить церковь». Посѣщавшіе черезъ много лѣтъ по смерти поэта, уже въ пятидесятыхъ годахъ, его могилу, его любимое село Михайловское, разсказываютъ, что память о немъ, какъ объ очень хорошемъ человѣкѣ, живо сохранилась въ этихъ мѣстахъ. Остававшіеся еще въ живыхъ старики изъ его прислуги и, вообще, изъ крестьянъ, говорили, что не видать ужъ имъ такого барина, какъ покойный Александръ Сергѣевичъ, а изъ разсказовъ этихъ людей и біографовъ покойнаго мы знаемъ, какъ Пушкинъ по цѣлымъ днямъ проводилъ съ крестьянами въ полѣ и въ избахъ, и какъ умѣлъ и любилъ съ ними бесѣдовать въ ту темную эпоху, когда большинство нашихъ помѣщиковъ едва считало своихъ крестьянъ за людей. Эту гуманность къ людямъ вообще, и къ простому человѣку въ частности, ярко выразилъ поэтъ и въ своихъ сочиненіяхъ. Правда, онъ не писалъ произведеній изъ крестьянскаго быта, въ родѣ тѣхъ, которыя гораздо позже явились у Тургенева, Григоровича и др. (да и невозможно было во время Пушкина много говорить о чемъ бы то ни было, относящемся къ крѣпостному праву); но, если собрать все, что написано поэтомъ по отношенію къ «простонародной» русской жизни въ разныхъ его сочиненіяхъ, то придется согласиться, что далеко не одни только «господскіе сюжеты» трогали сердце Пушкина. При всѣхъ недостаткахъ «проклятаго» своего воспитанія, при всей своей «аристократичности» и «барствѣ», онъ не только отлично понималъ все безобразіе существовавшаго тогда

«крестьянскаго рабства», и видѣлъ въ этомъ жалкомъ рабѣ человѣка, но и съумѣлъ, насколько было возможно, выразить это въ печати. Въ 1819 году, когда не появлялось еще даже «Руслана и Людмилы», когда Пушкинъ былъ еще только талантливымъ, подающимъ надежды, аристократическимъ юношей-кутилой, беззаботнымъ пѣвцомъ «Киприды, Вакха и Эрота», несмѣлымъ подражателемъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова,— у этого же Пушкина, подъ вліяніемъ пребыванія его въ селѣ Болдино, складывается великолѣпнѣйшая элегія «Уединеніе». По глубинѣ мысли и яркой образности она принадлежитъ къ лучшимъ изъ вещей, когда-либо написанныхъ Пушкинымъ, а по своей гражданской подкладкѣ составляетъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ произведеній русской поэзіи, которое стало понятно намъ только тогда, когда, уже въ семидесятыхъ годахъ, оно было напечатано въ первый разъ вполнѣ въ исаковскомъ изданіи сочиненій Пушкина. Описавъ прелести своего барскаго отдыха въ «пустынномъ уголкѣ, пріютѣ спокойствія, трудовъ и вдохновенья», куда уѣхалъ поэтъ отъ «роскошныхъ пировъ, забавъ и заблужденій, отъ порочныхъ Цирцей», и гдѣ «невидимый потокъ» его жизни «льется на лонѣ счастья и забвенья»; описавъ свои прогулки и занятія «оракулами вѣковъ», т.-е. писателями, которые рождаютъ въ немъ «творческія думы»,—Пушкинъ какъ будто опомнился, и говоритъ:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.

Железнымъ стихомъ, полнымъ патріотической скорби и возмущеннаго гуманнаго чувства, описываетъ онъ, какъ едва-ли описывалъ кто изъ нашихъ поэтовъ въ такой сжатой и яркой формѣ, ужасное положеніе своей родины, изнывающей подъ ярмомъ крѣпостнаго права, гдѣ «рабство тощее влачится по браздамъ неумолимаго владѣльца, гдѣ дѣвы юныя цвѣтутъ для прихоти злодѣя, гдѣ сыновья, товарищи трудовъ своихъ родителей, идутъ изъ родной хижины множить собою дворовыя толпы измученныхъ рабовъ»,—и заключаетъ свое чудное стихотвореніе, начатое такъ эпикурейски-успокоительно, слѣдующими безсмертными стихами, которые теперь, съ гордостью можетъ произнести потомокъ Пушкина, увидѣвшій въ царствованіе Александра II спасеніе Россіи отъ рабства:

Увижу-ль я народъ освобожденный
И рабство падшее по *манію* царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?!

Такъ началъ свою великую поэтическую дѣятельность (это стихотвореніе—первое вполнѣ серьезное по мысли и блестящее по формѣ произведеніе поэта) этотъ «маленькій, миленькій» по словамъ Писарева, Пушкинъ, которому отказывали у насъ даже въ любви къ родинѣ. Такъ началъ Пушкинъ свою дѣятельность, призывая милость къ падшимъ и возбуждая въ соотечественникахъ добрыя чувства,—такъ и продолжалъ ее. Это «тощее рабство», этотъ «тягостный яремъ» крѣпостнаго права изображалъ поэтъ до самой своей смерти, хотя,

опять-таки повторяемъ, онъ могъ касаться его только весьма осторожно. Такъ, въ «Онѣгинѣ» находимъ мы и «нищихъ мужиковъ» Гвоздина, «превосходнаго хозяина», и «яремъ старинной барщины», и мальчишку-казачка, подающаго у Лариныхъ сливки,—казачка въ родѣ тѣхъ, въ которыхъ состоялъ нѣкогда у своего барина поэтъ Тарасъ Шевченко,—и «сѣдаго калмыка, въ очкахъ. въ изорванномъ кафтанѣ», у княгини въ Москвѣ, и эту массу праздной, безшабашной дворовой челяди, необходимой принадлежности стариннаго русскаго барства, и этихъ служанокъ, которыхъ, не спросясь мужа, бьетъ Ларина, и которыя на грядахъ сбираютъ ягоды въ кустахъ и поютъ хоромъ по наказу:—

Наказъ, основанный на томъ,
Чтобъ барской ягоды тайкомъ
Уста лукавыя не ѣли
И пѣньемъ были заняты:—
Затѣя сельской простоты.

Наконецъ, въ этомъ же «Онѣгинѣ» находимъ мы совсѣмъ русскій образъ татьяниной няни, когда-то вострой дѣвчонки, рабской исполнительницы всякаго «слова барской воли», этой преданной господамъ Филипьевны «и не слыхавшей про любовь въ свои юные годы, выданной тринадцати лѣтъ замужъ». «Одинъ горькій плачъ со страху» былъ нѣмымъ протестомъ этой бѣдной рабы крѣпостничества и невѣжества... Если въ «Онѣгинѣ» жизни простолюдина поэтъ коснулся только кстати, слегка, нѣсколькими мѣткими штрихами обрисовавъ и его дикія суевѣрія, то въ «Утопленникѣ» предъ нами небол

шая, но страшная, полная знакомой правды, страница изъ жизни крестьянина, до того запуганнаго судомъ, до того забитаго, что только ради того, чтобъ избавиться отъ суда, онъ рѣшается пожертвовать своимъ, самымъ святымъ, религіознымъ убѣжденіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и покоемъ совѣсти. Вмѣсто того, чтобы предать тѣло несчастнаго утопленника съ «молитвой и крестомъ» землѣ, онъ «отталкиваетъ мертвеца весломъ отъ берега». Въ великолѣпномъ отрывкѣ, повидимому, изъ большого задуманнаго произведенія: «*Лѣтопись села Горохина*», по своему характеру напоминающаго «*Исторію одного города*» Салтыкова, передъ нами цѣлая эпопея крѣпостничества, тѣмъ болѣе цѣнная, что разсказана она съ юморомъ необыкновеннымъ. Тутъ и трогательная встрѣча барченка дворовыми, и «баснословныя времена» Горохина, когда село было еще богато, а зажиточные жители собирали оброкъ единожды въ годъ и отсылали, невѣдомо куда, на нѣсколькихъ возахъ; когда не существовало приказчиковъ, старосты никого не обижали, обитатели работали мало, а жили припѣваючи, и пастухи стерегли стадо въ сапогахъ,— словомъ, — обычныя у бѣдняка мечтанія о какомъ-то стародавнемъ золотомъ вѣкѣ, котораго на самомъ дѣлѣ никогда не бывало. Тутъ и постепенное, столь обыкновенное у насъ, обнищаніе села, грозныя предписанія живущихъ гдѣ-то далеко господъ о скорѣйшей присылкѣ двойного оброка, и безтолковый мірской сходъ, и «скучныя отговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаленной бумагѣ и запечатанныя грошомъ», и безгра-

ый староста, избранный міромъ, и спящій гдѣ-то заборомъ, также почти неграмотный, земскій Авдѣй, раго приволакиваютъ къ присланному отъ господъ азчику, и ругательства этого ужаснаго незнакомца, рыя выслушиваютъ цѣлымъ міромъ съ полнымъ бострастіемъ, и знакомая фраза новаго правителя: трите вы у меня, не очень умничайте—вы, я знаю, дъ избалованный; да я, небось, выбью дурь изъ іхъ головъ». Тутъ и безмолвное отчаяніе мужи-, разошедшихся домой, повѣсивъ носы. Тутъ и направленія приказчика, раздѣлившаго крестьянъ на ыхъ и богатыхъ, и руководствовавшагося такими тическими соображеніями: «чѣмъ мужикъ богаче, избалованнѣе, чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смирнѣе, а ность вотчины есть главная крестьянская добродѣ-;» тутъ знаменитое и вѣчное взысканіе недоимокъ, дача бѣдныхъ мужиковъ въ батраки богатымъ, и утчина, и уничтоженіе мірскихъ сходокъ, и, нако-, полное обнищаніе села. Не забыты поэтомъ и мные пустыри и болота, «гдѣ произрастаетъ одна ва;» перечислены и естественныя произведенія села: ь, овесъ, ячмень, гречиха, орѣхи, брусника, черъ и грибы, и обильный торгъ лыками, лукошками. птями», и самый языкъ мужицкій, бѣдный и стран- «со всякими сокращеніями и усѣченіями», обнаіввающій жалкое умственное развитіе этихъ полуди-й, и удовольствія — кулачные бои и пьянство, и йная жизнь, гдѣ сначала жены бьютъ своихъ тринад-лѣтнихъ мальчишекъ-мужей, а потомъ уже «мужья

начинають, въ свою очередь, бить женъ; и похороны», въ самый день смерти покойнаго, который иногда «чихаетъ или зѣваетъ въ ту самую минуту, когда его выносятъ за околицу»; и безобразная пьяная тризна по покойникѣ, и традиціонная мужицкая одежда: «рубаха, надѣваемая сверхъ нижняго платья, и овчинный тулупъ зимой, надѣваемый болѣе для красы, нежели для настоящей нужды, ибо тулупъ обыкновенно надѣвали на одно плечо, и сбрасывали при малѣйшемъ трудѣ, требующемъ движенія». Не забыты также науки, искусства и поэзія, — единственные въ селѣ грамотѣи: священникъ, причетники, да какой-то земскій Трофимъ, прославившійся умѣньемъ писать обѣими руками, и даже ногой, а также сочиненіемъ челобитныхъ и приготовленіемъ фальшивыхъ паспортовъ; не забыта и обыкновенная кабацкая народная музыка — балалайка и волынка, и въ заключеніе приводится даже образецъ простонародной пѣсни:

Ко боярскому двору
Акимъ староста идетъ,
Бирки въ пазухѣ несетъ
Боярину подаетъ,
А бояринъ смотритъ,
Ничего не смыслитъ.
«Ахъ, ты, староста Акимъ!
Обокралъ бояръ кругомъ,
Село по-міру пустилъ,
Старостиху подарилъ».

Не представляетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, этотъ маленькій отрывокъ «*Лѣтописи села Горохина*», написан-

еще въ 1830 году, когда у насъ и помину не было эстонародныхъ писателяхъ, необыкновенно вѣрную кую картину крестьянской бѣдности и невѣжества? ли въ этомъ отрывкѣ, напечатанномъ уже по ги поэта, видимъ мы юморъ болѣе спокойный, изло- е поразительныхъ фактовъ крестьянской жизни е объективное, то въ элегіи «Капризъ», увидѣв- свѣтъ только въ 1841 году, слышится глубокое тво скорби и сочувствіе къ темному, неустанному, сенику. Описавъ печальную русскую деревню въ дливую, гнилую осень, когда на улицѣ «живой со- нѣтъ», поэтъ такъ заключаетъ свою пьесу:

Вотъ, правда, мужичокъ, за нимъ двѣ бабы вслѣдъ.
езъ шапки онъ, несетъ подъ мышкой гробъ ребенка
кличетъ издали лѣниваго попенка,
гобъ тотъ отца позвалъ, да церковь отворилъ:
корѣй, ждать некогда, давно-бъ ужъ схоронилъ».

, томъ же 1830 году вышли, относительно слабыя, дотическія по характеру, «*Повѣсти Бѣлкина*», ри- ція почти исключительно помѣщичью жизнь. Но и въ этихъ талантливыхъ бездѣлкахъ вниматель- читатель подмѣтитъ недурную иллюстрацію кре- нскаго быта, напримѣръ, въ отношеніяхъ господъ орошенькимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ. Въ разсказѣ *ышня-крестьянка*» горничная Настя, въ простодуш- наивности, не безъ удовольствія разсказываетъ ба- нѣ, какъ молодой баринъ игралъ съ ними, дѣвуш- , въ горѣлки, и цѣлый день съ ними провозился. ъ же сельскій ловеласъ, «привыкнувъ не церемо-

ниться съ хорошенькими поселянками», только-что встрѣтивъ въ лѣсу переодѣтую барышню, «уже хотѣлъ было обнять ее». Черты именно *крѣпостныхъ* нравовъ видятся въ этихъ повѣстяхъ и въ томъ, что дворовыя дѣвушки, безпрекословныя исполнительницы всякой барской воли, не задумываются помочь побѣгу барышни изъ родительскаго дома, а крѣпостной кучеръ преспокойно везетъ ее ночью вѣнчаться Богъ знаетъ какъ и съ кѣмъ («*Метель*»). Стоитъ этой испорченной въ конецъ дворовой челяди бросить подачку, или застращать ее—и она готова на все, что угодно. Эта челядь особенно ярко обрисовывается въ великолѣпной по началу, но, къ сожалѣнію, очень мелодраматизированной повѣсти «*Дубровскій*» *). Здѣсь челядь богатаго самодура-помѣщика не только терпитъ самыя вопіющія безобразія, не только платитъ своею шкурою за малѣйшую ничтожную провинность, но даже самодовольно гордится своимъ положеніемъ. «Мы на свое житье,—говоритъ псарь Троекурова,—благодаря Бога и барина, не жалуемся; иному и барину не худо бы промѣнять усадьбу свою на любую здѣшнюю конуру». Рядомъ съ этой челядью рисуется въ повѣсти крестьянское житье, бѣдное и голодное,—даже не жизнь, а какое-то жалкое прозябаніе, при которомъ попрано всякое человѣческое достоинство, при которомъ возможно только терпѣніе и апатія. «Не наше дѣло разбирать барскія ихъ воли,—говоритъ

*) Написана въ 1832 г., но напечатана опять-таки по смерти автора въ 1841 г.

въ повѣсти кучеръ Антонъ про вражду господъ, — плетью обуха не перешибешь». Но и это терпѣніе иногда переполнялось. Боязнь перейти во владѣніе къ Троекурову, который «съ чужихъ крестьянъ не только шкуру сдеретъ, но и мясо», приводитъ этихъ людей сначала къ глухому ропоту на все происходящее, а потомъ и къ открытому сопротивленію властямъ, когда онѣ нагло врываются въ имѣніе Дубровскаго. И только любовь къ молодому барину удерживаетъ крестьянъ отъ «безсмысленнаго и безпощаднаго, по собственому выраженію Пушкина, русскаго бунта». Но это же, дошедшее до крайности, ожесточеніе и эта же любовь приводитъ крестьянъ Дубровскаго къ безчеловѣчному сожженію четырехъ живыхъ людей въ запертомъ домѣ и къ разбою.

За этой мрачной картиной рабскаго нахальства дворни и крестьянскаго ожесточенія, въ послѣдніе же годы своей жизни поэтъ перешелъ въ повѣсти «*Капитанская дочка*» къ изображенію народныхъ волненій при Пугачевѣ и, не пощадивъ красокъ на описаніе всѣхъ ихъ ужасовъ, далъ читателю отдохнуть на трогательномъ образѣ Савельича—этого вѣрнаго раба, умирающаго, подобно Васькѣ Шебанову, за своего господина,—и въ самомъ злодѣѣ, бунтовщикѣ Пугачевѣ, съумѣлъ отыскать человѣческія стороны. Этотъ темный, безпощадный представитель безсмысленнаго русскаго бунта, при всѣхъ своихъ злодѣйствахъ, носитъ въ сердцѣ благодарность къ тому, кто нѣкогда человѣчно отнесся къ нему, когда онъ былъ еще только бѣднымъ, никому

невѣдомымъ, сѣрымъ мужикомъ. Въ этомъ Пугачевѣ видите вы и нашу русскую, подчасъ совершенно безсмысленную, удаль,—удаль отчаянія, какую-то стихійную, не направленную ни на что путное, силу, и стремленіе *пожить*, т.-е. попьянствовать и натѣшиться вволю,—пожить хоть день, хоть часъ, безъ оглядки на прошлое, безъ думы о будущемъ, какъ живетъ часто и до сихъ поръ русскій простолюдинъ, попавшій въ случай, а то и нарочно совершающій самыя гнусныя преступленія, ради одного только неудержимаго стремленія хоть разъ въ жизни потѣшить свою, не смягчаемую никакимъ образованіемъ, а все же человѣческую, душу.

Нѣсколько ранѣе «Капитанской дочки» написалъ Пушкинъ «*Русалку*»—эту дивную, единственную, вещь, хотя и обставленную подробностями жизни древнѣйшей, почти языческой. Руси, но настолько народную, что въ этой самой отдаленности отъ насъ видится все та же, современная намъ, крестьянская, простонародная, Русь. Видится она и въ этомъ образѣ соблазненной бариномъ-княземъ дѣвушки, и въ этомъ протестѣ оскорбленной любви, выражаемомъ въ слезахъ и самоубійствѣ, и въ этихъ подаркахъ, которыми князь хочетъ заплатить за любовь простолюдинкѣ, и въ этихъ практическихъ совѣтахъ мельника-отца, разсчитывающаго, «коли ужъ нѣтъ надежды на свадьбу, по крайней мѣрѣ, выгадать какой-нибудь барышъ или пользу» отъ барина, и снисходительный взглядъ на барскія проказы, къ которымъ *народъ* уже слишкомъ привыкъ, и взглядъ на женщину,

какъ на дуру-бабу, и наконецъ, это страшное позднее раскаяніе, когда у отца единственное сокровище погибло изъ-за пошлыхъ разсчетовъ. Тутъ же опять таже русская челядь—эти псари, пособники барскихъ потѣхъ, и нянюшка-мамушка, и пѣсни, и свадьба, и чисто русскія русалочныя повѣрья,—словомъ, вся простонародная Русь, какою она была нѣсколько вѣковъ назадъ, и какой, по большей части, осталась еще и до сихъ поръ. А эта русская простая дѣвушка, сильная въ своей любви и за любовь умирающая сама, даже не помысливъ о мести тому, кому отдала въ жизни все... Кто же, кромѣ Пушкина, этого «пѣвца Эрота и Киприды», такъ гуманно, симпатично, высоко-художественно представлялъ въ тридцатыхъ годахъ русскую крестьянку?

Кажется, приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ убѣдиться, что Пушкинъ былъ не только поэтъ-художникъ, такъ сказать, безотносительный,—какъ выражались еще недавно,—поэтъ искусства для искусства; но и поэтъ, первый сказавшій много именно о нашей русской жизни, и не только русской «барской», но и *крестьянской*, *простонародной*. И не только изобразилъ поэтъ эту жизнь ярко и правдиво, насколько это было возможно въ современную ему, глухую, эпоху недавняго «рабства, павшаго по манію Царя», но и отнесся къ этой жизни, и къ этому люду, какъ мы видѣли, не свысока, не съ насмѣшкой, не съ сознаніемъ своего барскаго превосходства, не съ сантиментальною слезливостію и умиленіемъ передъ бѣдными мужичками, но здраво, просто и человѣчно, не льстя народу, не скры-

вая безобразія его невѣжества, и въ тоже время глубоко чувствуя горе этого народа. Такъ, въ Пушкинское время, да и потомъ, до Григоровича—«Деревня», «Антонъ Горемыка»—и «Записокъ охотника», къ народу не относился ни одинъ русскій писатель. И если великія государственныя реформы совершаются въ значительной степени подъ вліяніемъ указаній на нихъ литературы, то крестьянская реформа, давшая нашему Государю великое прозвище Царя-Освободителя, должна считать первымъ своимъ пособникомъ въ художественной литературѣ не кого другого, какъ перваго русскаго поэта, Александра Сергѣевича Пушкина. А такихъ поэтовъ своихъ, которые, благородно мысля и чувствуя, указывали родинѣ свѣтъ, хотя бы въ далекомъ будущемъ, страна не забываетъ никогда.

III.

ГОСПОДА.

I.

До сихъ поръ мы говорили о томъ, какою представлялась поэту русская природа и крѣпостные крестьяне;— посмотримъ теперь на тѣхъ, кому, благодаря крестьянину, жилось сытно и тепло, и кто, по своему привилегированному положенію, не заботясь о дневномъ пропитаніи, могъ жить, какъ хотѣлъ и умѣлъ. Словомъ, переходимъ теперь къ «господамъ», неслужащимъ и служащимъ дворянамъ.—большею частью, помѣщикамъ, жизнь которыхъ у поэта по преимуществу и изображается. Не прошло еще и шестидесяти лѣтъ со смерти Пушкина, и какая поразительная, едва понятная нашей молодежи, разница между Россіей тогдашней и нынѣшней! Какъ еще свѣжо преданіе, и съ какимъ трудомъ ему вѣрится! Въ произведеніяхъ перваго русскаго художника, лѣтописца общества, не въ его немногихъ прекрасныхъ исключеніяхъ, а въ огромномъ большинствѣ, это общество представляется современному намъ

человѣку какимъ-то полудикимъ, усвоившимъ себѣ едва только одну внѣшность европейской образованности, почти безъ всякихъ признаковъ общественности, въ смыслѣ общихъ разумныхъ интересовъ науки, искусства, сознательнаго, сколько-нибудь критическаго, отношенія къ своей собственной личности, къ своимъ семейнымъ или общественнымъ отношеніямъ, къ закону, государству,—наконецъ, даже просто къ человѣческому достоинству. Посмотрите на эту жизнь, какъ изображается она, напримѣръ, въ «*Онѣгинѣ*», въ повѣстяхъ и разсказахъ, во многихъ стихотворныхъ произведеніяхъ поэта:—какъ все здѣсь сѣро, безцвѣтно, пошло, посредственно (въ «Онѣгинѣ» поэтъ говоритъ прямо, что эта посредственность одна намъ по плечу и не страшна). А если и выдаются люди, то они—какіе-то больные, странные субъекты, въ родѣ, напр., Ленскаго, Алеко, отправляющагося искать свободы у дикарей-цыганъ, или богатыря-самодура Троекурова, мстителя, поджигателя и разбойника Дубровскаго, или бреттера Сильвіо («*Выстрѣлъ*»). Какъ все здѣсь случайно,—чтобы не сказать—безмысленно,—все управляется минутнымъ порывомъ ничѣмъ не сдерживаемыхъ страстишекъ, и самая жизнь человѣка, не говоря уже о спокойствіи и правахъ, нисколько и ничѣмъ не обезпечена. Достаточно Онѣгину полюбезничать на балу съ Ольгой,—и Ленскій тотчасъ же вызываетъ его на дуэль, а Онѣгинъ изъ «ложнаго стыда передъ старымъ дуэлистомъ, злымъ, рѣчистымъ сплетникомъ Зарѣцкимъ, буяномъ, *атаманомъ* картежной шайки, главой повѣсъ и трактир-

нымъ трибуномъ», изъ страха передъ «общественнымъ мнѣніемъ», которое поэтъ называетъ «хохотней глупцовъ», убиваетъ наповалъ своего пріятеля, и потомъ преспокойно разгуливаетъ по заламъ высшаго общества Москвы, даже не подвергшись ни малѣйшей карѣ закона.. И какъ просто относится Онѣгинъ къ своему преступленію: съ перваго же слова секунданта говоритъ, «безъ лишнихъ словъ, «что онъ», молъ, «всегда готовъ»; «мертвымъ сномъ спитъ» ночь передъ дуэлью, и даже за минуту передъ роковымъ выстрѣломъ, не безъ насмѣшливаго достоинства представляетъ Зарѣцкому «своего друга», секунданта, камердинера monsieur Guillot, «хоть человѣка и неизвѣстнаго, но ужъ, конечно, честнаго малаго». Стоитъ въ пьяной офицерской компаніи, изъ цѣлаго десятка представителей интеллигенціи, стереть съ ломбернаго стола по разсѣянности невѣрно поставленную запись,—и обиженный офицеръ, въ присутствіи достойныхъ своихъ товарищей, тотчасъ же въ бѣшенствѣ схватываетъ мѣдный шандалъ и пускаетъ его прямо въ лобъ оскорбителю («*Выстрѣлъ*»), а тотъ, знаменитый стрѣлокъ, сажающій пулю на пулю въ туза, не дерется на дуэли, но почему? Потому что бережетъ, видите-ли, свою жизнь, чтобы чудовищно отомстить впослѣдствіи своему старинному врагу. И какъ же безчеловѣчно мститъ этотъ Сильвіо: попросту отправляется въ домъ только-что женившагося врага и едва не убиваетъ его въ присутствіи обезумѣвшей отъ отчаянія бѣдной его жены, которая на колѣняхъ умаливаетъ злодѣя пощадить ея мужа!

Что за ужасныя вещи творятся въ этомъ полудикомъ обществѣ! Стоитъ Троекурову, у котораго пятьсотъ собакъ на псарнѣ, и устроенъ особый собачій лазаретъ, и даже родильный собачій пріютъ, пожелать потѣшиться надъ гостемъ,—и онъ запираетъ его, полумертваго отъ страха, въ комнату съ медвѣдемъ; стоитъ сосѣду, старику Дубровскому, оскорбленному нахаломъ-псаремъ, обидѣться—и этотъ готтентотъ Троекуровъ можетъ преспокойно отнять у него, при посредствѣ дрожащихъ передъ богачемъ губернскихъ судебныхъ властей, все родовое имѣніе. А какое ужасное дѣло совершается, напримѣръ, въ разсказѣ «*Метель*», напоминающемъ наше древнее «умыканіе» невѣстъ! Юный гусаръ Бурминъ, въ метель, ночью, сбившись съ дороги, случайно наталкивается на деревенскую церковь, гдѣ ожидала запоздавшаго жениха невѣста. Ни мало не думая, герой, которому полуживая отъ волненія дѣвушка «показалась недурна» (sic), тутъ же, воспользовавшись недоразумѣніемъ, преспокойно вѣнчается съ нею, и когда обманъ тотчасъ же послѣ вѣнчанія открылся, «бросается» поскорѣе «въ кибитку и кричитъ ямщику: «пошелъ». Что ужъ послѣ этого безобразный поступокъ другого гусара, увезшаго самымъ наглымъ образомъ, при помощи подкупленнаго врача, у «*Станціоннаго смотрителя*» его единственное дитя...

И какъ общество, изображенное Пушкинымъ, беззаботно и весело проводитъ время! Жизнь этихъ господъ,—жизнь вѣчнаго, непрерывнаго праздника. Кутежи, охоты, обѣды, карты, любовныя похожденія, причемъ не брез-

гаютъ никакой случайной интрижкой; собаки, лихіе кони, мелкія сплетни, пустыя рѣчи,—вотъ содержаніе этой, поистинѣ, ужасной для всякаго, сколько-нибудь думающаго, человѣка, жизни нашего недавняго барства. И что всего ужаснѣе—эпо полное самодовольство общества, какая-то даже гордость своимъ положеніемъ, полнѣйшее презрѣніе ко всему, что не принадлежитъ къ привиллегированному помѣщичьему классу, или даже просто ко всему, что побѣднѣе и позабитѣе. Какими яркими чертами изобразилъ, напримѣръ, поэтъ положеніе старика станціоннаго смотрителя, отца Дубровскаго, гостей Троекурова и, какъ видѣли мы ранѣе, положеніе крѣпостныхъ крестьянъ.

Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны,
Двуногихъ тварей милліоны
Для насъ орудіе одно.
Намъ чувство дико и смѣшно.
(«Евг. Онѣг.», гл. II, стр. XIV).

Конечно, нельзя не сознаться, что объективность пушкинскихъ картинъ, и особенно шутливый тонъ, съ которымъ поэтъ нерѣдко рисуетъ пустоту и ничтожность общества (напримѣръ, въ первыхъ пѣсняхъ «*Онѣгина*», въ «*Повѣстяхъ Бѣлкина*» и многихъ лирическихъ пьесахъ), нѣсколько ослабляютъ тяжесть впечатлѣнія изображаемыхъ явленій, и даже иногда, пожалуй, до нѣкоторой степени, мирятъ съ ними читателя; но очень ошибется тотъ, кто увидѣлъ бы въ Пушкинѣ не только

сочувствіе къ изображаемому имъ обществу, но да
индифферентное равнодушіе къ темнымъ сторонамъ п
слѣдняго. Эпикуреецъ по натурѣ, воспитанію и средства
къ жизни, поэтъ любилъ пожить весело и беззаботн
анакреонтически, беря отъ жизни все, что она мог
ему дать. Но, въ то же время, Пушкинъ, какъ необы
новенно умный человѣкъ и поэтъ великій, нерѣдко гл
боко задумывался надъ пустой, безсодержательной, жизн
того общества, къ которому принадлежалъ самъ, и кле
милъ это общество ѣдкой и колкой насмѣшкой. У поэт
есть много страницъ глубоко скорбныхъ, показыва
щихъ, какъ ясно понималъ онъ многія, очень важны
отрицательныя, стороны русскаго общества, и какъ гл
боко возмущался ими и страдалъ *). Не говоря уже
нѣкоторыхъ лирическихъ пьесахъ, преимуществен
послѣдняго періода его жизни, когда онъ особенно горь
и презрительно относился къ такъ называемой «толп
(напр., «*Поэту*», «*Полководецъ*», «*Кладбище*»); не г
воря о стихотвореніяхъ, гдѣ онъ выражаетъ желан
уйти отъ этого общества, уединиться, отдохнуть от
пошлости на лонѣ природы, въ самомъ «*Онѣгинѣ*» ес
нѣсколько мѣстъ поразительныхъ, прямо показыва
щихъ, какъ смотрѣлъ Пушкинъ на это общество. Так
въ концѣ VI-й главы, обрисовавъ уже петербургск
жизнь богатой молодежи, пошлую жизнь Лариныхъ
блестящую будущность бѣднаго Ленскаго, которую по

*) Не забудемъ, что сюжеты самыхъ глубокихъ произве
ній Гоголя: «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ» даны были Гого
Пушкинымъ.

билъ легкомысленный повѣса, поэтъ, какъ бы спохватившись, что черезчуръ уже замечтался, забывъ о русской дѣйствительности, говоритъ:

А можетъ быть — и то: поэта
Обыкновенный ждалъ удѣлъ:
Прошли бы юношества лѣта,
Въ немъ пылъ души бы охладѣлъ,
Во многомъ онъ бы измѣнился,
Разстался-бъ съ музами, женился;
Въ деревнѣ, счастливъ и рогатъ,
Носилъ бы стеганый халатъ;
Узналъ бы жизнь *на самомъ дѣлѣ*,
Подагру-бъ въ сорокъ лѣтъ имѣлъ,
Пилъ, ѣлъ, скучалъ, толстѣлъ, хирѣлъ,
И, наконецъ, въ своей постелѣ
Скончался-бъ посреди дѣтей,
Плаксивыхъ бабъ и лѣкарей.

А затѣмъ, чрезъ нѣсколько строкъ, поэтъ обращается къ своему вдохновенію, трогательно прося уберечь его самого отъ пошлости:

А ты, младое вдохновенье,
Волнуй мое воображенье,
Дремоту сердца оживляй,
Въ мой уголъ чаще прилетай;
Не дай остыть душѣ поэта,
Ожесточиться, очерствѣть,
И наконецъ окаменѣть
Въ мертвящемъ упоеньи свѣта,
Среди бездушныхъ гордецовъ,
Среди блистательныхъ глупцовъ,
Среди лукавыхъ, малодушныхъ,
Шальныхъ, балованныхъ дѣтей,

Злодѣевъ и смѣшныхъ и скучныхъ,
Тупыхъ, привязчивыхъ судей;
Среди кокетокъ богомольныхъ,
Среди холопьевъ добровольныхъ,
Среди вседневныхъ модныхъ сценъ,
Учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ;
Среди холодныхъ приговоровъ
Жестокосердой суеты,
Среди досадной пустоты
Разчетовъ, думъ и разговоровъ,—
Въ семъ омутѣ, гдѣ съ вами я
Купаюсь, милые друзья!

Этотъ *омутъ* характеризуется поэтомъ и въ описаніи нашихъ общественныхъ разговоровъ, воторые и до сихъ поръ такъ небогаты содержаніемъ:

Всѣхъ въ гостиной занимаетъ
Такой безсвязный, пошлый, вздоръ,
Все въ нихъ такъ блѣдно, равнодушно;
Они клевещутъ даже скучно;
Въ безплодной сухости рѣчей,
Вопросовъ, сплетенъ и вѣстей,
Не вспыхнетъ мысли въ цѣлы сутки,
Хоть невзначай, хоть на-обумъ;
Не улыбнется томный умъ,
Не дрогнетъ сердце, хоть для шутки,—
И даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!

Но особенно грустнымъ юморомъ и горькимъ раздумьемъ надъ легкомысленно проведенной молодостью и надъ положеніемъ поэта среди этого общества, проникнуты X и XI строфы VIII-й главы «Онѣгина»:

Блаженъ, кто съ молоду былъ молодъ,
Блаженъ, кто во-время созрѣлъ,
Кто постепенно жизни холодъ
Съ лѣтами вытерпѣть умѣлъ;
Кто страннымъ снамъ не предавался;
Кто черни свѣтской не чуждался;
Кто въ двадцать лѣтъ былъ франтъ иль хватъ,
А въ тридцать выгодно женатъ;
Кто въ пятьдесятъ освободился
Отъ частныхъ и другихъ долговъ;
Кто славы, денегъ и чиновъ
Спокойно, въ очередь, добился;
О комъ твердили цѣлый вѣкъ:
N. N. прекрасный человѣкъ!
Но грустно думать, что напрасно
Была намъ молодость дана,
Что измѣняли ей всечасно,
Что обманула насъ она;
Что наши лучшія желанья,
Что наши свѣжія мечтанья
Истлѣли быстрой чередой,
Какъ листья осенью гнилой.
Несносно видѣть предъ собою
Однихъ обѣдовъ длинный рядъ,
Глядѣть на жизнь, какъ на обрядъ,
И вслѣдъ за чинною толпою
Идти, не раздѣляя съ ней
Ни общихъ мнѣній, ни страстей!

II.

гой, такъ сказать, *общей* картины жизни насподъ и отношенія къ ней Пушкина перейдемъ

къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ, наиболѣе крупныхъ, явленій ея въ частности. Каково было, напримѣръ, воспитаніе этихъ людей, чему и какъ они учились? Воспитаніе также останавливало вниманіе поэта, до самой своей смерти не перестававшаго сѣтовать на недостатокъ своего собственнаго воспитанія. Въ «*Борисъ Годуновъ*» онъ даже посвящаетъ этому предмету небольшую, прекрасную сцену, между царемъ и его учащимся сыномъ. Надо сознаться, что эта, наиболѣе слабая, сторона русской жизни изображена поэтомъ чрезвычайно ярко. «Мы всѣ учились понемногу, чому-нибудь и какъ-нибудь — говоритъ онъ въ «Онѣгинѣ», — такъ воспитаньемъ, слава Богу, у насъ не мудрено блеснуть». «Намъ воспитанье не пристало, и намъ осталось отъ него жеманство, больше ничего». Эта воспитательная сторона общества, даже высшаго, свѣтскаго, въ которомъ, «по мнѣнью многихъ, судей рѣшительныхъ и строгихъ», даже пустой болтунъ, нахватавшійся вершковъ, Онѣгинъ, считался «ученымъ малымъ», — поистинѣ, ужасна. Въ самомъ дѣлѣ, въ сочиненіяхъ Пушкина мы видимъ или полнѣйшее невѣжество, воспитаніе почти такое же, какое въ прошломъ вѣкѣ давала Митрофану Простакова, — таково, напримѣръ, воспитаніе стариковъ Лариныхъ; — или воспитаніе только чисто-внѣшнее, для виду, для свѣта, требующаго одной французской болтовни и манеръ; и кто, какъ Онѣгинъ, «можетъ совершенно изъясняться по-французски и писать, ловко танцовать мазурку и непринужденно кланяться», да еще съ нахальной развязностью болтать о чемъ угодно,

тотъ уже считается «умнымъ и очень милымъ» человѣкомъ. Извѣстныя строфы изъ первой главы «*Онѣгина*», гдѣ описывается, какое воспитаніе получилъ этотъ юноша, и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, очень часто могутъ служить намъ живымъ укоромъ. «Потолковать о Ювеналѣ» (котораго самого мы и не читывали), «въ концѣ письма поставить vale»; изъ всей ученной въ школѣ латыни «помнить», и то «не безъ грѣха, изъ «Энеиды» два стиха; бранить Гомера, Ѳеокрита», о которыхъ мы часто и въ переводѣ-то не имѣемъ понятія; особенное невѣжество въ политическихъ наукахъ, напримѣръ, въ исторіи и политической экономіи, о которыхъ мы однако свободно болтаемъ, какъ Хлестаковъ о литературѣ; тупоуміе, въ родѣ неспособности отличать даже ямбъ отъ хорея,—о, какъ все это, изображенное поэтомъ еще въ двадцатомъ году, до сихъ поръ намъ знакомо и близко! Какъ боимся мы и до сихъ поръ, подобно Онѣгину, всякой серьёзной мысли, всякой «строгой морали», которой и «не докучалъ» Онѣгину его воспитатель! И кто же, у Пушкина, воспитатели этого молодого поколѣнія, надежды и цвѣта государства? Съ одной стороны, вѣрные Савельичи, барскаго добра и дѣлъ рачители, крѣпостныя нянюшки съ своими «страшными разсказами» (и это еще едва-ли не лучшіе воспитатели); съ другой—убогіе чужеземные пришельцы, французскія гувернантки и англійскія миссъ («*Барышня-крестьянка*», «*Онѣгинъ*»), да гувернеры, которыхъ «прогоняютъ со двора», какъ въ «*Онѣгинѣ*» monsieur l'abbé, за практическое обученіе

«наукѣ страсти нѣжной», или же травятъ для потѣхи медвѣдями, какъ Троекуровъ Дубровскаго. И ни одно плодотворное зерно мысли чистой, человѣческой, не западаетъ въ эти юныя, не обременяемыя никакой наукой, головы. А что же дѣлаютъ родители этихъ дѣтей, каково ихъ участіе въ воспитаніи своего дѣтища? Да никакое, такъ-таки рѣшительно никакое, кромѣ развѣ собственныхъ примѣровъ, вліяющихъ на ребенка. Отецъ Онѣгина занятъ своей «отличной и благородной службой, даетъ ежегодно три бала, живя долгами; и, наконецъ, разорившись, умираетъ», предоставивъ сына судьбѣ; Троекуровы занимаются псарней и травятъ зайцевъ; Муромскіе—англійскимъ паркомъ (*«Барышня-крестьянка»*), а отецъ Татьяны, «не читая никогда» ровно ничего и «почитая книги пустой игрушкой, и не заботился о томъ, какой у дочки тайный томъ дремалъ до утра подъ подушкой». Иногда, правда, родители посылали сынка учиться за границу; но и изъ этого также выходило мало проку. Возвращаясь въ Россію, откуда уѣхалъ еще ребенкомъ, мальчикъ, которому только еще слѣдовало бы начать учиться, формировался или въ Нулина, напоминающаго Иванушку въ «Бригадирѣ», фонъ-Визина, или въ Ленскаго, этого, немножко безтолковаго, восемнадцатилѣтняго юношу, съ восторженною рѣчью о всякихъ серьёзныхъ вещахъ, которыя онъ едва-ли понималъ, и которыя не помѣшали ему затѣять свой нелѣпый романъ, писать пустые, безсодержательные, стихи «къ лунѣ» и «къ ней», и, наконецъ, даже погибнуть, Богъ знаетъ изъ-за какого вздора.

Такъ приготовлялось къ жизни это молодое, вполнѣ обезпеченное крѣпостнымъ правомъ, поколѣніе, подобно самому Пушкину, оканчивавшее все свое «воспитаніе», едва достигнувъ семнадцати-восемнадцатилѣтняго возраста.

И выходили же изъ этихъ бѣдныхъ недорослей, окончательно довоспитанныхъ самою жизнью, субъекты удивительные! Въ сочиненіяхъ Пушкина мы встрѣчаемъ, по большей части, только слѣдующія разновидности нашего общества. Это—или *богатыри*, въ родѣ Троекурова, Сильвіо, гусаровъ въ «Станціонномъ смотрителѣ» и «Метели», «Дубровскаго-сына»; или *чиновные* люди, какъ мужъ Татьяны, который «важенъ, краситъ волоса и чиномъ отъ ума избавленъ», и отецъ Полины (*«Рославлевъ»*), заслуженный человѣкъ, т.-е. «ѣздилъ цугомъ и имѣлъ крестъ и звѣзду; впрочемъ, былъ вѣтренъ и простъ»; или веселые *ловеласы*, артисты страсти нѣжной, въ родѣ графа Нулина, офицера въ «*Домика въ Коломнѣ*», Берестова въ «*Метели*»; или же, наконецъ, простоватые *байбаки-помѣщики*, начиная съ Ларина и кончая всѣми этими разновидными пошляками, съѣзжающимися на именины къ Татьянѣ.

Что же «читаетъ» это общество? Нельзя-ли по Пушкину получить какое-нибудь понятіе о книгахъ, составлявшихъ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ умственную пищу нашего помѣщичьяго класса? Чрезвычайно жалкою представляется намъ въ сочиненіяхъ поэта эта русская отечественная словесность,—явленіе рѣдкое, случайное, очень скучное, никому не нужное, не имѣю-

щее никакой органической связи съ жизнью, не вызываемое потребностью, — что-то чрезвычайно дѣтское, безсодержательное, пустое, неинтересное. Какія-нибудь сочиненія Эмина, читаемыя Парашей («Домикъ въ Коломнѣ»), сочиненія Сумарокова—единственная русская книга въ большой библіотекѣ отца Полины («Рославлевъ»), старые календари, сонники, письмовники, новѣйшіе оракулы, какой-нибудь «*Благонамѣренный*», издаваемый на скверной, грязноватой, бумагѣ; «одинъ журналъ исполненъ приторныхъ похвалъ, тотъ брани плоской; всѣ наводятъ зѣвоту скуки, чуть не сонъ»; немногіе хорошіе оригинальные проблески поэзіи, но и то, большею частью, навѣянные иностранной поэзіей; безсодержательные гармоническіе стихи—одни красивые звуки безъ серьёзной мысли, которыми нельзя удовлетворяться тому, кто не хочетъ видѣть въ литературѣ одну забаву; совсѣмъ уже «одичалые переводы», большею частью романовъ, «запоздалыя оригинальныя сочиненія, гдѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердитъ и лжетъ за двухъ,—вотъ и весь россійскій Геликонъ» («Евг. Он.»). Естественно, что, при жалкомъ состояніи литературы, своеобразными распространителями которой являются, напримѣръ въ провинціи, какіе-то «кочующіе купцы», («однажды къ Ларинымъ въ уединенье завозитъ кочующій купецъ глубокое творенье, Мартына Задеку, котораго уступаетъ наконецъ за три съ полтиною, вмѣстѣ съ разрозненной Мальвиной, взявъ еще за нихъ въ придачу собранье басенъ площадныхъ, грамматику, двѣ Петріады, да Мармонтеля третій томъ»),

русскія книги почти не читаются. Всякій, кто хочетъ обогатить себя хотя какими-нибудь познаніями, мыслями, тотъ запасается книгами иностранными, обыкновенно—французскими,—благо этотъ языкъ нерѣдко извѣстенъ съ дѣтства лучше своего родного. И вотъ, такимъ-то образомъ составлялись въ нашихъ богатыхъ помѣщичьихъ домахъ цѣлыя библіотеки, большею частію, изъ сочиненій писателей XVIII вѣка. Но и тутъ какой хаосъ, какой сбродъ самыхъ разнохарактерныхъ сочиненій отъ Монтескье и Руссо до Кребильона включительно («Рославлевъ»), и отъ Гиббона, Манзони, Гердера, Шанфора, madame de Stael, Биша, Тиссо, скептическаго Беля, Фонтенеля, Байрона—до Фоблаза, до «пакостнаго романа», который, по словамъ Пушкина, «учитъ насъ любви» и уваженію къ женщинѣ. «Вотъ уже, слава Богу,—говоритъ Пушкинъ въ «*Рославлевѣ*»,—лѣтъ тридцать какъ бранятъ насъ бѣдныхъ за то, что мы по-русски не читаемъ и не умѣемъ (будто бы) изъясняться на отечественномъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что мы и рады бы читать по-русски, но словесность наша, кажется, не старше Ломоносова, и чрезвычайно еще ограничена. Она, конечно, представляетъ намъ нѣсколько отличныхъ поэтовъ, но нельзя же отъ всѣхъ читателей требовать исключительной охоты къ стихамъ. Въ прозѣ мы имѣемъ только исторію Карамзина; первые два или три романа появились два или три года тому назадъ, между тѣмъ какъ во Франціи, Англіи и Германіи книги, она другой замѣчательнѣе, поминутно слѣдуютъ одна за другой. Мы не видимъ даже и переводовъ; а если

и видимъ, то, воля ваша, я все-таки предпочитаю оригиналы. Журналы наши занимательны только для нашихъ литераторовъ. Мы принуждены всѣ извѣстія и понятія черпать изъ книгъ иностранныхъ; такимъ образомъ, мы и мыслимъ на языкѣ иностранномъ (по крайней мѣрѣ, тѣ, которые мыслятъ и слѣдуютъ за мыслями человѣческаго рода). Въ этомъ признались мнѣ самые извѣстные наши литераторы. Вѣчныя жалобы нашихъ писателей на пренебреженіе, въ коемъ оставляемъ мы русскія книги, похожи на жалобы русскихъ торговокъ, негодующихъ на то, что мы шляпки наши покупаемъ у Сихлеръ, а не довольствуемся произведеніями костромскихъ модистокъ»...

При такомъ печальномъ положеніи нашего воспитаніе и образованія и жалкомъ умственномъ состояніи общества жалки и отношенія послѣдняго къ искусству и къ его представителямъ. У Пушкина есть нѣсколько извѣстныхъ всѣмъ, прекрасныхъ по формѣ, стихотвореній, напримѣръ, «*Поэтъ*», «*Поэту*», «*Чернь*», «*Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ*», въ свое время возбуждавшихъ жаркую полемику и такъ строго осужденныхъ за высокомѣрное, яко-бы, отношеніе Пушкина къ толпѣ и желаніе поставить искусство въ какое-то исключительное, изолированное, положеніе, не имѣющее (будто бы) никакого отношенія къ «непросвѣщенной черни». Конечно, если взять эти произведенія, особенно «Чернь», безотносительно, то, при страшно раздраженномъ, озлобленномъ, ихъ тонѣ, читатель справедливо можетъ упрекнуть поэта въ аристократическомъ индифферентизмѣ къ

интересамъ общества, и даже презрѣніи къ нему. Но, какъ намъ кажется, здѣсь только одно недоразумѣніе, происходящее отъ недостаточно внимательнаго и односторонняго взгляда на дѣло. Не отвергая, подобно нѣкоторымъ критикамъ, вліянія на эти пьесы туманныхъ эстетическихъ нѣмецкихъ воззрѣній на искусство, а также, отчасти, вліянія и аристократическаго кружка, въ которомъ Пушкинъ вращался, мы думаемъ, что эти пьесы, и особенно «*Чернь*»,—совершенно естественное порожденіе горькаго чувства, крайняго раздраженія этимъ жалкимъ отношеніемъ къ искусству въ обществѣ нашихъ, такъ называемыхъ, образованныхъ, свѣтскихъ людей и современной Пушкину невѣжественной критики. И это тѣмъ справедливѣе, что стихотворенія эти написаны еще тогда, когда о Бѣлинскомъ не было и рѣчи:— такъ, «*Разговоръ*» относится къ 1824 году, «*Поэтъ*» — къ 1827, «*Чернь*» — къ 1828 и «*Поэту*»—къ 1830. А что Пушкинъ понималъ вполнѣ высокое значеніе поэта для родины и человѣчества, въ этомъ убѣждаютъ насъ, между прочимъ, стихотвореніе «*Пророкъ*», названное Мицкевичемъ лучшимъ стихотвореніемъ современной ему эпохи, и написанное еще въ 1825 году, и «Памятникъ»,— одно изъ предсмертныхъ произведеній Пушкина. Эти вещи созданы, вѣроятно, въ тѣ немногія минуты, когда раздраженіе противъ «свѣтской черни», при каждомъ удобномъ случаѣ осмѣиваемой поэтомъ, уступало мѣсто болѣе спокойному состоянію души. А что раздраженіе это, даже доходящее до крайности, и то обстоятельство, что Пушкинъ нерѣдко стыдился своего званія

поэта въ Россіи, вполнѣ могли имѣть здѣсь мѣсто,—въ этомъ, кажется, достаточно можетъ убѣдить, приводимая поэтомъ, картина «холодной толпы, взирающей на поэта, какъ на заѣзжаго фигляра, если онъ глубоко выразитъ сердечный тяжкій стонъ» («*Отвѣтъ анониму*»).

«Стихотворцы подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Не говорю объ ихъ обыкновенномъ гражданскомъ ничтожествѣ и бѣдности, вошедшей въ пословицу; о зависти и клеветѣ братіи, коихъ они дѣлаются жертвою, если они въ славѣ; о презрѣніи и насмѣшкахъ, со всѣхъ сторонъ падающихъ на нихъ, если произведенія ихъ не нравятся. Но, кажется, что̀ можетъ сравниться съ несчастіемъ, для нихъ неизбѣжнымъ,—разумѣемъ сужденіе глупцовъ? Однакожъ и это горе, какъ оно ни велико, не есть еще крайнее для нихъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца, есть его званіе, прозвище, коимъ онъ заклейменъ. Публика смотритъ на него, какъ на свою собственность, считаетъ себя въ правѣ требовать отъ него отчета въ малѣйшемъ шагѣ. По ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея удовольствія и дышетъ только для того, чтобы подбирать риѳмы. Требуютъ-ли обстоятельства присутствія его въ деревнѣ—при возвращеніи его первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли-ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается-ли о разстроенныхъ своихъ дѣлахъ, или о болѣзни милаго ему человѣка, тотчасъ пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно, что-нибудь сочиняетъ! Влюбится-ли *онъ*, красавица его покупаетъ себѣ альбомъ и ждетъ уже

элегіи. Пріѣдетъ-ли онъ къ человѣку, почти съ нимъ незнакомому, поговорить о важномъ дѣлѣ, или просто для развлеченія отъ трудовъ—тотъ уже кличетъ своего сынка и заставляетъ мальчика читать стихи такого-то, и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами». (См. «*Отрывокъ*» 1835 г.). «Чарскій признавался, что привѣтствія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ долженъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости» («*Египетскія ночи*»). Отсюда понятно, что пушкинскій Чярскій, на каждомъ шагу выводимый изъ терпѣнія, «употребляетъ всевозможныя старанія, чтобы снять съ себя несносное прозвище поэта, избѣгаетъ общества своей братіи литераторовъ, и предпочитаетъ имъ свѣтскихъ людей, даже самыхъ простыхъ», всячески стараясь избѣгать разговоровъ о литературѣ и заставляя видѣть въ немъ самомъ свѣтскаго пошляка, охотника до лошадей, игрока, гастронома,—словомъ, кого угодно, только не литератора. Это странно, мелочно и пошло для человѣка, одареннаго талантомъ и душой, но на самомъ дѣлѣ, въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ, было именно такъ со многими изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ, и самъ Пушкинъ, съ любовью отдѣлывавшій свои, такъ и неконченныя, «*Египетскія ночи*», во многомъ напоминаетъ Чарскаго своею собственною жизнью и отношеніями.

Въ подтвержденіе справедливости приведенныхъ мыслей Пушкина о положеніи у насъ литератора и критики ссылаемся, между прочимъ, на «*Литературныя воспоминанія Панаева*», статью Эртаулова объ «*Измайловѣ*»

(«Дѣло» № IV, 1874 г.), статьи Пятковскаго о журналистикѣ, «*Очерки гоголевскаго періода русской литературы*» и многія другія статьи о литературѣ того времени, не говоря уже объ Анненковѣ и множествѣ воспоминаній въ «*Русской Старинѣ*».

Обращаясь опять къ сочиненіямъ Пушкина, попробуемъ по разбросаннымъ тамъ и сямъ фактамъ остановиться еще на минуту на эстетической сторонѣ изображаемаго Пушкинымъ общества. Искусство здѣсь только случайная игрушка, мода, пустое баловство, которому никто и не придаетъ значенія. Болѣе всего пользуются уваженіемъ *танцы* — необходимое условіе образованія, а изъ театральныхъ представленій *балетъ*—выставка красивыхъ тѣлесныхъ формъ,—балетъ, имѣющій своихъ особыхъ цѣнителей и знатоковъ, да *кулинарное искусство*, также насчитывающее не мало знатоковъ-гастрономовъ. Музыка, такъ развивающаяся у насъ въ послѣднее время, ограничивается *гитарой*, на которой сентиментальныя барышни затягиваютъ: «О, рыцарь молодой! Приди въ чертогъ ко мнѣ златой»; кое-гдѣ въ богатыхъ домахъ обучаютъ игрѣ на *фортепіано*, и опять-таки барышенъ; но и онѣ, какъ и гитаристки, смотрятъ на музыку болѣе практически,—какъ на средство уловлять жениховъ. Существуютъ *оркестры*, кромѣ составленныхъ изъ крѣпостныхъ, обыкновенно полковые, но больше опять-таки для танцевъ, да для игры во время обѣда или ужина. Даются, правда, заѣзжими артистами *концерты*, бываетъ наѣздомъ и итальянская *опера*, но это—достояніе однихъ немногихъ

столичныхъ богачей, изъ моды старающихся казаться любителями музыки, или ѣдущихъ въ концертъ и въ оперу только потому, что туда ѣдутъ всѣ,—да записныхъ меценатовъ, о которыхъ Пушкинъ устами своего Чарскаго выражается просто и ясно: «Чортъ ихъ побери». Есть въ этомъ обществѣ и *живопись*, не идущая далѣе *альбомныхъ* картинокъ; есть, наконецъ, и *поэзія* въ видѣ *мадригаловъ*, да «злодѣйскаго *стишка* армейскаго піиты», да многаго множества *альбомныхъ* стихотвореній...

Понятно, что въ такомъ полудикомъ обществѣ, какъ уже сказали мы выше, положеніе случайно попавшаго въ него истиннаго художника или серьезнаго литератора, вообще, было самое печальное. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны для насъ два произведенія Пушкина: «*Египетскія ночи*» и «*Рославлевъ*». Въ первомъ мы встрѣчаемъ не только поразительное для всякаго иностранца равнодушіе нашего, самаго отборнаго, высшаго круга къ искусству (импровизаторъ), но, даже уже вовсе не свѣтское, неумѣніе вести себя по отношенію къ этому импровизаторскому сеансу и къ этому, Богъ его знаетъ, какого званія итальянцу. Во второмъ произведеніи разсказывается исторія курьезнѣйшая, часто повторяющаяся у насъ еще и до сихъ поръ съ пріѣзжими иностранными знаменитостями въ наукѣ и искусствѣ.

Пріѣхала въ Москву передъ двѣнадцатымъ годомъ знаменитая Сталь. «Русскіе засуетились; не знали, какъ угостить славную иностранку и, разумѣется, стали да-

вать ей обѣды, глазѣли на нее и были, по большей части, недовольны ею, видя въ ней пятидесятилѣтнюю толстую бабу, одѣтую не по лѣтамъ. Тонъ ея не понравился, рѣчи показались слишкомъ длинны и рукава слишкомъ коротки». Одинъ богатый князь далъ ей большой обѣдъ, «на который скликалъ всѣхъ московскихъ умниковъ. Умники были гораздо болѣе довольны ухою князя, нежели бесѣдою сочинительницы «*Коринны*». Дамы чинились. Тѣ и другіе только изрѣдка прерывали молчаніе, убѣжденные въ ничтожности своихъ мыслей и оробѣвшіе въ присутствіи европейской знаменитости. Вниманіе гостей раздѣлено было между блюдами и m-me de Staël. Ждали отъ нея поминутно bon mot; наконецъ, вырвалось у нея двустишіе, и довольно смѣлое. Всѣ подхватили его, захохотали, подняли шепотъ удивленія, князь былъ внѣ себя отъ радости. Гости встали изъ-за стола, совершенно примиренные съ m-me de Staël, и поскакали развозить каламбуръ по городу». «Какъ ничтожно — говоритъ Пушкинъ устами Полины — должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ! Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ, для которыхъ блестящее замѣчаніе, сильное движеніе сердца, вдохновенное слово никогда не потеряны; она привыкла къ увлекательному разговору высшей образованности. А здѣсь... Боже мой! Ни одной мысли, ни одного замѣчанія въ теченіе трехъ часовъ. Тупыя лица, тупая важность... и только! Какъ ей было скучно! Какъ она *казалась* утомленною! Она увидѣла, чего имъ было на-

добно, что могли понять эти обезьяны просвѣщенія, и кинула имъ каламбуръ. А они такъ и бросились... Пускай же она вывезетъ о нашей свѣтской черни мнѣніе, котораго она достойна».

Таковы были мнѣнія и самого Пушкина о современномъ ему русскомъ свѣтскомъ обществѣ, которое не даромъ такъ жестоко мстило поэту всѣмъ, чѣмъ могло, и, наконецъ, погубило его своимъ злословіемъ, «сурово, по выраженію Лермонтова, язвя славное чело тайными иглами терноваго вѣнца и отравивъ даже его послѣднія мгновенія своимъ коварнымъ шепотомъ»...

Но нашъ эскизъ этого общества, строго нарисованный по самымъ произведеніямъ поэта, былъ бы не полонъ, если бы мы не сказали еще нѣсколькихъ словъ о томъ, какія отношенія этихъ людей къ своему собственному отечеству остановили вниманіе художника. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторыя его произведенія, напримѣръ: реторическія «*Клеветникамъ Россіи*», «*Бородинская годовщина*». «*Ко гробу Кутузова*», посмотримъ, не дадутъ-ли его сочиненія хотя нѣсколько чертъ для изображенія русскаго *патріотизма* въ средѣ обыкновенныхъ, не выдающихся, людей, такъ называемаго, образованнаго класса. Чертъ этихъ у Пушкина, конечно, очень мало, такъ какъ о патріотизмѣ, если онъ не носилъ на себѣ торжественнаго, оффиціальнаго, характера, въ ту эпоху говорить было очень трудно; но все же эти черты есть. Такъ, всѣ стремленія изображеннаго у Пушкина общества—стремленія чисто эгоистическія; каждый живетъ только про себя и для себя,

ни малѣйшимъ образомъ не сознавая своей солидарности съ государствомъ, къ которому принадлежитъ, и нисколько не уважая ни закона, ни чужой личности. Троекуровы преспокойно могутъ, подкупивъ чиновниковъ, творить ужаснѣйшія дѣла («Дубровскій»);—гусары, подкупивъ доктора, увозить бѣдныхъ дѣвушекъ («Станціонный смотритель»), драться нагайками, или тайкомъ вѣнчаться съ богатыми невѣстами («Метель»), Онѣгины—безнаказанно убивать себѣ подобныхъ по всѣмъ правиламъ искусства. Здѣсь господствуетъ одна только сила, но святость закона еще и не чувствуется. Здѣсь нѣтъ даже и службы, такъ какъ дворянство этой службы бѣжитъ, какъ скоро можетъ безъ нея обойтись,—по крайней мѣрѣ, службы статской, казенной, или частной. Правда, у Пушкина, изображено офицеровъ довольно много, но эти офицеры въ произведеніяхъ поэта какъ-то больше являются героями мазурки, карточной игры, любви, дуэлей и скандаловъ, чѣмъ закаленными въ бояхъ сынами Марса. Даже сама отечественная война, какъ разсказываетъ поэтъ въ «*Рославлевѣ*», какъ-то странно, дѣтски, пробуждаетъ это сонное общество. Сначала, когда еще ходили только глухіе слухи о натянутыхъ отношеніяхъ между Россіей и Наполеономъ, заподозрили въ шпіонствѣ Наполеону саму г-жу Сталь, «эту добрую, благородную, г-жу Сталь, десять лѣтъ гонимую Наполеономъ, насилу убѣжавшую подъ покровительство русскаго императора,—эту Сталь, друга Шатобріана и Байрона». Потомъ всѣ заговорили о близкой войнѣ, и «*довольно легкомысленно*». Вѣсти о нашествіи и воззваніе

государя поразили. «Свѣтскіе балагуры присмирѣли, дамы струхнули. Гостиныя наполнились патріотами: кто высыпалъ изъ табакерки французскій табакъ,—и сталъ нюхать русскій, кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ, кто отказался отъ лафита и принялся за кислыя щи. Всѣ заклялись говорить по-французски, всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни». «Трусость и патріотическое хвастовство выводили изъ терпѣнія». Правда, когда дѣло приняло уже оборотъ очень серьезный, и пріѣздъ самого государя усугубилъ всеобщее волненіе, «восторгъ патріотизма овладѣлъ наконецъ и высшимъ обществомъ», и стали толковать о пожертвованіяхъ для отечества;—но, даже и въ это критическое время, находились люди, подобные изображенному въ «Рославлевѣ» братцу, для которыхъ «и честь, и отечество — все бездѣлица: братья ихъ умираютъ на полѣ сраженія, а они дурачатся въ гостиныхъ». Этотъ братецъ, на вопросъ, «чѣмъ онъ пожертвуетъ?»—съ цинизмомъ отвѣчаетъ: «У меня всего на все тридцать тысячъ долгу: приношу ихъ въ жертву на алтарь отечества».

Это-ли не «люди—жалкій родъ, достойный слезъ и смѣха?» («*Полководецъ*»).

III.

Смѣхъ и слезы, какъ мы сейчасъ сказали, вызываютъ въ читателѣ всѣ эти, обрисованные Пушкинымъ,

пошляки и ничтожности, вполнѣ довольные собой и своимъ положеніемъ и, повидимому, не желающіе ничего лучшаго; но, не менѣе, если еще не болѣе, печально положеніе тѣхъ, относительно немногихъ, *мыслящихъ* людей, которымъ приходится жить въ такой средѣ, сознавая всю ея пошлость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невозможность для себя какой бы то ни было разумной дѣятельности. Говоря о *господахъ*, изображенныхъ поэтомъ, мы съ намѣреніемъ не говорили до сихъ поръ ничего о тѣхъ изъ нихъ, которые по своему уму и развитію стоятъ выше всѣхъ остальныхъ, и которымъ поэтъ сочувствуетъ. Мы нарочно выдѣлимъ теперь личности, болѣе или менѣе, такъ называемыя, *положительныя*,— хотя и онѣ, уже во всякомъ случаѣ, не образцы добродѣтели, не герои, не особенные мыслители, а только обыкновенные неглупые люди, кое-что почитавшіе, кое о чемъ думавшіе, и, при всей своей, относительной, порядочности, все-таки носящіе въ себѣ многіе изъ недостатковъ окружающей ихъ среды. Этихъ людей въ сочиненіяхъ Пушкина очень немного, какъ немного ихъ было и на самомъ дѣлѣ въ русскомъ обществѣ въ печальную эпоху послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра I,—и особенно въ послѣдующую, реакціонную. Мы не говоримъ, конечно, о людяхъ выдающихся, крѣпкихъ и сильныхъ (Пушкинъ ихъ и не представлялъ), а только о тѣхъ, которыхъ покойный Авдѣевъ въ извѣстной своей книжкѣ «*Наше общество въ герояхъ и героиняхъ литературы*» назвалъ, разбирая «Онѣгина», *средними*.

Такихъ личностей насчитываемъ мы у поэта всего не болѣе четырехъ: кавказскій офицеръ, Алеко, Онѣгинъ и Чарскій. (Ленскаго, о которомъ вскользь уже сказано нами ранѣе, мы изъ этого числа исключаемъ, такъ какъ этотъ герой, обрисованный авторомъ довольно неопредѣленно, умираетъ еще почти мальчикомъ). На эти личности, по преимуществу, было обращено вниманіе нашей критики, и въ статьяхъ Бѣлинскаго (VIII томъ), въ книгѣ Авдѣева и у Добролюбова читатель найдетъ обстоятельное разъясненіе ихъ значенія. Поэтому ограничимся только напоминаніемъ сущности того, что́ ранѣе уже насъ было высказано другими. Что́ это за люди, и чѣмъ они отличаются отъ изображеннаго поэтомъ остальнаго общества, нося въ себѣ въ то же время многіе изъ его пороковъ (эгоизмъ, преступленіе подъ вліяніемъ страсти у Алеко, дуэль Онѣгина)? Прежде всего, всѣ эти люди — молодые, здоровые, не только вполнѣ *обезпеченные*, но даже очень достаточные, какъ Онѣгинъ и Чарскій. Всѣ они—«умные» люди, если и не получившіе основательнаго образованія, то, во всякомъ случаѣ, много читавшіе и размышлявшіе о прочитанномъ и о жизни. Они люди, все-таки, «порядочные, честные»: свое преступленіе и укоръ стараго цыгана Алеко понимаетъ, и едва-ли не сойдетъ съ ума, или не покончитъ самъ съ своею жизнью; Онѣгинъ честно говоритъ Татьянѣ о своемъ отвращеніи къ семейной жизни, и простодушной довѣрчивостью дѣвочки воспользоваться не хочетъ, какъ воспользовался бы ею какой-нибудь офицеръ изъ «*Домика въ Коломнѣ*», или лове-

ласъ — Берестовъ (*«Барышня-крестьянка»*). Какъ ни легкомысленно сначала относится Онѣгинъ къ дуэли, но, убивъ пріятеля, чувствуетъ угрызенія совѣсти; аристократическій Чарскій умѣетъ побороть въ себѣ нѣкоторую брезгливость къ итальянцу-импровизатору, и очень энергически устраиваетъ для него вечеръ. Словомъ,—это люди, хоть и не Богъ вѣсть какіе, а всетаки таковы, что вполнѣ могли бы и себя удовлетворить какою-нибудь разумною дѣятельностью, и своему отечеству принести посильную пользу. Такъ оно и бываетъ во всякомъ цивилизованномъ государствѣ; и такіе-то, «срединные», люди, всѣ вмѣстѣ, въ массѣ, общими, посильными, хоть и маленькими, трудами, способствуютъ прогрессу своего отечества. Но не таковы русскіе люди этого рода, выставленные Пушкиннымъ. Всѣ они, при всѣхъ, повидимому, самыхъ благопріятныхъ, условіяхъ для дѣятельности, не дѣлаютъ ровно ничего, не несутъ рѣшительно никакой общественной службы, за исключеніемъ развѣ одного кавказскаго офицера (*«Кавказскій плѣнникъ»*), раненнаго въ стычкѣ съ горцами. Всѣ они какіе-то совершенно «лишніе» люди, которые ни къ чему не могутъ пристроиться, которымъ противно и пошло окружающее ихъ общество, но которые въ тоже время не только не находятъ для себя никакого дѣла, но даже не могутъ сами хорошенько опредѣлить, чего именно имъ хочется; тяготятся такимъ положеніемъ, скучаютъ, хандрятъ, ищутъ развлеченій, въ видѣ любви, путешествій, или, вѣрнѣе, шлянданья безъ всякой опредѣленной цѣли изъ одного мѣста

въ другое, въ видѣ успокоенія на лонѣ природы, среди полудикихъ цыганъ. Всѣ они, эти люди, рано бросились въ вихрь свѣта, «бурной жизнью погубили надежду, радость и желаніе»; очень скоро, «извѣдавъ людей и свѣтъ, узнали цѣну этой невѣрной жизни» и, «наскуча быть жертвою привычной презрѣнной суеты», стали отступниками этого свѣта и покинули, или стремились «покинуть родной предѣлъ». Но нигдѣ и ни въ чемъ не находили они покоя. Алеко прельщается цыганскою жизнью, гдѣ «все дико, но живо, непокойно, такъ чуждо мертвыхъ нашихъ нѣгъ, такъ чуждо этой жизни праздной». Но и тутъ не нашелъ онъ надежнаго гнѣзда, потому что жизнь создалъ себѣ искусственную. Таковъ же и «кавказскій офицеръ», который даже «безъ упованій, безъ желаній, вянетъ жертвою» какихъ-то своихъ страстишекъ «и проситъ черкешенку пожалѣть о его скорбной участи». Таковъ и даровитый Чарскій, задыхающійся въ свѣтскомъ обществѣ и не имѣющій даже силъ уйти изъ него. Таковъ, наконецъ, и этотъ Онѣгинъ, которому наскучаетъ и природа, и сельское уединеніе, и безплодное чтеніе хорошихъ книжекъ, и самое путешествіе, гдѣ преслѣдуетъ его та же самая *русская хандра* и невыносимая тоска сознанія своей ненужности, одиночества, страшная тоска жизни, «кипящей въ дѣйствіи пустомъ», наконецъ, тоска апатіи, равнодушіе рѣшительно ко всему,—тоска медленной смерти. «И гаснутъ, какъ пламень дымный, забытый средь пустыхъ долинъ», эти юныя, безплодныя и для себя, и для другихъ, силы... Не правда-ли, какіе это странные люди?

И кто, по выраженію Некрасова, не издѣвался надъ ихъ безпредметною тоской, надъ вѣчной скукой Богъ вѣсть съ чего. какъ говорится у насъ, просто съ жиру? «Но глупый смѣхъ къ чему не придирался? Гражданской скорбью наши мудрецы прозвали настроеніе такое. Поверхностной ироніи печать мы очень часто налагаемъ на то, надъ чѣмъ слѣдовало бы призадуматься». «Намъ человѣкъ, поверженный въ хандру, смѣшонъ тоскою постоянной, и не понимаемъ мы глубокихъ мукъ, которыми болитъ иная душа, внимая ложному звуку жизни и изнывая въ невольной праздности» (Некрасовъ). Изображенные Пушкинымъ люди—именно этого рода и представляютъ весьма знаменательное явленіе русской жизни въ эпоху реакціи. Конечно, созданіе такихъ личностей, какъ «кавказскій офицеръ» и «Алеко», произошло подъ вліяніемъ Байрона и ссылки самого поэта на югъ, но здѣсь, и особенно въ Онѣгинѣ и Чарскомъ, сказалось также и непосредственное вліяніе нашей русской жизни вообще, когда въ эту эпоху была убита и зарождающаяся литература, и юная, едва начавщая лепетать, наука, и всякая умственная жизнь, всякая разумная дѣятельность на пользу государству. О кипучей умственной дѣятельности, о разумномъ воспитаніи, о «службѣ дѣлу, а не лицамъ»,—словомъ, обо всѣхъ прекрасныхъ начинаніяхъ, которыми заявило себя начало царствованія Александра I, не было уже и помину. «Вѣкъ, когда, говоритъ Чацкій, всякій дышалъ вольнѣе», уже прошелъ; люди дѣла и серьезной мысли сошли со сцены; насталъ вѣкъ людишекъ, вѣкъ полнаго забвенія всѣхъ добрыхъ

стремленій къ разумной дѣятельности, — словомъ, настадъ, какъ говоритъ Некрасовъ, вотъ какой вѣкъ:

Въ дни юности кутежъ и стеклобитье,
Наука жизни въ зрѣлые года.
(Которую не въ школахъ европейскихъ—
Мы черпали въ гостинныхъ и лакейскихъ),
И наконецъ, завѣтная мечта- -
Почетныя, доходныя мѣста.

Многіе старики еще живо помнятъ это мрачное время;—полюбуемся имъ:

Какъ яблоню качаетъ проходящій,
Весь занятый минутой настоящей,
Желаніемъ однимъ руководимъ—
Набрать плодовъ, и далѣ въ путь пуститься,—
Такъ русское общественное древо,
Кто только могъ, направо и налѣво,
Раскачивалъ, спѣша набить карманъ,
Не думая о томъ, что будетъ далѣ...
Мы всѣ тогда жирѣли, наживали...

(Медвѣжья охота).

Выразителями лучшихъ, но все-таки *среднихъ*, людей такого-то вѣка и были эти Чарскіе и Онѣгины. Изнывали они и задыхались въ этой жизни, рѣшительно не зная, что̀ съ собой дѣлать, и наконецъ, махнули на все рукой; но отъ этого не стало имъ легче... Такъ, при всей своей молодости, здоровьи, обезпеченности, гибли, плохо подготовленные къ жизни и труду, эти люди, безъ руководителей, безъ чьего-бы то ни было сочувствія,—люди, слывшіе въ обществѣ *чудаками;* гибли они медленной, невидной смертью, а общество, на глазахъ котораго погибали его же собственныя, даро-

витѣйшія, дѣти, и не подозрѣвало, что безвозвратно лишается лучшихъ своихъ силъ; что эти люди, въ иное, болѣе благопріятное, время, въ массѣ поддерживая и ободряя другъ друга, могли бы быть полезными слугами своего отечества, посильными дѣятелями въ наукѣ, искусствѣ и на всякихъ другихъ поприщахъ гражданской жизни. Словомъ, всѣ эти, сначала Алеко, потомъ Онѣгины и Чарскіе, печальные странники, нигдѣ не находящіе себѣ покоя, всѣ эти «москвичи въ гарольдовомъ плащѣ», отъ которыхъ уже не услышишь смѣлыхъ рѣчей Чацкаго—всѣ они—прямое выраженіе той эпохи, когда жизнь русская временно какъ бы замерла, остановилась, да ничего не представляла и впереди, кромѣ туманной дали. Въ такія безцвѣтныя, неопредѣленныя, эпохи, въ которыя, какъ въ храмѣ умирающаго язычества, «боги жить больше не хотятъ, а человѣкъ не смѣетъ», всегда повторяется обычное явленіе со всѣми наиболѣе даровитыми людьми. Одни изъ нихъ безплодно хандрятъ и тоскуютъ дома, или въ странствіяхъ ради разсѣянія, какъ Онѣгинъ; другіе бросаются въ безумную игру (Пиковая дама), въ поиски за бранной славой или смертью на полѣ битвы, въ развратъ, скандалы, и даже доходятъ до преступленія (Алеко, Германъ, Дубровскій-сынъ). Даже личнаго счастія въ семейной жизни не устраиваютъ себѣ эти люди, сознавая, какъ Онѣгинъ, что семья, и только она одна, безъ всякой общественной дѣятельности, для нихъ величайшая скука и пошлость.

Этихъ-то бѣдныхъ, одинокихъ, странниковъ, этихъ-то

безплодно бродячихъ, хоть и небольшихъ, но все-таки силъ, также не забылъ поэтъ,—и да не забудетъ его самого благодарный потомокъ за эту, хоть и печальную, но правдивую, картину столь знакомой намъ русской хандры, которая въ концѣ-концовъ «овладѣла понемногу и безпечнымъ повѣсой Онѣгинымъ». До Пушкина герои русской литературы почти исключительно были *ликующіе*, даже страдалецъ Чацкій является торжествующимъ надъ зломъ, героемъ, мечущимъ въ него молніи своихъ громоносныхъ рѣчей; Пушкинъ первый вывелъ на сцену обыкновеннаго *скучающаго*, *лишняго русскаго человѣка*, въ безсиліи преклоняющаго передъ жизнью свою бѣдную голову.

IV.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА.

«Горе тому дому, гдѣ нѣтъ женщины», говоритъ старикъ Опольевъ въ извѣстной комедіи покойнаго А. И. Пальма «Старый баринъ»; «горе, скажемъ мы, тому обществу, тому государству, гдѣ нѣтъ женщины, которая своимъ вліяніемъ могла бы сдерживать дикіе порывы и грубые нравы мужчинъ, могла бы дѣлать общественную жизнь интереснѣе и человѣчнѣе, могла бы возбуждать и поддерживать въ мужчинѣ стремленія благороднѣйшія. Горе тому обществу, гдѣ нѣтъ матери, нѣтъ жены; гдѣ дѣвушка—товаръ, который или самъ продаетъ себя лицомъ въ замужество, или который везутъ добрые родственники куда-нибудь «на ярмарку невѣстъ»; гдѣ жена немногимъ лучше наложницы, которой нерѣдко измѣняютъ вѣрные «ученики Фоблаза», обученные любви «пакостными романами», и которая и сама «наставляетъ мужу рога; или же—гдѣ жена, въ родѣ старухи Лариной», «замѣнившей счастье привычкой, открываетъ тайну единовластно управлять

глуповатымъ супругомъ, ѣздитъ по работамъ, солитъ грибы, ведетъ расходы, брѣетъ лбы, ходитъ по субботамъ въ баню, и бьетъ по щекамъ служанокъ»; гдѣ «мать, народивъ дѣтей, не имѣетъ съ ними ни малѣйшей нравственной связи, и, вся преданная или пустому свѣту, или мелочамъ хозяйства и сплетнямъ, совершенно этихъ дѣтей игнорируетъ». Такое горе, какъ мы видимъ изъ сочиненій Пушкина. дѣйствительно было въ современномъ ему русскомъ обществѣ. Хорошей русской женщины, *какъ образа вполнѣ цѣльнаго и законченнаго*, у Пушкина нѣтъ, да и быть не могло, потому что въ двадцатыхъ-тридцатыхъ годахъ ея у насъ почти не было и въ жизни, за немногими, рѣдкими, исключеніями, на которыхъ останавливается, напр., Некрасовъ въ своихъ «Русскихъ женщинахъ» (замѣтьте, что о нихъ стало возможнымъ говорить въ литературѣ уже только въ наши дни);—почти не было, по крайней мѣрѣ, въ томъ высшемъ свѣтскомъ и деревенскомъ обществѣ, въ которомъ Пушкинъ вращался самъ. Да оно и неудивительно при положеніи общества, обрисованномъ нами въ предыдущихъ очеркахъ. Положеніе женщины, ея умственное и нравственное развитіе, ея интересы тѣсно связаны съ развитіемъ и интересами мужчинъ, и особенно съ тѣми требованіями и взглядами на женщину вообще, на жену, на мать, которые въ извѣстное время у этихъ мужчинъ существуютъ. Каково общество самихъ мужчинъ, таковы, если не хуже еще, и женщины, для которыхъ не остается даже небольшой свободы дѣйствій, предоставленной болѣе сильной половинѣ чело-

вѣческаго рода. Мужчина у Пушкина, по крайней мѣрѣ, все-таки болѣе видитъ свѣтъ и людей, можетъ путешествовать, бѣжать отъ общества, наконецъ, безнаказанно развлекать себя чѣмъ угодно. И въ самомъ дѣлѣ, если собрать все, что въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій говоритъ Пушкинъ о современной ему русской женщинѣ (а говоритъ онъ о ней очень часто и много); если всмотрѣться во всѣ эти, болѣе чѣмъ двадцать, отдѣльные женскіе образы, живьемъ выхваченные изъ этого общества—поразительная и неотразимо грустная выйдетъ картина. Съ какимъ легкимъ, нерѣдко насмѣшливымъ, тономъ говоритъ поэтъ о женщинѣ въ стихахъ своей юности, во всякихъ альбомныхъ мадригальныхъ пьесахъ, воспѣвающихъ почти одну только физическую женскую красоту; «съ какой горечью говоритъ онъ, по словамъ Бѣлинскаго, о нашихъ женщинахъ вездѣ, гдѣ касается общественной мертвенности, холода, чопорности и сухости». На что ужъ, кажется, веселѣе и легкомысленнѣе тонъ первой пѣсни Онѣгина, но посмотрите, что говоритъ поэтъ:

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ,
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама,
Но, вообще, ихъ разговоръ—
Несносный, хоть невинный, вздоръ.
Къ тому-жъ, онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,

Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

Эти строки напоминаютъ Бѣлинскому еще и слѣдующіе стихи изъ того же «Онѣгина», еще рѣзче рисующіе отношеніе Пушкина къ русской женщинѣ, возмущающей его своимъ затворничествомъ. «Умна восточная система, и правъ обычай стариковъ: онѣ родились для гарема, иль для неволи и оковъ». И красота-то у этихъ женщинъ «холодная»: съ ужасомъ читаешь надъ ихъ бровями «надпись ада: оставь надежду навсегда; внушать любовь для нихъ бѣда, пугать людей для нихъ отрада». Онѣ страшныя кокетки, которыхъ «чѣмъ меньше любишь, тѣмъ имъ больше нравишься». А если и полюбятъ онѣ, то какою пошлостью вѣетъ отъ этой любви: «кого не утомятъ угрозы, моленья, клятвы, милый страхъ, записки на шести листахъ, обманы, сплетни, кольца, слезы, надзоры тетокъ, матерей и дружба тяжкая мужей». «И дрожь и злость беретъ, и шевелится эпиграмма въ глубинѣ души, а тутъ еще пиши имъ мадригалы». Блаженъ, конечно, поэтъ, читающій своему предмету стихотворенія; но «пріятно—томная красавица» въ то самое время, какъ онъ, глупый, въ восторгѣ читаетъ вылившееся прямо изъ души произведеніе, «можетъ быть, совсѣмъ инымъ развлечена». «Онѣ не стоятъ ни страстей, ни пѣсенъ ими вдохновенныхъ, слова и взоръ волшебницъ сихъ обманчивы...»: «нечисто въ нихъ воображенье, не понимаетъ насъ оно, и призракъ Бога—вдохновенье для нихъ и чуждо, и смѣшно». (Разговоръ книгопрод. съ поэтомъ). А если и полюбитъ

искренно и простодушно какая-нибудь простенькая барышня, не въ конецъ испорченная свѣтскимъ воспитаніемъ въ пансіонѣ m-me Фальбала («Нулинъ»), или руководствомъ французской либо англійской гувернантки, то и эта любовь или очень не прочна:—«недолго женскую любовь печалитъ хладная разлука, пройдетъ любовь, настанетъ скука, красавица полюбитъ вновь» («Кавк. плѣнн.); или же эта любовь чрезвычайно легкомысленна: «сердце женское любитъ шутя» («Цыгане»); а мы-то, «закабалясь неосторожно, ждемъ себѣ въ награду любовь,—какъ будто требовать возможно отъ мотыльковъ, иль отъ лилей и чувствъ глубокихъ, и страстей!»

Такимъ образомъ, эта русская женщина, обрисованная поэтомъ такой пустой и ничтожной, является въ глазахъ цѣлаго общества только игрушкой похоти, хорошенькимъ цвѣткомъ, который слѣдуетъ какъ можно скорѣй сорвать и, насладившись имъ, бросить. Таковы отношенія къ женщинамъ и самого Онѣгина въ первой главѣ романа, и офицера въ «Домикѣ въ Коломнѣ», и графа Нулина, и гусара въ «Метели», и Лидина («Нулинъ»), и Берестова въ «Барышнѣ-крестьянкѣ», и Алеко, и отношеніе молодыхъ людей къ Вольской (Отрывокъ «Гости съѣзжались на дачу»);—словомъ, почти только одно такое отношеніе къ женщинѣ и существуетъ въ тѣхъ сочиненіяхъ поэта, гдѣ онъ представляетъ современную ему русскую женщину. Дѣвицы здѣсь—или простенькія барышни (Ольга, дочь Троекурова, барышни въ «Повѣстяхъ Бѣлкина») и велико-

свѣтскія невѣсты, или—противныя, перезрѣлыя, старыя дѣвы («Онѣг.»); дамы—или провинціальныя добродѣтельныя жены и матери, въ родѣ Лариной, или опять-таки великосвѣтскія львицы, неприступныя, какъ Татьяна, либо жуирующія, въ родѣ Venus moscovite (графиня въ «Пиковой дамѣ») и Вольской (отрывокъ «Гости съѣзжались на дачу»).

Въ сторонѣ отъ всѣхъ этихъ и дѣвицъ, и дамъ, стоятъ два невеселые образа: бѣдная Дуня, дочь станціоннаго смотрителя, соблазненная гусаромъ, и Параша («Домикъ въ Коломнѣ»), подвергшаяся той же участи со стороны военнаго Донъ-Жуана. «Не ее первую, эту Дуню, не ее послѣднюю сманилъ проѣзжій повѣса, а тамъ—подержалъ и бросилъ. Много ихъ въ Петербургѣ, молоденькихъ дуръ; сегодня въ атласѣ да бархатѣ, а завтра, поглядишь, метутъ улицы съ голью кабацкой. Поневолѣ пожелаешь ей могилы». По той же обычной дорогѣ, вѣроятно, пошла съ легкой офицерской руки и Параша. Всѣ эти великосвѣтскія и невеликосвѣтскія дѣвицы и дамы, единственнымъ почти средствомъ воспитанія которыхъ являются французскій языкъ да, большею частью, нелѣпые, сентиментальные или исполненные всякихъ ужасовъ и небылицъ, романы, какъ мы уже отчасти и видѣли, очерчены поэтомъ съ самой безпощадной сатирой. «Читатели, которые не живали въ деревнѣ—говоритъ онъ въ «Барышнѣ-крестьянкѣ»— не могутъ себѣ вообразить, что это за прелесть, эти уѣздныя барышни! Воспитанныя на чистомъ воздухѣ, въ тѣни своихъ садовыхъ яблонь, онѣ знаніе свѣта и

жизни почерпают изъ книжекъ», а также, добавимъ мы отъ себя, и изъ разсказовъ дворовыхъ дѣвокъ. И вотъ, въ «Онѣгинѣ» мы видимъ такое обращеніе къ Псковской губерніи: «что можетъ быть, страна святая, несноснѣй барышенъ твоихъ, плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ... Какъ разговоръ ихъ пустъ и сухъ, какъ мысли пошлы, стародавни!» Какъ глупы ихъ шутки, какъ жалки пороки, неопрятность, жеманство, и къ тому же еще претензіи на какой-то модный, неуклюжій, этикетъ! Даже всегда, какъ утро, веселая, простодушная, пустенькая ничтожность, Ольга кажется передъ ними чуть не совершенствомъ: съ такими милыми, веселыми дѣвицами можно, по крайней мѣрѣ, посмѣяться, поболтать отъ нечего дѣлать, особенно въ деревнѣ, въ долгій зимній вечеръ («Зима... Что дѣлать намъ въ деревнѣ»)... Но не дай Богъ связать себя супружествомъ съ этимъ «милымъ, легкимъ, какъ пухъ, поломъ», потому что, какъ только пройдетъ «восторговъ первый пылъ», и настанетъ обычная, безсодержательная, домашняя семейная жизнь, «мы узримъ въ ней одинъ только рядъ утомительныхъ картинъ», и слава Богу еще, если только «романъ во вкусѣ Лафонтена», а не безконечный рядъ всякихъ семейныхъ сценъ. Такой представляется поэту наша «простая русская семья, въ которой къ гостямъ усердіе большое, варенье, вѣчный разговоръ про дождь, про снѣгъ, про скотный дворъ». И въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ сочиненіяхъ Пушкина семьи хорошей вы не встрѣтите; не увидите ни малѣйшей нравственной связи между мужемъ и женой, между

матерью и дѣтьми: не найдете ни одного случая, гдѣ бы женщина умная, образованная, сколько-нибудь скрашивала собой общество, оживляла разговоръ, вносила въ общество свое благотворное вліяніе. Здѣсь, у этихъ женщинъ, все такъ ужасно пошло, плоско, скучно, даже еще пошлѣе и скучнѣе, чѣмъ у мужчинъ. Русская женщина у Пушкина еще не проснулась отъ своей вѣковой умственной спячки, и если выходитъ изъ неволи, то отдается вся однѣмъ интрижкамъ, но только тайнымъ, потому что свѣтъ, извиняя то, что дѣлается потихоньку, съ соблюденіемъ необходимаго декорума, «никогда не прощаетъ малѣйшаго уклоненія отъ чопорныхъ приличій». Таково было, если судить по Пушкину, наше женское общество въ изображаемую эпоху, и оно не мало, въ свою очередь, содѣйствовало одичалости и грубости въ мысляхъ и чувствахъ нашихъ мужчинъ.

Но были однако и у Пушкина порывы изобразить хорошую русскую женщину. Среди длинной вереницы ничтожностей находимъ мы двѣ очень свѣтлыя женскія личности. Одна изъ нихъ—бѣдная Татьяна, взятая прямо изъ деревенской глуши, выросшая на сказкахъ няни, деревенскихъ пѣсняхъ да романахъ, своеобразно подѣйствовавшихъ на ея впечатлительную, воспріимчивую, богатую натуру; другая—Полина—княжеская дочь, великосвѣтская дѣвица, съумѣвшая какъ-то, тоже безъ руководителей и постороннихъ вліяній, при самомъ безтолковомъ сбродѣ книгъ въ библіотекѣ своего отца, развить себя чтеніемъ и сдѣлаться умной и прекрасной

единственною образованной, истинно любящей свое отечество женщиною, на которой могло остановиться вниманіе знаменитой Сталь, одной изъ образованнѣйшихъ женщинъ вѣка («Рославлевъ»). Но какая печальная и почти одинаковая участь постигаетъ оба эти отрадныя исключенія! Обѣ эти женщины, въ концѣ-концовъ, вполнѣ разстаются съ своими мечтами и стремленіями и становятся обыкновенными великосвѣтскими дамами, женами пошляковъ-мужей. Разсказываютъ, что, когда Пушкинъ напечаталъ еще только первыя главы Онѣгина, къ нему обратилась княгиня Голицына съ вопросомъ: «Что вы думаете сдѣлать съ Татьяной? Умоляю васъ, устройте хорошенько ея участь».—«Будьте покойны, княгиня—отвѣчалъ поэтъ—я выдамъ ее замужъ за генералъ-адъютанта» («Русск. Арх.», 1873, т. 1.073). Пушкинъ сдержалъ слово. Его блѣднолицая мечтательница, искавшая идеала лучшаго, чѣмъ могли представить ей собою всякіе деревенскіе полуидіоты,—эта Татьяна, эта чудная дѣвушка, никѣмъ, даже Онѣгинымъ, непонятая, которая совершенно одна, изнемогая разсудкомъ, переносила свое горе и едва совсѣмъ не погибла молча и незамѣтно ни для кого;—эта первая въ нашей литературѣ симпатичная дѣвушка, прототипъ тургеневской Елены,—эта бѣдная Таня вышла замужъ за генерала, «всѣхъ выше поднимавшаго носъ и плечи», и, задавивъ въ себѣ человѣческія стремленія, стала «вѣрною супругою» нелюбимаго, но очень виднаго по положенію, человѣка. Эта Полина, нашедшая въ себѣ довольно смѣлости, чтобы громко возмущаться равнодушіемъ общества къ своей

родинѣ и, несмотря на насмѣшки окружающихъ, заявлять о томъ, что женщина также должна любить отечество и принимать участіе въ дѣлахъ своихъ братьевъ, отцовъ, мужей и дѣтей,—эта самая Полина, въ концѣ-концовъ, также выходитъ замужъ за того самаго «повѣсу-братца», который приносилъ на алтарь отечеству свои 30.000 долгу, и поступками котораго сама такъ возмущалась. Иначе, впрочемъ, не могло и быть. Въ ту мрачную эпоху, если и выдавались порой такія личности, какъ Татьяна или Полина, то эти личности должны были или кончать такъ, какъ онѣ кончили, или умирать. Если бы женщина того времени и того общества вздумала устраивать свою жизнь самостоятельно, на свой образецъ, отдаваясь честно и прямо влеченіямъ своего сердца, это общество забросало бы ее грязью хуже, чѣмъ нынѣшнюю Анну Каренину. Не даромъ Пушкину такъ унизительно и подробно пришлось оправдывать свою Татьяну въ необдуманной посылкѣ письма. Такія женщины въ нашемъ обществѣ были тогда еще рѣдкимъ исключеніемъ, и велика заслуга поэта въ томъ, что онъ не пропустилъ и этихъ свѣтлыхъ точекъ на темномъ фонѣ своей картины общественной жизни. Характеровъ же цѣльныхъ, женщинъ идеальныхъ, поневолѣ приходилось поэтамъ искать на Кавказѣ между черкешенками, между невольницами какого-нибудь Гирея, у цыганъ, въ древней Руси (Русалка, Полтава),—всюду, только не въ русскомъ обществѣ. То же видимъ позже и у Лермонтова (Бэла, Тамара); а у Гоголя, когда онъ хотѣлъ создать чудную русскую дѣву, вышла только безцвѣтная Уленька.

Женщина, выставленная Пушкинымъ, еще безотраднѣе его мужскихъ портретовъ.

Этимъ небольшимъ этюдомъ современной Пушкину русской женщины средняго и высшаго круга мы кончаемъ наши очерки, цѣль которыхъ, какъ мы говорили и ранѣе, очень скромная. Оставивъ въ сторонѣ весьма значительную часть произведеній поэта, которыя даютъ матеріалъ для выводовъ эстетическихъ, мы остановились только на тѣхъ, по которымъ можно познакомиться съ *русскою современною* поэту жизнью. Картина наша вышла очень печальная. Поэтъ, начавшій свою поэтическую дѣятельность свѣтлыми анакреонтическими пѣснями радости, очень скоро открываетъ въ себѣ элегическую ноту, звучащую все печальнѣе и печальнѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ самъ становился старше и опытнѣе, а вокругъ него всѣ болѣе и болѣе грозно «глядѣла судьба», и «часъ отъ часу рѣдѣлъ кругъ» честныхъ, мыслящихъ людей, а оставшіеся въ живыхъ и на свободѣ, «невидимо склоняясь и хладѣя, близились къ началу своему», т.-е. къ покою небытія (19 окт. 1825). И хоть и говоритъ поэтъ, что «въ надеждѣ добра глядитъ впередъ безъ боязни» и проситъ читателя «не печалиться и не сердиться, если обманетъ жизнь»; но гнетущая тоска и раздумье видятся и въ этомъ Онѣгинѣ, и во многихъ лирическихъ пьесахъ, и даже отчасти и въ повѣстяхъ, гдѣ изображается пустое, холодное, сонное общество. У Грибоѣдова въ

1823 г. еще раздается громовая рѣчь Чацкаго, котораго общество боится и ведетъ противъ него борьбу за существованіе своего status quo. Многіе изъ этого самаго общества вдругъ бросаютъ службу, когда имъ слѣдовалъ чинъ, и предаются занятіямъ наукой, какъ братъ Скалозуба, или какой-то князь-химикъ и ботаникъ; въ англійскомъ клубѣ громко ведутся какія-то пренія о матеріяхъ важныхъ; — у Пушкина это общество только «вянетъ и молчитъ». Оно убито, подавлено, какъ это и было на самомъ дѣлѣ въ мрачный періодъ 1825—1837 года. Правдивымъ выразителемъ этого-то именно историческаго момента и былъ Пушкинъ, проницательнымъ умомъ художника съумѣвшій уловить преобладающій характеръ современности. Первому истинно русскому народному художнику, преимущественно склонному къ изображенію прекраснаго и высокаго, пришлось быть и живописцемъ пошлости, апатіи и невѣжества, среди котораго онъ самъ жилъ и отъ чего не мало терпѣлъ. Онъ художественно понялъ историческій моментъ, самъ во многомъ неся на себѣ его вредныя вліянія, и, не упреждая времени, былъ вѣрнымъ его выразителемъ и живописцемъ. Не его вина, что картины и образы русскаго общества вышли такіе жалкіе, блѣдные, безсодержательные. Таковы были тогда въ огромномъ большинствѣ и сами люди, а поэтъ исключеній не бралъ. Вотъ почему, можетъ быть, и не совсѣмъ сочувствуетъ Пушкину современная намъ молодежь, которая, какъ и всякая молодежь вообще, любитъ лица яркія, характеры сильные, въ родѣ ка-

рактеровъ у Байрона, Шиллера, и даже нашего Лермонтова — любимыхъ поэтовъ юности; любитъ ѣдкія стрѣлы ожесточенной сатиры, въ родѣ Некрасова, чего у Пушкина, всегда искавшаго въ жизни болѣе или менѣе примиренія, не было. Однако, при всемъ томъ, сильныя сатирическія ноты слышатся, по временамъ, и у него, напр., въ послѣднихъ пѣсняхъ «Онѣгина», въ «Капризѣ», «Уединеніи», «Полководцѣ», и даже тамъ, гдѣ всего менѣе, при аристократическихъ предразсудкахъ самаго автора, можно было бы ожидать, напр., въ извѣстной «Родословной моего героя», въ которой поэтъ остроумно шутитъ надъ предками Езерскаго: Варлаамомъ, съ безчестьемъ выводимымъ изъ-за царской трапезы, или Митюшкой-цѣловальникомъ. Намъ, потомкамъ, было бы очень странно говорить еще о гражданскихъ убѣжденіяхъ поэта, спорить о томъ, былъ-ли онъ консерваторомъ или либераломъ; слава Богу, что онъ, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ своего воспитанія и жизни, былъ настолько уменъ и геніаленъ, что самъ не «ожесточился, не очерствѣлъ, не окаменѣлъ», не погрязъ, погубивъ свой талантъ въ грязной тинѣ этого общества, которое онъ такъ художественно изобразилъ въ своихъ сочиненіяхъ и тѣмъ оказалъ неоцѣненную услугу отечеству въ смыслѣ пробужденія въ немъ общественнаго сознанія. По самымъ условіямъ русской жизни, первый русскій художникъ долженъ былъ выйти въ значительной степени именно сатирикомъ, и въ то же время художникомъ, стоящимъ, *такъ сказать*, внѣ своей современности. Пушкинъ и

былъ и тѣмъ, и другимъ. Своими объективными произведеніями, изъ руской исторіи, напримѣръ, и иностранной жизни, онъ далъ руской литературѣ прочное начало эстетическое вообще, безъ котораго литература немыслима; своими картинами и образами именно изъ современной русской жизни, на которые указать и было нашею единственною задачей, онъ даетъ этой литературѣ новое, небывалое въ ней, содержаніе—изображеніе обыденной, простой, неукрашенной кудрявымъ вымысломъ, *правды*. Художественнымъ изображеніемъ этой-то правды онъ окончательно и навсегда убиваетъ въ нашей литературѣ выспренній, высокопарный, тонъ напускнаго восторга и паренія и всѣмъ надоѣвшее тоскливое элегическое кукованье болѣзненной романтики, со всѣми ея мистическими прикрасами и обстановкой, наводящей на душу безплодный страхъ. Ни полуоффиціальная ода съ трескучими фразами, ни томная элегія съ воздыханіями «по ней», съ неопредѣленными стремленіями отъ земли «куда-то», «вдаль», «къ чему-то», чего и самъ писатель хорошенько не разумѣетъ, ни баллада съ мертвецами и привидѣніями, ни русскій романъ съ испанскими нравами и африканскими страстями послѣ Пушкина уже немыслимы. Но зато только съ Пушкина, и очень скоро послѣ него, даже отчасти при немъ самомъ, явились истинные русскіе художники, начавщіе знакомить насъ съ русскою дѣйствительностью. Изображеніе Пушкинымъ русской природы, деревень, дорогъ и городовъ, а также пошлости общества, породило изображеніе этихъ же предметовъ у Гоголя; жизнь

крестьянина, какъ мы видѣли, затронутая поэтомъ довольно значительно, нашла себѣ болѣе полное выраженіе въ «Запискахъ охотника», у Григоровича, и, наконецъ, въ простонародныхъ многочисленныхъ писателяхъ позднѣйшаго времени. Онѣгинъ породилъ Тентетникова и, позднѣе, Обломова; Татьяна выродилась въ тургеневскую Елену; «Капитанская дочка» послужила прототипомъ новѣйшаго русскаго романа, какъ «Серебряный», «Мировичъ», романы графа Сальяса, «Война и Миръ». Даже наименѣе живые, въ смыслѣ жизненности содержанія, стороны Пушкинской поэзіи, его безотносительныя анакреонтическія и антологическія произведенія, особенно стихотворенія, воспѣвающія любовь и физическую красоту женщины,—даже и эти вещи, на которые слѣдуетъ смотрѣть только какъ на прихоть, отдыхъ отъ другихъ, болѣе важныхъ, трудовъ великаго поэта, породили цѣлую длинную вереницу подражателей, такъ называемыхъ, эстетиковъ искусства для искусства, надъ которыми такъ зло издѣвалась критика конца пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, убившая ихъ значеніе своими остроумными пародіями.

Такимъ образомъ, Пушкинъ, которому въ 1880 г. воздвигла въ Москвѣ памятникъ благодарная, мыслящая, Россія, вполнѣ заслуживаетъ имени основателя всей настоящей русской литературы, которая только съ него становится самостоятельной и все болѣе и болѣе крѣпнущей силой, ждущей только расширенія своихъ рамокъ, чтобы еще болѣе благотворно служить идеямъ добра, правды и истиннаго человѣческаго и національ-

наго просвѣщенія. Память Пушкина для насъ священна тѣмъ болѣе, что онъ жилъ и дѣйствовалъ въ самую тяжелую, мрачную, эпоху нашей исторической жизни, и хотя и погибъ такъ рановременно изъ-за гнусной интриги своихъ же соотечественниковъ, но все-таки съумѣлъ до конца сохранить свое человѣческое достоинство и любовь къ свой родинѣ, и успѣлъ, несмотря на всѣ препятствія, заключавшіяся и въ немъ самомъ, и внѣ его, оставить по себѣ правдивую, печальную, лѣтопись своей современности и заложить прочный фундаментъ всей послѣдующей литературѣ. Пушкинъ, какъ и поэтъ въ его извѣстномъ стихотвореніи, «жилъ одинъ, не обращая вниманія на толкъ глупца и смѣхъ толпы холодной, и твердо шелъ своею дорогою туда, куда влекъ его свободный умъ, усовершенствуя плоды любимыхъ думъ, не требуя отъ этой толпы наградъ за благородный подвигъ». Великая и разнообразная дѣятельность Пушкина, равно какъ и самая его личность, почти одиноко, какъ островъ на безбрежномъ океанѣ, какъ оазисъ въ безплодной песчаной пустынѣ, грандіозно высится надъ плоскимъ уровнемъ печальной жизни конца двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ; и невольно приходятъ въ голову слова другого, позднѣйшаго изъ порожденныхъ имъ же, Пушкинымъ, поэта, Некрасова:

Мудреными путями Богъ ведетъ
Тебя, многострадальная Россія!
Попробуй, усомнись въ твоихъ богатыряхъ
Доисторическаго вѣка,
Когда и въ наши дни выносятъ на плечахъ
Все поколѣнье два-три человѣка!

Конецъ.

11) **Родные поэты, для чтенія въ классѣ и дома.** Сборникъ стихотворныхъ произв. для юношества, указанныхъ въ книгѣ В. Острогорскаго **Русскіе писатели** (Жуковскій, Батюшковъ, Крыловъ, Пушкинъ, Веневитиновъ, Баратынскій, Языковъ, Лермонтовъ, Майковъ, Мей, Плещеевъ, Кольцовъ, Никитинъ, Шевченко, Некрасовъ). Изд. 2-е. М 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

12) **Двадцать біографій** образцовыхъ русскихъ писателей для юношества, съ 20-ю портретами. Изд. 4-е. Ц. 50 к.

13) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Ц. 10 к.

14) **Изъ дальняго прошлаго. Драматическіе эскизы.** (Мгла, др. въ 5 д.; Липочка, ком. въ 3 дѣйств. съ прологомъ; сцены: На однѣхъ сѣняхъ. Первый шагъ; Въ бель-этажѣ на улицу). Изд. М. М. Ледерле, Спб. 1891 года. Ц. 80 к.

15) **С. Т. Аксаковъ. Критико-біографическій очеркъ.** Изд. П. Г. Мартынова. Спб. 1891 г. Ц. 75 к.

16) **Моя библіотека. Ж. Б. Мольеръ. Мѣщанинъ въ дворянствѣ,** пер. В. П. Острогорскаго, съ предисловіемъ переводчика. Изд. М. М. Ледерле. Спб. 1893 г. Ц. 50 к.

17) **Письма объ эстетическомъ воспитаніи.** Изд. 2 журнала «Міръ Божій». 1896 г. М. Ц. 40 к.

18) **Очерки пушкинской Руси.** Изд. 2 журн. «Міръ Божій». Спб. 1896 г.

19) **Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ.** 1851—1864 гг.). Изданіе **О. Н. Поповой,** цѣна 1 р. 25 к. (стр. X + 293).

СОДЕРЖАНІЕ: I. **Гимназія.** Поступленіе въ гимназію. Домашняя подготовка.—Попечитель Мусинъ-Пушкинъ.—Переходъ въ III гимназію.—Ея характеръ.—Директоръ Ѳ. И. Буссе.—Классическій характеръ гимназіи.—Г. И. Лапшинъ.—Учитель греческаго языка.—Постановка языковъ новыхъ и исторіи.—Русскій языкъ въ младшихъ классахъ.—В. Я. Стоюнинъ.—Послѣдній годъ пребыванія въ гимназіи (1857—1858 гг.).—Выпускъ 1858 г.—Общій выводъ о гимназическомъ образованіи. II. **Университетская наука.** Общія замѣчанія о Петербургскомъ университетѣ конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ.—Характеръ преподаванія.—Характеристики профессоровъ: М. М. Стасюлевичъ, М. С. Куторга, Н. И. Костомаровъ, Н. М. Благовѣщенскій, А. В. Никитенко, И. И. Срезневскій, А. Н. Пыпинъ.—Благодарная память университету. III. Унив

ситетскій кружокъ. Экономическое положеніе студентовъ.—«Мыслящій пролетаріатъ».—Мое вступленіе въ кружокъ.—Характеръ кружка.—Характеристика нѣкоторыхъ изъ его членовъ.—Вліяніе на меня Бѣлинскаго, Пирогова и «Современника».—Увлеченіе театромъ и итальянской оперой.—Вліяніе на меня моего дяди. IV. **Василеостровская школа.** Неудовлетворенность нашего кружка «разговорной дѣятельностью».—Критикъ и скептикъ кружка Н. Н. Страннолюбскій.—Таврическая школа.—Возникновеніе объ учрежденіи своей школы.—Участіе К. Д. Кавелина въ осуществленіи этой мысли.—Подготовительныя собранія передъ учрежденіемъ школы.—В. И. Струбинскій и Н. М. Пальминъ.—Открытіе школы и неопредѣленный ея характеръ. V. **Ѳ. Ѳ. Резенеръ.** Появленіе его въ школѣ.—Біографическія о немъ свѣдѣнія.—Роль его на нашихъ собраніяхъ.—Оживленіе послѣднихъ.—Вступленіе въ школу А. Я. Герда.—Отношеніе Резенера къ школѣ и дѣтямъ.—Отношеніе его къ намъ, студентамъ.—Воспоминанія о Резенерѣ его бывшихъ учениковъ: покойнаго художника В. С. Шпака и инженера В. В. Оглоблина.—Закрытіе Василеостровскаго училища.—Дѣятельность Резенера въ качествѣ воспитателя въ «Колоніи малолѣтнихъ преступниковъ».—Послѣдніе годы его жизни.—Воспоминанія о Резенерѣ, какъ о воспитателѣ въ семействѣ.—Смерть. VI. **Переходный періодъ 1862—1864 гг.** Частные уроки: сенаторскіе; у А. К. Гирса и В. Н. Латкина. Мои занятія для подготовки къ урокамъ и учительской дѣятельности вообще.—Увлеченіе народной литературой.—П. И. Якушкинъ и Ф. Г. Толль.—Двѣ мои первыя взрослыя ученицы.—Первый опытъ оффиціальной педагогической дѣятельности: пансіонъ В. В. Швидковской.—Попытки поступить на государственную службу: А. С. Вороновъ и директриса Смольнаго института Леонтьева. — Журнальная дѣятельность въ «Библіотекѣ для чтенія» П. Д. Боборыкина.—Устройство библіотеки В. К. Макалинской и приглашеніе меня учителемъ въ 1864 г. въ I военную гимназію. VII. **Тридцать лѣтъ назадъ (1864 г.)**—общій очеркъ тогдашней педагогической жизни.

DATE DUE

